

№ 1
2018

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций 11.09.2000 (свидетельство
ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

THE SCHOLARLY
AND METHODOLOGICAL JOURNAL

“THE WORLD OF RUSSIAN WORD”
(Mir russkogo slova)

Comes out quarterly

The journal is registered by the Russian Federation Ministry
for Printing, TV and Radio Broadcasting, and Mass-Media
Communications at September 11th, 2000
(certificate ПИ № ФС77–30539, date of issue December 20th, 2007)

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

Учредитель и издатель

Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей русского языка
и литературы»

Адрес редакции:

199106, г. Санкт-Петербург, Большой проспект
В. О., д. 80, офис 809, БЦ «Сенатор»
e-mail: editor@ropryal.ru

Редакционный совет

Л. А. Вербицкая — *акад. РАО, д-р филол. наук,
проф., Президент СПбГУ, Президент РОПРЯЛ,
Президент МАПРЯЛ, Президент РАО*
В. В. Воробьев — *д-р филол. наук, член-корр.
РАЕН, проф., зав. каф., РУДН*
Л. П. Клобукова — *д-р пед. наук, проф., акад.
МАНПО, зав. каф., МГУ им. М. В. Ломоносова*
Ю. Е. Прохоров — *д-р пед. наук, д-р филол. наук,
проф., проф. СПбГУ*
В. М. Шаклеин — *д-р филол. наук, проф., член-
корр. РАЕН, зав. каф., РУДН*
С. И. Богданов — *д-р филол. наук, проф.,
ректор, РГПУ им. А. И. Герцена*
М. Ю. Сидорова — *д-р филол. наук, проф., проф.
МГУ им. М. В. Ломоносова*
С. Н. Голубев — *канд. филол. наук, Ген. директор
ЗАО «Златоуст»*
И. Н. Сухих — *д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*
И. З. Белобровцева — *д-р филол. наук, проф.,
проф. Таллинского ун-та*
К. А. Рогова (главный редактор) —
д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ

Журнал включен в:

– Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
и представлен в Научной электронной библиотеке;
– Европейский индекс цитирования
по гуманитарным и общественным наукам
ERIH PLUS;
– Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук (с 2007 года);
– Научную электронную библиотеку
«КиберЛенинка».

The Founder and Publisher

The non-profit partnership “Association
of Teachers of Russian Language and
Literature” (“ROPRYAL”)

Editorial board’s address: of. 809,
80, Bolshoi pr. V. O., St. Petersburg,
RU-199106, Russia
e-mail: editor@ropryal.ru

Editorial board

L. A. Verbitskaja
*St. Petersburg State University, Russian Academy
of Education*
V. V. Vorobjov
Peoples’ Friendship University of Russia
L. P. Klobukova
Lomonosov Moscow State University
Yu. E. Prokhorov
St. Petersburg State University
V. M. Shakleин
Peoples’ Friendship University of Russia
S. I. Bogdanov
Herzen State Pedagogical University of Russia
M. Yu. Sidorova
Lomonosov Moscow State University
S. N. Golubev
Zlatoust Ltd. company
I. N. Sukhikh
St. Petersburg State University
I. Z. Belobrovceva
Tallinn University
K. A. Rogova — *editor-in-chief
St. Petersburg State University*

The journal is included into

– Russian Science Citation Index (RSCI), and
is represented in Scientific Electronic Library
(elibrary.ru);
– European Reference Index for the Humanities
and the Social Sciences
(ERIH PLUS);
– Scientific Electronic Library CyberLeninka.

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

По вопросам подписки и доставки
журнала за пределами СНГ обращайтесь
к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва,
Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-
91-47; 129-78-22; факс (495) 124-99-38;
info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва,
ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37;
681-97-63; 681-87-47; факс (495) 681-37-98;
export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20;
тел./факс (495) 152-54-81;
тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы“»
127015, г. Москва, а/я 2;
тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15;
mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 216,
Международный центр научной
и технической информации;
тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41,
+7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ“»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая
общественная организация
«Ассоциация выпускников советских
и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая
общественная организация
«Общество выпускников советских
и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24;
ruskistudentig@yahoo.com

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ПОЛНОСТЬЮ ПОКРЫТЫ
ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА
«РУССКИЙ МИР»

ФОНД РУССКИЙ МИР

№ 1 2018

Главный редактор:

К. А. Рогова —
*д-р филол. наук, проф.,
проф. СПбГУ*

Над журналом работали:

Редактор:

Д. А. Шукина —
*д-р филол. наук, проф.,
зав. каф., Горный ун-т*

Вып. редактор:

М. С. Шишков —
канд. филол. наук, доц.

Корректор:

Н. В. Лутц

Перевод аннотаций:

А. Д. Степанов

Оригинал-макет:

М. С. Шишков

Тираж 400 экз.

Подписано в печать 12.04.2018

Отпечатано в типографии

«СМДЖИ Принт»,
197022, Санкт-Петербург,
Каменноостровский пр., д. 61,
лит. А, пом. 11Н

При перепечатке

материалов ссылка на журнал
«Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи
не возвращаются

Плата с аспирантов
за публикацию рукописей
не взимается

Правила направления,
рецензирования и опубликования
научных статей в журнале
«Мир русского слова»:
<http://mirs.ropryal.ru/rules/>

В НОМЕРЕ CONTENTS

	[ОФИЦИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ]	[OFFICIAL MATERIALS]
4	50 лет МАПРЯЛ	50 years Anniversary of MAPRYAL
7	План мероприятий РОПРЯЛ на 2018 год	ROPRYAL Plan of Events for 2018
11	План мероприятий МАПРЯЛ на 2018 год	MAPRYAL Plan of Events for 2018
	[ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ]	[LINGUISTIC NOTES]
14	М. С. Кирпу Модели инфинитивных предложений (на материале творчества Е. Летова)	M. S. Kirpu Models of Infinitive Sentences: a Case Study of Egor Letov Poetry
21	Гун Тяньи К контрастивному анализу реализации прямого побуждения в русском и китайском газетных рекламных дискурсах	Gong Tianyi On Contrastive Analysis of Direct Inducement in Russian and Chinese Newspaper Advertising Discourses
	[КУЛЬТУРА РЕЧИ]	[SPEECH CULTURE]
26	Л. В. Басова Современный политико-правовой дискурс: функционально-стилистический аспект	L. V. Basova Modern Political and Legal Discourse: Functional and Stylistic Aspects
30	Е. И. Литневская О языковой норме письменной речи и проблемах ее кодификации в начале XXI века	E. I. Litnevskaya On Written Russian Language's Linguistic Standard and the Problems of Its Codification in the Beginning of the 21 st Century
	[ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ]	[LINGUOCULTURAL STUDIES]
35	Л. В. Селезнева, О. И. Лыткина, А. В. Люликова, И. А. Тортунова Концептосфера медицины в русской языковой картине мира (на материале медицинского, рекламного, PR-дискурсов)	L. V. Selezneva, O. I. Lytkina, A. V. Liulikova, I. A. Tortunova The sphere of concepts of medicine in the Russian language picture of the world (by the material of medical, advertising, PR-discourses)
40	Гао Тянь, Д. Б. Гудков Концепты «родина» и «дом» в русском и китайском патриотическом дискурсе	Gao Tian, D. B. Gudkov Concepts 'Motherland' and 'Home' in Russian and Chinese Patriotic Discourse
48	Лян Хунци, Янь Кай Концепт «память» в художественных текстах И. А. Бунина на фоне китайского языка	Liang Hongqi, Yan Kai The Concept of 'Memory' in Ivan Bunin's Works in the Mirror of Chinese Language
	[ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА]	[INTERACTION OF LANGUAGE AND LITERATURE]
53	Р. К. Боженкова, Н. А. Боженкова Механизмы рождения и накопления новых лингвокультурных смыслов в процессе трансляции текста	R. K. Bozhenkova, N. A. Bozhenkova Mechanisms of Birth and Accumulation of New Linguistic and Cultural Meanings in the Process of Text Translation
59	И. А. Мартянова, Н. В. Богданова Драматургическая интерпретация романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»: лингвистические аспекты	I. A. Martianova, N. V. Bogdanova Dramatic Interpretation of Ivan Turgenev's Novel "Fathers and Sons": Linguistic Aspects

- 64 Е. В. Киреева
Лингвистические особенности пейзажных фрагментов в трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда»
E. V. Kireeva
Linguistic Characteristics of Landscape Fragments in the trilogy “A Legend in The Making” by Fyodor Sologub
- 73 Н. В. Чуйкина
Неисконно русская речь персонажа в художественном тексте (на материале романа А. Чернявского-Черниговского «Семь лун блаженной Бригитты») —
N. V. Tshuikina
Unoriginal Russian Speech of a Literary Text Character: a Case Study of the “Seven Moons of Brigitta the Blessed” Novel by Alexander Chernyavsky-Chernigovsky
- 80 Д. Д. Васёва
Повествование от первого лица в современном рассказе —
D. D. Vaseva
First-person Narration in Modern Fiction
- [МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА] [RUSSIAN LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY]**
- 85 Н. В. Кулибина, Н. Б. Битехтина, Н. В. Виноградова, Т. Н. Дьяченко, В. Н. Климова, А. И. Ольховская
«Интерактивные авторские курсы Института Пушкина»: открытая образовательная среда для изучающих русский язык и их преподавателей
N. V. Kulibina, N. B. Bitekhtina, N. V. Vinogradova, T. N. Diachenko, V. N. Klimova, A. I. Olkhovskaya
“Pushkin Institute Interactive Author’s Courses”: Open Educational Environment for Russian Language Students and Their Teachers
- 90 Р. М. Теремова
Учебное пособие по лингвокультурологии: опыт концептуально-методического анализа
R. M. Teremova
The Linguoculturology Textbook: an Attempt of Conceptual and Methodological Analysis
- 94 Н. Л. Федотова, А. В. Васильева
Символическое и несимволическое взаимодействие субъектов учебного процесса в условиях краткосрочного обучения русскому языку как иностранному (уровень В1)
N. L. Fedotova, A. V. Vasilieva
Symbolic and Non-Symbolic Interaction of Educational Process Subjects under Conditions of Russian as a Foreign Language (B1) Short-term Learning
- 100 С. М. Пронченко
Фольклорно-диалектологический материал Новозыбковского района Брянской области в практике преподавания русского языка и литературы
S. M. Pronchenko
Folklore and Dialectological Material from Novozybkovsky District (Bryansk Province) in Russian Language and Literature Teaching Practice
- [ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ] [PRESENTING NEW BOOKS. REVIEWS]**
- 112 Г. М. Васильева, Д. А. Щукина —
Рудяков А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире: Монография. — М.: Лекрус, 2016. — 320 с.
D. A. Shchukina, G. M. Vasilyeva—
Rudiakov A. N. Georusistika: russkii iazyk v global’nom mire [Georusistika: Russian Language in the Global World]: Monograph. — Moscow: Lekrus, 2016. — 320 p.
- [НАШИ ЮБИЛЯРЫ] [ANNIVERSARY]**
- 118 Юбилей Дюлы Свака
Gyula Szvák’s Anniversary
- [ХРОНИКА] [CHRONICLE]**
- 25 Проблемы лингвоэкологии: культура мысли и культура речевого общения
The Problems of Linguoecology: Culture of Thought and Culture of Speech Communication
- 79 Международная олимпиада по русскому языку в дистанционном формате «Мы говорим по-русски!»
International Distance-learning Olympiad of Russian Language “We Speak Russian!”
- 106 Всероссийская научно-практическая конференция «Взаимодействие языков и культур при изучении русского языка как неродного: проблемы и перспективы»
All-Russia Scholarly Conference “Interaction of Languages and Cultures in Studying Russian as Non-Mother Tongue: Problems and Perspectives”
- 107 Круглый стол «Национально ориентированный учебник по русскому языку: от замысла к воплощению»
The Round Table “Nationally Oriented Textbook on Russian Language: from Idea to Implementation”
- 109 Круглый стол «Русская литература XXI века как мотивирующая сила к изучению языка»
The Round Table “Russian Literature of the 21st Century as a Moving Impulse for Language Studies”
- [РОССИЯ... НАРОДЫ, ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ] [RUSSIA... PEOPLES, LANGUAGES, CULTURES]**
- 113 Русский язык и культура в мире (интервью с Д. Л. Мацуевым, Е. Г. Водолазкиным, Хосе Марией Луна Агилар)
Russian Language and Culture in the World. Interviews with Denis Matsuev, Evgeny Vodolazkin, José María Luna Aguilar
- 119 И. Квас
1944, ты — звезда
I. Kvas
1944, You are a Star

50 ЛЕТ МАПРЯЛ

50 YEARS ANNIVERSARY OF MAPRYAL

15 сентября 2017 года в Париже в торжественной обстановке состоялось расширенное заседание Президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, приуроченное к 50-летию юбилею МАПРЯЛ. В работе мероприятия приняло участие около 90 преподавателей-русистов из 40 стран мира. Свои площадки для проведения заседания предоставили Посольство России во Франции и Российский духовно-культурный православный центр.

7 сентября 1967 года в парижском Институте славистики при Сорбонне состоялась Учредительная конференция, на которой ученые-русисты из 25 стран мира объявили о создании Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы — МАПРЯЛ. Полвека спустя ученые-филологи, литературоведы, педагоги вновь собрались в Париже, чтобы обсудить важнейшие вопросы преподавания, изучения и функционирования русского языка в разных точках планеты, найти коллегиальное решение проблем, с которыми современные русисты сталкиваются в своей повседневной деятельности.

На сегодняшний день МАПРЯЛ является одним из крупнейших в мире объединений преподавателей-словесников, входящим в ассоциацию преподавателей живых языков (FIPLV). В портфеле проектов МАПРЯЛ за минувшие 50 лет — 13 всемирных конгрессов в 9 странах мира, многочисленные конференции, форумы, фестивали русского языка, социолингвистические исследования, книгоиздательские проекты.

Выступая с приветственной речью на церемонии открытия заседания, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации

во Французской Республике А. К. Орлов охарактеризовал текущую ситуацию с преподаванием русского языка в этой стране и поделился с собравшимися наблюдением о том, что потребность в изучении русского языка в французском обществе гораздо больше, чем показывает официальная статистика. «Наши соотечественники выезжают во Францию, создаются совместные семьи, растет спрос на преподавание русского языка детям младшего возраста. Создаются частные школы дополнительного образования, но каждая из них работает по своей программе, и одной из задач МАПРЯЛ могла бы стать разработка какой-то общей программы для таких школ», — подчеркнул российский дипломат.

Приветствие президента МАПРЯЛ, президента Российской академии образования, академика РАО Л. А. Вербицкой зачитала генеральный секретарь МАПРЯЛ Н. В. Брунова. В приветствии было особо подчеркнута та черта характера, которая объединяет педагогов-русистов и которую блистательно выразил первый президент МАПРЯЛ, академик В. В. Виноградов — «святое беспокойство», выражающееся в постоянном поиске новых идей, творческом горении, энту-

зиазме и бескорыстном служении русскому слову. По мнению Л. А. Вербицкой, именно профессиональные объединения, такие как МАПРЯЛ, способны формировать гуманитарную повестку дня современного мира и содействовать преодолению политических разногласий, на которые так богат нынешний век. «Ведь мы изучаем и распространяем знание не только о слове, и не только о том, как именно оно функционирует в языке, но и о том, какие смыслы стоят за этим словом, как грамотно и ответственно им распоряжаться», — отмечалось в приветствии.

Яркой и запоминающейся была речь почетного гостя заседания — историка, политолога, председателя Комитета науке Государственной думы России по образованию, председателя правления фонда «Русский мир» В. А. Никонова. «Русскость на подъеме, а Россия — хит номер один», — этими словами открыл выступление В. А. Никонов. Он связал интерес к изучению русского языка в некоторых западных странах с изменившейся политической конъюнктурой и возвращением формата «холодной войны», однако привел и другие, положительные примеры мотивации: так, в Сирии руководством страны принято решение об открытии преподавания русского языка во всех без исключения школах, целый самолет школьных учебников на русском языке отправился в Таджикистан. «Вчера в Москве мы встречались с группой депутатов-законодателей Штата Нью-Йорк, в том числе представляющих районы со значительной долей русскоязычного населения. Они рассказали, что Законодательным собранием было принято решение о том, что в Нью-Йорке русский язык является официальным. Это пятый официальный язык города. И в этом году был принят закон, что каждый апрель в штате Нью-Йорк — месяц, посвященный культурному наследию России. И это несмотря на все трудности наших отношений», — подчеркнул в заключение В. А. Никонов.

Приветствие собравшимся от ректора Московского государственного университета В. А. Садовниченко зачитала проректор Московского государственного университета — начальник Управления профессиональной ориен-

тации и работы с талантливой молодежью, профессор Т. В. Кортава. В своей речи она напомнила собравшимся об уникальной миссии МАПРЯЛ: «Такой организации, как МАПРЯЛ, не было, нет и не будет. В её основу была положена идея, принципиально отличающаяся от всех других организаций, которые ставят единственной своей задачей распространение и преподавание русского языка. Дело в том, что в программном докладе, который произнес Виктор Владимирович Виноградов на Учредительной конференции в 1967 году, была поставлена цель объединить научные школы зарубежной русистики и дать фундаментальную основу преподавателям русского языка и литературы за рубежом. И что интересно, за годы существования ассоциации это созвездие научных школ рождало новые научные направления».

Т. В. Кортава анонсировала открытие 22 сентября 2017 года в Институте русского языка и культуры МГУ мемориального кабинета МАПРЯЛ — в том самом помещении, где 21 марта 1967 года начал свою работу Научно-методический центр русского языка под руководством профессора В. Г. Костомарова.

Эмоциональной кульминацией церемонии открытия заседания стало награждение заведующей кафедрой русской филологии Таджикского государственного национального университета, профессора М. Б. Нагзибековой медалью Пушкина за значительный вклад в распространение русского языка. Медаль заслуженному педагогу и талантливому организатору вручила вице-президент МАПРЯЛ, президент Общественного объединения преподавателей русского языка и литературы Казахстана Э. Д. Сулейменова.

Несмотря на однодневный формат, мероприятие было весьма насыщенным в содержательном плане. В рамках пленарной части генеральный секретарь МАПРЯЛ Н. В. Брунова представила собравшимся доклад Л. А. Вербицкой «МАПРЯЛ вчера, сегодня, завтра», содержащий обзор научной деятельности МАПРЯЛ за минувшие 50 лет. Научный руководитель Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук А. М. Молдован познакомил со-

бравшихся с основными направлениями теоретических исследований в области русского языка на современном этапе. С докладом «Русская паремология и европейское языковое и культурное пространство» на заседании выступил профессор Университета имени Эрнста Морица Арндта (Грайфсвальд, Германия) Х. Вальтер.

Программу мероприятия продолжили круглые столы. Участники круглого стола «Русский язык за рубежом: тенденции, вызовы и точки роста» оценили положение русского языка сквозь призму языковой политики своих государств, поделились соображениями о способах повышения интереса молодежи к русскому языку, представили новые учебные программы школ и вузов.

Преподаватели и методисты, принимавшие участие в работе круглого стола «Национально ориентированный учебник по русскому языку: от замысла к воплощению», обсудили практику

разработки и распространения учебников в различных странах мира, выявили имеющиеся лакуны, обменялись опытом разработки новейшей учебной литературы, предприняли попытку найти «золотую середину» между традиционными и инновационными средствами обучения.

В повестку обсуждений на юбилейной встрече МАПРЯЛ также вошли вопросы, связанные с трансляцией и восприятием национально-специфического «образа мысли», зафиксированного в произведениях современной русской литературы. В ходе круглого стола «Русская литература XXI века как мотивирующая сила к изучению языка» литературоведы и педагоги обсудили такие вопросы, как отбор современных литературных текстов для обучения языку, приемы стимулирования читательской активности, способы оптимальной интеграции художественного текста в процесс обучения языку.

[приглашаем принять участие]

XIV КОНГРЕСС МАПРЯЛ «РУССКОЕ СЛОВО В МНОГОЯЗЫЧНОМ МИРЕ»

29 апреля — 4 мая 2019 года в г. Астана (Казахстан) состоится XIV Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Русское слово в многоязычном мире».

Организаторы Конгресса — Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Казахстанская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (Казахстан). Конгресс проходит при поддержке фонда «Русский мир».

На Конгрессе предполагается работа по следующим направлениям.

1. Современный русский язык: социолингвистические аспекты исследования.
2. Русская культура в эпоху глобализации.
3. Системно-структурное описание современного русского языка.
4. Динамика языковых изменений: диахронические и синхронические аспекты исследования.
5. Язык. Сознание. Культура.
6. Современная русская лексикография: традиции и инновации.
7. Русский язык: коммуникативно-прагматические аспекты исследования.
8. Русский язык в межкультурной коммуникации.
9. Методика преподавания русского языка как иностранного, родного и неродного.

10. Сопоставительное изучение русского и других языков: лингвистический и методический аспекты.

11. Перевод как средство межкультурного взаимопонимания, предмет изучения и обучения.

12. Русский язык в медиа-пространстве.

13. Русская литература в мировом литературном процессе: история и современность.

14. Методика преподавания русской литературы: теория и практика.

Круглые столы

1. Русский язык на постсоветском пространстве: общая когнитивная база и региональные компоненты в обучении.

2. Дистанционное обучение русскому языку: проблемы и задачи построения интегрированного учебного пространства.

3. Реалии XXI века в русской фразеологии.

4. Современная русская литература: способы интеграции текста в учебный процесс.

5. На стыке лингвокультур: актуальные проблемы билингвального обучения.

Подробная информация об условиях участия в Конгрессе, сроках подачи заявок, требованиях к оформлению материалов для публикации, а также регистрационная форма размещены на сайте МАПРЯЛ:

<https://ru.mapryal.org/14congress-mapryal/>

ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ РОПРЯЛ на 2018 год

ROPRYAL PLAN
OF EVENTS FOR 2018

<i>Место проведения</i>	<i>Сроки проведения</i>	<i>Организаторы</i>	<i>Название мероприятия</i>
Москва	Ноябрь 2017 — июнь 2018	Академия инновационного образования и развития	Всероссийский конкурс «Гимн России понятными словами»
Казань	23–25 января	Казанский (Приволжский) федеральный университет	XV Всероссийская научно-практическая конференция «Литературоведение и эстетика в XXI веке» («Татьянин день»)
Москва	29 января — 2 февраля	Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)	76-я международная научно-методическая и научно-исследовательская конференция МАДИ. Секция методики работы со студентами-иностранцами
Уфа	Февраль — март	Региональный центр тестирования Башкирского государственного университета	II Международный фотоконкурс «Мы учимся в России!»
Санкт-Петербург	30 января — 2 февраля	Университет ИТМО	XLVII Научная и учебно-методическая конференция Университета ИТМО. Подсекция «Актуальные вопросы обучения иностранных студентов в российском вузе»
Москва	1–2 марта	Департамент образования г. Москвы, МПГУ, Издательский дом «Первое сентября», Школа № 1561 ЮЗАО г. Москвы	XXII Международная научно-практическая конференция «Языкознание для всех». Тема: «Язык и школа»
Москва	2–3 марта	Кафедра русского языка для иностранных учащихся МГИМО МИД России	V Международная научно-методическая конференция «Преподавание русского языка как иностранного в вузе: традиции, новации и перспективы»
Санкт-Петербург	20–23 марта	Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена	Международная научная конференция «Проблемы онтолингвистики — 2018»
Москва	22–23 марта	Кафедра методики преподавания литературы Московского педагогического государственного университета	Международная научно-практическая конференция «Учитель-словесник и ученик в образовательном пространстве информационной эпохи» (XXVI Голубковские чтения)
Иваново	30 марта	Кафедра русского и французского языков Ивановского государственного энергетического университета им. В. И. Ленина	III Региональная командная олимпиада по русскому языку как иностранному «Лингвотурнир»
Екатеринбург	Март — апрель	Уральский государственный педагогический университет	Уральская филологическая сессия, которая включает: 1) Международную научно-практическую конференцию «Эстетика минимализма: малые жанры как форма времени» (30–31 марта); 2) Международную научно-практическую конференцию «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления» (27–28 апреля)

[официальные материалы]

Москва	Апрель	Институт русского языка и культуры МГУ имени М. В. Ломоносова	Международная конференция «Русское культурное пространство»
г. Хайлар, Китай	Апрель	Забайкальский государственный университет, Институт русского языка и культуры Хулуньбуирского института	VI Международная научно-практическая конференция «Русский язык в современном Китае»
Москва	Апрель	Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)	VII Международный фестиваль-конкурс иностранных студентов «Моя страна»
Владивосток	4–5 апреля	Институт иностранных языков Владивостокского государственного университета экономики и сервиса	III Международный межвузовский фестиваль среди иностранных студентов «Я учусь в России»
Санкт-Петербург	9–14 апреля	Автономная некоммерческая организация «Центр дополнительного образования — «АЛЬФА-ДИАЛОГ»	Проект «Школа диалога народов России: литература и жизнь»
Москва	13 апреля	Кафедра русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов	XVII Научно-практическая конференция молодых ученых с международным участием «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации»
Санкт-Петербург	17–20 апреля	Университет ИТМО	VII Конгресс молодых ученых. Секция «Русский язык в многонациональном мире»
Москва	19 апреля	Московский педагогический государственный университет	Межрегиональная научно-практическая конференция «Метапредметный подход в образовании: русский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам»
Москва	20–21 апреля	Международная лингвистическая школа ENS, МПГУ, Институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ, Рижская классическая гимназия, Межвузовский центр билингвального и поликультурного образования при РГПУ им А. И. Герцена	Международная научно-практическая конференция «Билингвальное и поликультурное образование: практика и перспективы»
Саратов	22 апреля	Кафедра русского языка, речевой коммуникации и РКИ Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского	Диспут для старшеклассников города и области «Язык есть исповедь народа»
г. Салоники, Греция	27 апреля — 2 мая	Высшая школа перевода МГУ имени М. В. Ломоносова	VIII Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода»
Белгород	Апрель — май	Кафедра русского языка и естественных дисциплин БГТУ им. В. Г. Шухова	Международный фестиваль «Наш дом — планета Земля», который включает: 1) Международную олимпиаду по РКИ «Здесь русский язык нас сплотил и сплотил»; 2) Международную студенческую конференцию «Мысль. Слово. Дело»
Рязань	Апрель — октябрь	Кафедра русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина	Научно-практические семинары в рамках информационно-методической площадки «Инициатива»

Набережные Челны	16 мая	Кафедра русского языка и литературы Набережночелнинского государственного педагогического университета	II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы филологии XXI века»
Тверь	16 мая	Кафедра РКИ Тверского государственного университета	VII Международная студенческая конференция «Россия глазами молодых»
Тула	23–24 мая	Кафедра русского языка как иностранного, международный факультет Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого при участии Дома-музея В. В. Вересаева	VI Международная научно-практическая конференция «Молодежь и духовное наследие эпохи: культура, артефакты, ценности»
Тула	24 мая	Кафедра русского языка, Центр довузовской подготовки Института международного образования Тульского государственного университета	Торжественный форум «Русский язык в мировом пространстве», посвященный Дню славянской письменности и культуры
Москва	24–26 мая	Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина	Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения»
Уфа	Август — октябрь	Региональный центр тестирования Башкирского государственного университета	Международный конкурс «В русский мир через русскую песню» (для иностранных студентов)
Иркутск	7–9 сентября	Кафедра филологии и методики Педагогического института Иркутского государственного университета	Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «XXV Кудрявцевские педагогические чтения» «Векторы развития филологии в контексте модернизации современного филологического образования»
Саранск	20–22 сентября	Филологический факультет Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева	IV Международная научная конференция «Русский язык в контексте национальной культуры», посвященная 100-летию со дня рождения А. И. Солженицына
Красноярск	21–22 сентября	Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева	Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Язык и социальная динамика: социальные коммуникационные практики»
Красноярск	25–26 сентября	Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета	Всероссийский научный семинар «Экология языков и культуру»
Красноярск	Сентябрь — ноябрь	Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева	XV Открытая олимпиада по русскому языку «СМОРодина-2018». Третий тур. Тема: «Тексты и обряды детства в русском фольклоре»

[официальные материалы]

Москва	Сентябрь 2018 — июнь 2019	Академия инновационного образования и развития	Всероссийский конкурс «Расскажи миру о своей России»
Уфа	17–20 октября	РОПРЯЛ	VI Конгресс РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России»
Москва	Октябрь	Московский государственный областной университет	Международная конференция «Русское слово в полилоге культур»
Симферополь	9–11 октября	Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского	VI Международная научно-практическая конференция «Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литературы»
Владимир	18–20 октября	Финансовый университет при Правительстве РФ (Владимирский филиал), Администрация Владимирской области, Владимирское региональное отделение Российской ассоциации содействия науке	Научно-практическая конференция «Топонимическое пространство Центральной России: прошлое, настоящее и будущее»
Казань	Ноябрь	Казанский (Приволжский) федеральный университет	Международный молодежный научно-образовательный фестиваль им. Льва Толстого
Москва	Ноябрь	Московский педагогический государственный университет, Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»	II Всероссийская научно-практическая конференция «Читающий учитель»
Саратов	1–2 ноября	Кафедра русского языка и культуры речи Саратовской государственной юридической академии	Международная научно-практическая конференция «Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве»
Жигулевск, Самарская область	9 ноября	ГБОУ СОШ № 6 г. Жигулевска	Всероссийская научно-методическая конференция «Актуальные проблемы филологии и методики преподавания лингвистических дисциплин в школе и вузе»
Абакан	14–15 ноября	Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова	XIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: проблемы поликультурной эффективной коммуникативной среды»
Казань	15–20 ноября	Казанский (Приволжский) федеральный университет	Международный саммит языков и культур, посвященный 190-летию Льва Толстого
Санкт-Петербург	В течение года	РОПРЯЛ	Исследование «Русский язык как иностранный в системе подготовительных отделений российских вузов»

ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ МАПРЯЛ на 2018 год

MAPRYAL PLAN
OF EVENTS FOR 2018

<i>Страна</i>	<i>Сроки проведения</i>	<i>Место проведения и организаторы</i>	<i>Название мероприятия</i>
Россия, Нальчик	Январь — декабрь	Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова	Фестиваль русского языка и культуры «Мы — россияне!»
США, Нью-Йорк	4–7 января	АСПРЯЛ, Ассоциация современных языков	Ежегодная конференция Ассоциации современных языков
Ливан, Бейрут	26 января	Российский центр науки и культуры в Бейруте	Студенческий фестиваль «Татьянин день в Ливане. 15 лет»
Россия, Уфа	Февраль — март	Региональный центр тестирования Башкирского государственного университета	II Международный фотоконкурс «Мы учимся в России!»
Сербия, Белград	1–2 февраля	Общество славистов Сербии	56-е собрание славистов Сербии в форме национального симпозиума с международным участием «Сербское славистическое наследие и актуальность межславянских языковых, литературных и культурных связей»
США, Вашингтон	1–4 февраля	АСПРЯЛ, Американская ассоциация преподавателей славянских и восточно-европейских языков	Ежегодная конференция Американской ассоциации преподавателей славянских и восточно-европейских языков и АСПРЯЛ
Финляндия, Оулу	3 февраля	Ассоциация преподавателей русского языка в Финляндии	Зимний семинар в Оулу в сотрудничестве с Союзом преподавателей языков Финляндии (SUKOL)
Россия, Москва	14–16 февраля	Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина	Международная научно-практическая конференция «Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте»
Алжир, Оран	10–13 марта	Факультет иностранных языков Оранского университета 2 Мохамед Бен Ахмед	15-я Международная конференция TRADTEC «Языки, Интернет, университет и трудоустройство»
Болгария, Варна	17–18 марта	Болгарская национальная сеть преподавателей русского языка и культуры	Общее собрание и Научно-практический семинар
Россия, Москва	29–30 марта	Кафедра русского языка и методики его преподавания, кафедра массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов	II Международная научно-практическая конференция «Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура»
Россия, Улан-Удэ	Апрель	Институт филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета	Республиканская олимпиада по русскому языку и литературе среди иностранных студентов в Республике Бурятия

[официальные материалы]

Турция, Анкара	Апрель	Представительство Россотрудничества в Турецкой Республике, Ассоциация преподавателей-славистов и переводчиков	Презентация информационного справочника «Карта русского языка в Турции»
Румыния, Бухарест	20–21 апреля	Румынская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, кафедра русской и славянской филологии ФИЯЛ Бухарестского университета	Конференция на тему «Русская культура — самобытность и универсальность» в рамках Недели русской культуры в Бухарестском университете
Греция, Салоники	27 апреля — 2 мая	Высшая школа перевода МГУ имени М. В. Ломоносова	VIII Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода»
Китай, Шанхай	16–19 мая	МАПРЯЛ	Заседание Президиума МАПРЯЛ в рамках Недели русского языка и культуры в Шанхае
Эстония, Таллин	11 мая	Эстонская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Институт Пушкина, фонд «Русский мир», Посольство РФ в Эстонской Республике	XI Региональная конференция учителей русского языка с торжественным вручением Пушкинской премии Эстонии
Россия, Тула	23–24 мая	Кафедра русского языка как иностранного, международный факультет Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого при участии Дома-музея В. В. Вересаева	VI Международная научно-практическая конференция «Молодежь и духовное наследие эпохи: культура, артефакты, ценности»
Россия, Москва	29 мая — 1 июня	Центральная ассоциация преподавателей русского языка Америки на базе Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина	20-я Юбилейная конференция Центральной ассоциации преподавателей русского языка Америки (CARTA)
Аргентина, Буэнос-Айрес	Август	МАПРЯЛ, Российский центр науки и культуры	Семинар «Долг, ответственность, время: современная картина мира сквозь призму русской культуры»
США, Нью-Йорк	Июнь	Американо-российский образовательный центр «Подсолнух»	Пушкинский книжный фестиваль в рамках проекта «Живое русское слово»
Испания, Барселона	20–22 июня	Кафедра славянской филологии Барселонского университета	Международная конференция русистов в Барселонском университете «МКР-Барселона 2018»
Ирландия, Дублин	24 июня	Ассоциация учителей русского языка Ирландии	Научно-методический семинар и курс повышения квалификации по теме: «Национально-ориентированная методика преподавания РКИ в условиях отсутствия языковой среды»
Румыния, Клуж	28 июля — 1 августа	Община русских-липован Румынии	Одиннадцатый Фестиваль русской поэзии 2018 — национальный школьный конкурс под эгидой Министерства национального воспитания Румынии
Таджикистан, Душанбе	Сентябрь	Таджикский национальный университет	Фестиваль «Русский язык в Таджикистане»
Россия, Санкт-Петербург	27–29 сентября	РГПУ им. А. И. Герцена	XXI Международная конференция «Русистика и современность»

Россия, Нижний Новгород	Октябрь	Институт филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского	Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе»
Финляндия, Турку	5–6 октября	Ассоциация преподавателей русского языка в Финляндии	Осенний семинар для преподавателей в сотрудничестве с Союзом преподавателей языков в Финляндии (SUKOL)
Китай, Далянь	Октябрь (вторая декада)	КАПРЯЛ, Институт русского языка Даляньского университета иностранных языков	XIV Международная конференция «Русский язык и культура»
Молдова, Кишинев	11–12 октября	Славянский университет, Молдавское общество преподавателей русского языка и литературы	«Славянские чтения»
США	19–20 октября	АСПРЯЛ, Российская академия образования	Международный симпозиум «Роль владения иностранным языком в развитии межкультурной установки учащегося»
Хорватия, Загреб	Октябрь (третья декада)	Хорватская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Общество хорватских писателей	Круглый стол «А. И. Солженицын: Pro et contra. Рецепция писателя в Хорватии»
Китай, Пекин	Ноябрь	КАПРЯЛ, Пекинский университет	Ежегодная национальная конференция КАПРЯЛ. Форум «Русский язык в Китае»
Венгрия, Будапешт	Ноябрь	Венгерская ассоциация преподавателей русского языка и литературы	Круглый стол «Вопросы преподавания русского языка делового общения вне языковой среды»
Россия, Улан-Удэ	Ноябрь	Институт филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета	Фестиваль русской поэзии для иностранных студентов в рамках проведения «Пушкинской недели»
Россия, Москва	14–17 ноября	Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН	Международная конференция «Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве»
Ирландия, Дублин	24 ноября	Ассоциация учителей русского языка Ирландии	Научно-практический семинар и мастер-класс для преподавателей РККИ по теме «Психолингвистические и лингвокультурологические аспекты обучения РККИ: формирование образов языкового сознания в практике обучения русскому языку»
Россия, Москва	30 ноября — 2 декабря	Российский университет дружбы народов, факультет филологии и мировых языков Казахского национального университета им. аль Фараби, филологический факультет Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, филологический факультет Витебского государственного университета им. П. М. Машерова	IV Международная научно-практическая конференция, посвященная вопросам би-, поли-, транслингвизма и языковому образованию
Россия, Санкт-Петербург	В течение года	МАПРЯЛ	Проект по разработке мобильного приложения «TORFL GO» для изучающих русский язык как иностранный

М. С. Кирпу

МОДЕЛИ ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Е. ЛЕТОВА)

MARINA S. KIRPU

MODELS OF INFINITIVE SENTENCES: A CASE STUDY OF EGOR LETOV POETRY

Задача работы — квалифицировать инфинитивные конструкции в текстах Е. Летова и выяснить их употребительность. Суммарное количество употреблений инфинитивных конструкций с ясно читаемыми модальными значениями практически равно количеству употреблений модально некавалифицируемых предложений. Инфинитивные предложения с их уникальной модальной окрашенностью как нельзя лучше отвечают тем задачам, которые ставил перед собой автор.

Ключевые слова: синтаксис; инфинитивное предложение; функционирование; поэзия Е. Летова.

The author studies infinitive constructions in Egor Letov's texts and defines their scope of usage. The total number of infinitive constructions with clear modal values in Letov's oeuvre is almost equal to the number of modally non-qualifying sentences. The infinitive sentences with their unique modal connotations excellently meet the goals set by the author.

Keywords: syntax; the infinitive sentence; functioning; Egor Letov poetry.

Марина Сергеевна Кирпу

Учитель

Гимназия № 17 имени П. О. Коргана
Петрозаводского городского округа

улица Дзержинского, д. 38,
город Петрозаводск,
Республика Карелия, 185035, Россия

► m.s.kirpu@yandex.ru

Marina S. Kirpu

P. O. Corgan Gymnasium N 17
of Petrozavodsk City District

38 Dzerzhinsky st.,
Republic of Karelia,
Petrozavodsk, 185035, Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский

Данная работа посвящена анализу инфинитивных конструкций в творчестве Егора Летова¹. Безусловно, материал этот носит специфический характер; не оценивая его художественную значимость, мы обращаемся в первую очередь к его собственно лингвистической стороне. Задача работы — выявить и квалифицировать множественные инфинитивные конструкции в текстах его песен. Подробно рассмотрев особый, так называемый «модально некавалифицируемый», тип инфинитивных предложений в другой работе [10], здесь мы обратимся ко всем остальным встречающимся моделям.

Для анализа взят весь корпус текстов песен с официального сайта группы «Гражданская оборона». Объем выборки составил 590 текстов. Общее количество строк — около 18 000, точное же количество предложений подсчитать не представляется возможным по причине частого отсутствия в оригинале авторской пунктуации. Общее количество слов — около 67 000. В результате анализа выявлено 97 случаев функционирования инфинитивных предложений.

На рубеже XX–XXI вв. А. К. Жолковский предложил понятие «инфинитивное письмо», под которым он понимает «тексты, содержащие достаточно автономные инфинитивы, т. е. либо а) абсолютные инфинитивы, образующие самостоятельные предложения (*Грешитъ*

бесстыдно, непробудно), не подчинённые управляющим словам <...> или связкам и не привязанные к конкретным лицам и модальностям; <...>, либо б) однородные инфинитивные серии, зависящие от одного слова и благодаря своей протяжённости развивающие самостоятельную инерцию <...> (*Какое низкое коварство // Полуживого забавлять, // Ему подушки поправлять...*)» [8]. Семантическим ореолом инфинитивного письма А. К. Жолковский называет «медитацию об альтернативном жизненном пути» [Там же].

Понятие инфинитивного письма оказалось востребованным, оно уже довольно широко используется целым рядом авторов (см., например: [1; 13; 20]). Однако понятие инфинитивного письма — во всяком случае, в трактовке А. К. Жолковского и его последователей — отнюдь не покрывает всего круга моделей инфинитивных предложений, поскольку инфинитивные конструкции могут передавать не только и не столько значение «медитации об альтернативном жизненном пути», сколько значения желательности, нежелательности и др., могут, помимо абсолютного или почти абсолютного употребления, входить в структуру вопросительного и / или сложного предложения. Хорошо известно, что главная отличительная черта инфинитивных предложений — это яркая модальная характеризованность (см., например: [3; 9; 11; 18; 19]). Не случайно и А. К. Жолковский стремится охарактеризовать модальное значение «абсолютных инфинитивных конструкций» типа *Грешить бесстыдно, непробудно*, называя его медитативным, хотя модальный характер этого значения отнюдь не очевиден.

Из сказанного вытекает целесообразность рассмотрения функционирования в поэзии одного автора всего круга моделей инфинитивных предложений. Задача еще и в том, чтобы выявить, какие модели употребляются чаще, какие — реже. Однако сначала еще одно предварительное замечание.

Часто тексты Е. Летова демонстрируют нарочито грубый лексикон: *Ежедневно ужираться до грязи, до блевотины / Ругать совдеп ожирелой рыготинной / Учить своих ближних превосходной*

*рогатинной / И чтить пресловутый человеческий фактор («Жить»)*². Тем не менее все опубликованные дневники, интервью, переписка не подтверждают того напрашивающегося предположения, что эта грубость была для Е. Летова естественной: наоборот, в реальной жизни он производил впечатление интеллигентного и скромного человека, лишь на сцене перевоплощаясь в инфернального панка. Во многом этот диссонанс обусловлен его взглядами на творчество. Он считал, что искусство должно шокировать обывателя, вызывать резкие эмоции. Вследствие отталкивающей манеры выступлений большая часть поклонников творчества Е. Летова принадлежала к низшим социальным слоям, маргиналам, воспринимающим лишь внешний шокирующий антураж исполнения и текстов, что крайне огорчало самого исполнителя. По-настоящему вникающий и мыслящий ценитель творчества приходит к Е. Летову только сейчас, после его смерти. В стенах РГГУ проходит регулярный семинар «Творчество Егора Летова»³, в рамках которого исследователи обсуждают проблемы интерпретации, историко-биографический и литературный контекст его творчества и т. п. Приведённый выше пример красочно иллюстрирует идиостиль автора, но наряду с эпатажем в его текстах встречаются аллюзии к поэзии Б. Окуджавы, К. Симонова, Р. Рождественского, текстам классиков XX в.: Г. Гессе, М. Кундеры, Г. Г. Маркеса, А. И. Солженицына; встречаются редкие фразеологизмы из словаря В. И. Даля, отсылки к фильмам А. Тарковского, Г. Шпаликова, к советской фантастике. Например, строки: *Дерзкая трещина губ / Луны безымянный труп / Чёрное знамя маторой контры / Руки, чтоб загрэбать / И мысли, чтоб их воровать* («Кто сдохнет первым») — являются, по мнению А. А. Малиновского, явной отсылкой к балладе М. Светлова «Гренада» (*Я видел: над трупом склонилась луна, И мёртвые губы шепнули: «Грена...»*): «светловские образы теряют первоначальную связность и гармоничность, <...> от величественной картины героической смерти остаются какие-то обломки и обрывки» [14]. Созданию эффекта «обломков и обрывков» способствует, в частности, использование автором

номинативных и инфинитивных предложений. Количество примеров, подобных приведенному, если не ограничивать их круг по признаку наличия инфинитивных конструкций, легко умножить (см., например: [2; 5; 6; 12]).

1. Модели инфинитивных предложений в составе простого предложения

Кроме крайне специфического типа модально невалидируемых инфинитивных предложений (в нашей выборке их 31 из 97), в текстах Егора Летов и его соавторов встречаются следующие модели инфинитивных предложений.

1.1. Модели со значением невозможности в переходной конструкции с субъектом в дательном падеже:

- (1) *С миру по идее, мёртвому землицы / Молоту христову не остановиться* («Родина — Смерть»);
- (2) *Земля смердит до самых звёзд / Никому не бывать молодым* («Парадокс»);
- (3) *Ну так вот, слепую землю оросив, слезинки не воспитают жизненные силы и никогда тем веточкам подросткам не зеленеть* («Про мальчика, невидимый трамвай <...> и веточку»).

Таких примеров в нашей выборке 6.

1.2. Модели со значением невозможности в переходной конструкции с отсутствием субъекта, при наличии объекта — не только прямого, но и других, в частности с инструментальным значением:

- (4) *Руку жали, истошно распевали / Убийственную песенку матерую которую / Ушами не услышать / Мозгами не понять /... / Руками не потрогать / Словами не назвать* («Песенка о святости, мышке и камыше»);
- (5) *Поганая жизнь, поганая нить / Козырная харя картровой толпы / Я лезу на стену, меня не убить / Но я протыкаюсь на ваши пупы* («Пошли вы все <...>»);
- (6) *Мы патриоты и нас не купить* («Хороший царь и знакомая вонь»).

Очевидно, что при отсутствии названного субъекта резко возрастает мера обобщённости смысла всей конструкции, предложение превращается в генерализованное суждение. Еще один показательный в этом отношении пример:

- (7) *Ядреной бомбой идеал не убить* («Хороший царь и знакомая вонь»).

Т. М. Николаева, вводя понятие «лингвистическая демагогия», указывала на то, что отсутствие названного субъекта в неопределённо-личных и обобщённо-личных предложениях является эффективным средством генерализации суждения и потому широко используется в демагогических целях [15: 155]. К кругу этих конструкций можно с полным основанием причислить и данную инфинитивную модель. Количество ее употреблений составляет в нашей выборке 7.

1.3. Модели со значением невозможности в переходных конструкциях с субъектом и объектом:

- (8) *Всю ночь во сне я что-то знал такое вот лихое / Что никак не вспомнить ни мене ни тебе / Ни мышку ни камышу ни конуре ни кобуре* («Песенка о святости, мышке и камыше»);
- (9) *Травы колосятся из пят земли / Словно из ведра / И никому не утолить / Их сладкое море* («Со скоростью мира»);
- (10) *Хватит! / всё равно ведь вам никогда нас не понять / Хватит! — / вы привыкли жить — мы привыкли умирать* («Хватит!»).

Таких примеров в нашей выборке 3.

1.4. Довольно часто встречаются **оптативные предложения с частицей бы**, которые также можно разделить на две подгруппы по признаку наличия / отсутствия дативного субъекта:

1.4.1. С названным субъектом:

- (11) *Мне бы снять трусы / Раздеться догола / И головою вниз / Туда, где милая* («Напряг растёт»);

1.4.2. С неназванным субъектом:

- (12) *Эх, увлечённо бы высунуть назойливый язык / И в заплатанную тряпочку промолчать* («Дрызг и брызг»);
- (13) *Ещё немного — эх! — ещё чуть-чуть / Лишь только б ночью простоять / да день продержаться...* («Ещё немного»);
- (14) *Дети дерутся, руки спешат напрямик — только б успеть* («<...> на моё лицо»);
- (15) *Стать бы во весь рост — да нету больше ног / Сжать ладонь в кулак — да нечего сжимать* («Победа»)⁴.

Подобных примеров в нашей выборке 6.

Судя по контексту, можно полагать, что во всех случаях, где отсутствует дативный субъект, речь идёт о первом лице, о лириче-

ском герое текста, что переключается с мыслью А. К. Жолковского о «медитации об альтернативном жизненном пути». М. Я. Дымарский замечает, что в инфинитивных высказываниях «темой является дативный субъект, который регулярно выражается нулем, если совпадает с говорящим» [7: 35–36]. А. А. Малиновский, анализируя пример (15), делает вывод, что применительно к нему следует говорить не об оптативном значении, а об альтернативной реальности (напомним, песня называется «Победа»): «Победа — общая и индивидуальная одновременно — осуществляется, но уже за пределами физического существования. Человек шагнул за рамки собственного существа, в этом — его величие и торжество» [14]. Однако, с нашей точки зрения, противопоставлять значения оптативности и «альтернативной реальности» избыточно, поскольку первая всегда предполагает вторую.

Оттенки желательности **без частиц** угадываются в следующих конструкциях:

- (16) *Искупить свою / чужую вину кровью / Метафизически относительно дорогой ценой* («Приказ № 227»);
- (17) *Подохнуть у порога обетованной земли / Сорвать противогаз и липким сердцем об асфальт / У каждого из нас быть могут разные ходы / Но цель у нас едина — / Суицид* («Суицид»).

Здесь отсутствуют не только частицы, но и объект, и субъект. Такие случаи близки к примерам, которые были охарактеризованы в [10] как модально невалидируемые конструкции, однако контекст (*цель у нас едина*) подкрепляет чтение примеров (16–17) в оптативном значении, несмотря на всю его кажущуюся неожиданность. Случаев этого типа в нашей выборке насчитывается 5.

1.5. Вопросительные инфинитивные конструкции наименее семантически и, как правило, стилистически маркированы:

- (18) *Как жить — на собрании подскажут, / Что пить — почитай в указе, / Что есть — в «Полезных советах»* («Как жить»);
- (19) *Зачем реанимировать тех / Кто срывает мешок с головы* («Экстумация»);
- (20) *В ожидании ответа: / Кому на этом свете жить хорошо? / Кому на этом свете жить?* («Жить»).

Подобных примеров в нашей выборке 12.

2. Инфинитивные модели в составе сложного предложения

2.1. Функционирование инфинитивных групп в качестве номинативных предложений встречается у Е. Летова в двух случаях.

2.1.1. В составе придаточных в местоименно-соотнесительных конструкциях вмещающего типа:

- (21) *Но спорт всё же полезно / Не то, что собирать мусор* («Уеду в Америку»).

Количество примеров этого типа в нашей выборке — 2.

2.1.2. В составе придаточных в местоименно-соотнесительных конструкциях отожествительного типа с опущенным контактным местоимением в главной части:

- (22) *Бесполезно, как любить и не делать боль, / Безнадёжно, как пытаться не делать зла* («Родина — Смерть») (ср.: *Так же бесполезно, как...*).

Подобный пример в нашей выборке всего один.

Квалификация примеров (21–22) в качестве местоименно-соотнесительных конструкций может вызвать сомнение, поскольку они отличаются от примеров этих конструкций, приводимых в учебниках (ср.: [17: 760]). Однако следует иметь в виду, что в учебниках обычно приводятся образцовые примеры в полных реализациях, в то время как в речевой практике широко употребительны устойчивые неполные реализации языковых моделей, которые мы в данном случае и наблюдаем.

2.2. Инфинитивные предложения в роли придаточного цели:

- (23) *Заводы вырабатывают шлак / Чтoб прокормить святой народ* («Кто ищет смысл»).

Подобных конструкций в нашей выборке 3. Помимо этого встречается конструкция с инфинитивным целевым придаточным предложением с нулевым главным предложением:

- (24) *Моя самовольная вздорная радость / чудовищная весна!.. / Чтoб клевать пучеглазое зерно на закате / Целовать неудержимые ладони на заре* («Сто лет одиночества»).

2.3. Инфинитивные предложения в роли придаточного антицели [4]:

- (25) *Я не настолько мёртвый, / чтобы оставаться всегда живым* («Нас много»).

Таких конструкций в нашей выборке 2.

2.4. Нецелевое инфинитивное придаточное с союзом *чтоб(ы)* в составе усеченной местоименно-соотнесительной конструкции вмещающего типа:

- (26) *Слишком хорошо, чтоб отказаться / слишком страшно, чтобы взять / нечего терять* («Нечего терять»);
 (27) *Все данные, чтобы летать / Все данные, чтобы любить / Все данные, чтобы смеяться взахлёб / Все данные, чтобы светиться навзрыд / Когда-то я буду другим / Когда-то я буду уметь* («Вперёд!»).

В данном случае перед нами также типичная для разговорной речи неполная реализация базовой модели: в ней опущено контактное местоимение с предлогом (*для того*). Таких примеров в нашей выборке 6.

2.5. Условные инфинитивные придаточные с союзом *если*:

- (28) *Я стрельну себе в висок, потекёт весёлый сок / Если это повторить, будет вдвое веселей* («Детский мир»);
 (29) *Если дёрнуть за нос / То от деда хлещет кровяница / Как вода / И смывает всё без следа* («Глаз как алмаз»).

Примеров этой конструкции в нашей выборке 4.

2.6. Целевое инфинитивное придаточное с элиминированным союзом:

- (30) *А для контры, для матёрой, вроде Леха Валенсы / Мы по-новому откроем Бухенвальд и Освенцим / На всяких анархистах проводить эксперименты / На всё у нас имеются стальные аргументы* («Новая патриотическая»).

Целевое значение здесь очевидно: ...[*чтобы*] *на всяких анархистах проводить эксперименты*. Отсутствие союза характерно для разговорно-просторечной модификации инфинитивного обстоятельства цели, которое в норме используется только при сказуемом, выраженном глаголом движения. Пример (29) — единственный пример этого типа в нашей выборке.

3. Императивное инфинитивное предложение

- (31) *И придёт Оно однажды во сне / Закричит и похоронит / Излечит и скажет — / А НУ-КА ВСТАТЬ!* («Извне»).

4. Инфинитивная конструкция со значением неизбежности

В нашей выборке обращает на себя внимание целое четверостишие, состоящее исключительно из инфинитивных конструкций:

- (32) *Жировать, пировать — спать / Голодовать, слюни глотать — спать / Пировать, голодовать — спать / Жировать, слюни глотать — спать* («Спать»).

Четыре строчки представляют собой четыре ряда, каждый из которых завершается одним и тем же *спать*, в котором совмещаются значения следствия, цели, антицели и антиследствия. Общее значение этой эпифоры сводится, вероятнее всего, к неизбежности: другого финала быть не может, каков бы ни был набор действий в предшествующих цепочках.

Обобщим приведенные факты в виде таблицы. Как видно из табл., наиболее частотным является употребление так называемой «модально невалидируемой конструкции», которую можно считать яркой приметой идиостиля Е. Летова. На втором месте по количеству употреблений оказались предложения со значением невозможности (всего 16), на третьем — оптативные (всего 13). Для характеристики идиостиля автора представляется показательным и то, что суммарное количество употреблений инфинитивных конструкций с ясно читаемыми модальными значениями практически равно количеству употреблений модально невалидируемых предложений.

В сфере сложного предложения обращает на себя внимание тот факт, что общее количество употреблений инфинитивных придаточных почти в 4 раза меньше количества случаев функционирования инфинитивных конструкций в качестве самостоятельных предложений. Если учесть, что речь идет исключительно о сложноподчиненных предложениях, этот факт можно интерпретировать в том смысле, что высвечиванию смысло-

**Таблица. Инфинитивные модели
в текстах песен Е. Летова**

Типы и модели предложений	Количество в выборке
Простое предложение	
Предложения со значением невозможности:	
— в непереходной конструкции с субъектом в дательном падеже	6
— в переходной конструкции с отсутствием субъекта, при наличии объекта	7
— в переходных конструкциях с субъектом и объектом	3
Оптативные предложения:	
— с частицей <i>бы</i>	8
— без с частицы <i>бы</i>	5
Вопросительные предложения	12
Императивные предложения	1
Предложения со значением неизбежности	4
Модально неквалифицируемые предложения	31
Сложное предложение	
Инфинитивные группы в качестве номинативных предложений:	
— в составе придаточных в местоименно-соотносительных конструкциях вмещающего типа	2
— в составе придаточных в местоименно-соотносительных конструкциях отождествительного типа с опущенным контактным местоимением в главной части	1
Инфинитивные придаточные цели	4
Инфинитивные придаточные антицели	2
Нецелевое инфинитивное придаточное с союзом <i>чтоб(ы)</i> в составе усеченной местоименно-соотносительной конструкции вмещающего типа	6
Инфинитивные придаточные условия с союзом <i>если</i>	4
Целевое инфинитивное придаточное с элиминированным союзом	1
Всего	97

вых отношений между пропозициями — для чего и предназначено сложноподчиненное предложение — автор предпочитает нанизывание суждений, утверждений и т. п. Несомненно, это вносит заметную лепту в создание упомянутого выше эффекта «обломков и обрывков».

Рассмотрев функционирование инфинитивных конструкций в песенных текстах Е. Летова, можно утверждать, что автор мастерски использует их экспрессивный потенциал. Следует учитывать, что рассматриваемые тексты представляют собой лишь словесную составляющую песен. Для песни, как для всякого музыкального произведения, важнее всего эмоция, поэтому инфинитивные предложения с их уникальной модальной окрашенностью как нельзя лучше отвечают тем задачам, которые ставил перед собой автор. Анализ показывает, что инфинитивные предложения органичны и уместны в поэтическом тексте и отнюдь не всегда, вопреки традиционному мнению, являются яркой приметой разговорности. Яркая модально-эмоциональная окрашенность таких конструкций является, по всей вероятности, наиболее значимой причиной столь частого использования их Егором Летовым: ведь, как уже неоднократно отмечалось, «Летов создал мерцающий язык, скажем так, претенциозного быта: то есть, с одной стороны, язык, в силу семантики и грамматики прямо соотносенный с реальной жизнью, с другой же — наполненный даже не культурой, а тем, что называется *potiön* культуры, впечатлением ее присутствия при, однако, явном недостатке прямых фактических подтверждений ее наличия» [16].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторство текстов различных его песен зачастую указывается с элементом предположительности. Известно, что в сотворчестве с Е. Летовым над его проектами работали К. Рябини, Р. Неумоев, Я. Дягилева и др.

² Здесь и далее в скобках после примера приводится название песни, из текста которой извлечен пример. Тексты цитируются по: Гражданская оборона — официальный сайт группы. URL: <http://www.gr-oborona.ru>.

³ Более подробная информация на сайте проекта: letov.org.

⁴ Примеры (13) и (15) содержат очевидные аллюзии на «Сказку о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове» из повести А. Гайдара «Военная тайна». Пример (13) вообще можно рассматривать как центон, поскольку его первая часть — слегка видоизмененная цитата

из песни М. Ножкина «Последний бой», вторая — из «Сказки о Мальчише-Кибальчише».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамазов А. А. Инфинитивное письмо в поэзии Флора Васильева: структурно-семантические вариации // Вестн. Удмуртского ун-та. Сер.: история и филология. Ижевск, 2012. Вып. 4. С. 95–100.

2. Валеева Н. Опыт лингвистического анализа летовских текстов (на примере песни «Передозировка») // Летовский семинар. М., 2015. URL: <http://letov.org/seminar10>.

3. Гехтляр С. Я. Русский инфинитив: категориальная характеристика, функционирование. СПб.; Брянск, 1996.

4. Данилова Е. А. Характеристика высказываний с семантической антицели в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2010.

5. Доманский Ю. «На мгновение вспыхнул свет»: контекстуальное смыслообразование в вариантах песни Егора Летова «И снова темно» 1987 и 1989 годов // Летовский семинар. М., 2016. URL: <http://letov.org/seminar19>.

6. Доманский Ю. Долгая счастливая жизнь: Геннадий Шпаликов, Егор Летов, Борис Хлебников // Летовский семинар. М., 2016. URL: <http://letov.org/seminar15>.

7. Дымарский М. Я. Инфинитивные высказывания с семантикой нежелательности: вид, время, лицо, типовые значения // Вопросы языкознания. 2015. № 5. С. 26–48.

8. Жолковский А. К. Бродский и инфинитивное письмо. Матер. к теме // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/45/20.html>.

9. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

10. Кирпу М. С. Об одном типе инфинитивных предложений (на матер. творчества Е. Летова) // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер.: филология, история, право. Томск, 2016. № 412. С. 20–23.

11. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

12. Корчинский А. Песни Егора Летова: текст и перформанс // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 16. М., 2016. С. 177–186.

13. Лошакова М. В. Инфинитивное письмо в английской, американской и русской поэзии // Материалы IX mezinárodní vědecko — praktická konference «Vědecký průmysl evropského kontinentu — 2013». Прага, 2013. С. 52–53.

14. Малиновский А. А. Егор Летов и Гренада Михаила Светлова. 2016. URL: www.proza.ru/2016/04/29/54.

15. Николаева Т. М. «Лингвистическая демагогия» — мощное средство убеждения коммуниканта // Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000. С. 155–161.

16. Рондарев А. Социальная база Егора Летова. 2014 // Гр.Об.-Хроники. URL: http://grob-hroniki.org/article/2014/art_2014-09-10d.html.

17. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. М., 1989.

18. Тарланов З. К. Динамика в развитии и функционировании языка: Монография. Петрозаводск, 2008.

19. Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 257–301.

20. Черняков А. Н. Латентная оценка в инфинитивном письме // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Сер.: филология, педагогика, психология. Калининград, 2009. Вып. 8. Языковая модальность в синхронии и диахронии. С. 52–57.

REFERENCES

1. Arzamazov A. A. (2012) Infinitivnoe piśmo v poezii Flora Vasileeva: strukturno-semanticheskie variatsii [The infinitive writing in the poetry by Flor Vasilev: structural-semantic variation]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of Udmurt University]*, vol. 4, pp. 95–100. (in Russian)

2. Valeeva N. (2015) Opyt lingvisticheskogo analiza letovskikh tekstov (na primere pesni «Peredozirovka») [The experience of linguistic analysis of the Letov texts (by the example of the song «Overdose»). *Letov seminar*. Available at: <http://letov.org/seminar10> (accessed 12.09.2017). (in Russian)

3. Gekhtliar S. Ia. (1996) *Russkii infinitiv: kategorial'naiia kharakteristika, funktsionirovanie [Russian infinitive: categorical characteristics, functioning]*. St. Petersburg, Briansk. (in Russian)

4. Danilova E. A. (2010) *Kharakteristika vyskazyvaniia s semantikoii antitseli v sovremennom russkom iazyke [Characteristics of the statements with contrain semantics in the modern Russian language]* (Candidate's thesis, Philology), Tatar State University of Humanities and Education, Cheboksary, 2010. (in Russian)

5. Domanskii Iu. (2016) «Na mgnoven'e vspykhnul svet»: kontekstual'noe smysloobrazovanie variantakh pesni Egora Letova "I snova temno" 1987 i 1989 godov [For a moment flashed a light: a contextual sense in the versions of the song of Egor Letov «And dark again» 1987 and 1989]. *Letov seminar*. Available at: <http://letov.org/seminar19> (accessed 12.09.2017). (in Russian)

6. Domanskii Iu. Dolgaia shastlivaia zhizn': Gennadii Shpalikov, Egor Letov, Boris Khlebnikov [A long and happy life: Gennadii Shpalikov, Egor Letov, Boris Khlebnikov]. *Letov seminar*. Available at: <http://letov.org/seminar15> (accessed 12.09.2017). (in Russian)

7. Dymarskii M. Ia. (2015) Infinitivnye vyskazyvaniia s semantikoii nezheleat'nosti: vid, vremia, litso, tipovye znacheniiia [Infinitive statements with the semantics of undesirability: type, time, person, typical values]. *Voprosy iazykoznaniiia [Topics in the Study of Language]*, no. 5, pp. 26–48. (in Russian)

8. Zholkovskii A. K. (2000) Brodskii i infinitivnoe piśmo. Materialy k teme [Brodsky and infinitive writing. Materials to the subject]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer]*, no. 45. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/45/20.html> (accessed 12.09.2017). (in Russian)

9. Zolotova G. A. (1973) *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo iazyka. [Sketch of the functional syntax of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)

10. Kirpu M. S. (2016) Ob odnom tipe infinitivnykh predlozhenii (na materiale tvorchestva E. Letova) [On one type of infinitive sentences (on the material of creativity of E. Letov)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, no. 412, pp. 20–23. (in Russian)

11. Kovtunova I. I. (1976) *Sovremennii russkii iazyk. Poriadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniia. [Modern Russian language. Word order and actual division of the sentence]*. Moscow. (in Russian)

12. Korchinskii A. (2016) Pesni Egora Letova: tekst i performans [Songs of Egor Letov: text and performance]. *Russkaia rok-poeziia: tekst i kontekst [Russian Rock-Poetry: Text and Context]*, no. 16, pp. 177–186. Available at: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1112/20.pdf> (accessed 12.09.2017). (in Russian)

13. Loshakova M. V. (2013) Infinitivnoe piśmo v angliiskoi, amerikanskoi i russkoi poezii [Infinitive writing in the English, American and Russian poetry]. *Materialy IX mezinárodní vědecko-praktická konference «Vědecký průmysl evropského kontinentu — 2013» [Materials of the IX International Scientific and Practical Conference «Scientific Industry of the European Continent — 2013»]* (Czechia, Prague, 27.11–05.12.2013). Prague, pp. 52–53. (in Russian)

14. Malinovskii A. A. (2016) *Egor Letov i Grenada Mikhaila Svetlova [Yegor Letov and Grenada by Mikhail Svetlov]*. Available at: <http://www.proza.ru/2016/04/29/54> (accessed 12.09.2017). (in Russian)

15. Nikolaeva T. M. (2000) «Lingvisticheskaia demagogiia» — moshchnoe sredstvo ubezhdeniia kommunikantov [«Linguistic demagoguery» — a powerful means of persuasion of communicant]. In: *Ot zvuka k tekstu [From sound to text]*. Moscow, pp. 155–161. (in Russian)

16. Rondarev A. (2014) Sotsial'naiia baza Egora Letova [The social base of Egor Letov]. *Grazhdanskaia Oborona — khroniki [Grazhdanskaia Oborona — the Chronicles]*. Available at: http://grob-hroniki.org/article/2014/art_2014-09-10d.html (accessed 12.09.2017). (in Russian)

17. Beloshapkova V. A., Bryzgunova Ye. A., Zemskaiia Ye. A. et al. (1989) *Sovremennii russkii iazyk: uchebnik dlia filologicheskikh spetsial'nosti universitetov [Modern Russian Language: a Textbook for Philological Specialties of Universities]*. Moscow. (in Russian)

18. Tarlanov Z. K. (2008) *Dinamika v razvitiu i funktsionirovanii iazyka: Monografiia [Dynamics in the development and functioning of language: Monograph]*. Petrozavodsk. (in Russian)

19. Timofeev K. A. (1950) Ob osnovnykh tipakh infinitivnykh predlozhenii v sovremennom russkom literaturnom iazyke [On the main types of infinitive sentences in the modern Russian literary language]. In: *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo iazyka [The Syntax of the Modern Russian Language]*, pp. 257–301. (in Russian)

20. Cherniakov A. N. (2009) Latentnaia otsenka v infinitivnom piśme. [Latent evaluation in the infinitive writing]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriiia: filologiiia, pedagogika, psikhologiiia. [IKBFU's Vestnik. Ser. Philology, Pedagogy and Psychology]*, no. 8, pp. 52–57. (in Russian)

К КОНТРАСТИВНОМУ АНАЛИЗУ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЯМОГО ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ГАЗЕТНЫХ РЕКЛАМНЫХ ДИСКУРСАХ

GONG TIANYI

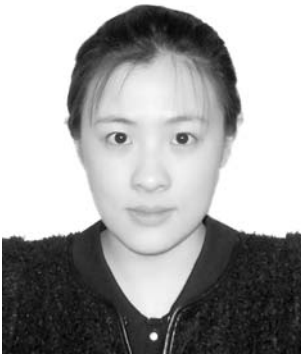
ON CONTRASTIVE ANALYSIS OF DIRECT INDUCEMENT
IN RUSSIAN AND CHINESE NEWSPAPER ADVERTISING DISCOURSES

В статье проводится количественный и качественный контрастивный анализ средств выражения прямого побуждения в русском и китайском газетных рекламных дискурсах и обнаруживаются их сходства и различия, обусловленные как структурными особенностями сопоставляемых языков, так и этноречевыми нормами сопоставляемых лингвокультур.

Ключевые слова: газетный рекламный дискурс; прямое побуждение; языковые средства; этноречевая норма.

The article presents a quantitative and qualitative contrastive analysis of the expressive means for direct inducement in Russian and Chinese newspaper advertising discourses, finding out their similarities and differences, conditioned by the structural features of the compared languages and by the ethnic speech norms of the compared linguocultures.

Keywords: newspaper advertising discourse; direct inducement; language tools; ethnic speech norm.

Гун Тяньи

Аспирант кафедры русского языка
как иностранного и методики
его преподавания

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия
► grace900301@163.com

Gong Tianyi

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

Научный руководитель:
канд. филол. наук, доц. О. В. Хорохордина

1. Постановка проблемы

Рекламный коммерческий дискурс при сегодняшнем уровне глобализации во многом подчиняется универсальным законам рынка, нужды которого прежде всего он и обслуживает, имея важнейшей целью побудить адресата-потребителя к приобретению рекламируемого товара или услуги. Будучи нацеленным на указанный перлокутивный эффект, реклама относится к регулятивному типу дискурса и обладает такой конститутивной характеристикой, как императивность [2; 5; 6 и др.]. При этом исследователи уточняют, что «в современном рекламном дискурсе <...> неприкрытое повеление, направленное на адресата, используется нечасто. В основном этот смысл подаётся завуалированно, имплицитно» [5: 106], или даже подчёркивают, что «прямая императивность в рекламном дискурсе отсутствует» [6: 17]. Объясняется это тем, что экспериментальные данные свидетельствуют о зависимости суггестивной эффективности текста «от „мягкости“ воздействия на рецепи-

ента со стороны отправителя, которая связана с использованием периферийных средств выражения грамматических значений» [1: 156–157], в то время как «императивные конструкции, побуждающие к какому-либо действию, например, приобретению объекта рекламирования, вызывают настороженное отношение адресата или даже приводят к противоположному эффекту» [6: 17].

В связи с изложенным возникают два вопроса, заслуживающих дополнительного изучения:

- Выражается ли прямое побуждение в русском рекламном дискурсе и какими средствами?
- Обнаруживаются ли лингвокультурные особенности в выражении побуждения в русском рекламном дискурсе при контрастивном анализе, например на фоне его китайского аналога?

Рассмотрим каждую из данных проблем на материале двух групп рекламных текстов, сформированных нами в результате сплошной выборки в период с января по июнь 2014 года и 2016 года из массовых популярных русских газет «Аргументы и факты» (далее — АиФ) и «Комсомольская правда» (далее — КП) и из наиболее популярных китайских газет «Global times» (далее — GT) и «Reference news» (далее — RN). В результате русская выборка составила 638 рекламных текстов, а китайская — 763 текста.

2. Побуждение

в русском рекламном газетном дискурсе

В русской выборке в 168 из 638 текстов, то есть в 26,33% текстов, с разной степенью категоричности эксплицитно выражено побуждение потребителя к определённому действию (необязательно непосредственно к покупке), предполагающему приобретение рекламируемых товаров, услуг, участия в мероприятии. Показателен тот факт, что в 129 из 638 текстов, то есть в 20,22% текстов выборки, использованы императивные формы 2-го лица глаголов, причём самыми типичными среди них являются следующие: *возьмите, купите (покупайте), начните (начинайте), откройте, перестаньте, получите, принимайте, приходите, проверьте, сохраняйте, спешите, успеите*. Например:

Акция: **возьмите** потребительский кредит.
Получите возможность стать обладателем квар-

тиры в Сочи (АиФ, № 4, 2014); Только в январе успеите купить АЛМАГ со скидкой! (Медицинский аппарат «ДИАМАГ»: АиФ, № 2, 2016).

Императивная форма глагола как ядро выражения побудительного значения в русском языке прямо мотивирует к действию. В рекламе, функционирующей в ситуации равностатусного общения, где адресат волен решать, выполнять или не выполнять действие, предписываемое ему адресантом, императив чаще передаёт значения не к а т е г о р и ч н о г о побуждения: рекомендации, совета, предложения и др. желательных действий, среди которых, в частности, распространено приглашение, выражаемое в рекламе, кроме форм императива 2-го лица глаголов несовершенного вида, либо конструкцией «*добро пожаловать + куда*», например:

Добро пожаловать в пресс-студию «АиФ»!
(АиФ, № 2, 2016),

либо высказываниями с перформативным глаголом *приглашать* в форме 1-го лица множественного числа, например:

Приглашаем на детский праздник в магазине ИКЕА в День защиты детей 1 июня (реклама магазина «ИКЕА»: АиФ, № 22, 2014),

либо глаголом *приглашать* в форме 3-го лица единственного числа, например:

Книжная ярмарка приглашает детей и родителей (КП, 22 марта 2016).

Рассмотрим высказывания с инфинитивной формой глагола, которая «характеризуется лексически или синтаксически выраженной волюнтаривной модальностью» [3: 113] и служит средством передачи к а т е г о р и ч н о й директивной тональности, имея в виду, что инфинитивные высказывания с эксплицитно не названным адресатом действия в равной мере могут быть соотнесены и с лицом адресанта, и с лицом адресата. Эта двойственность нередко проявляется в рекламных слоганах, представляющих, с одной стороны, цели деятельности компании, рекламирующей продукт, с другой стороны, выступающих категоричным программирующим призывом для действий потребителя, например:

Меняться, оставаясь лидером (реклама автомобиля Solaris: АиФ, № 25, 2014).

Данная реклама передаёт два предписания: для того, чтобы быть и оставаться лучше всех, автомобилю нужен постоянный рестайлинг, а потребителю — последняя обновлённая модель автомобиля.

В русской выборке директивная тональность в высказываниях передаётся либо инфинитивной формой глагола, например:

Побороть аллергию! (реклама средства против аллергии «Зостерин-Ультра»: АиФ, № 20, 2016),

либо сочетанием инфинитива с модальными словами со значением необходимости, обязательно-сти, например:

Начинать лечение надо прямо сейчас! Простатит не терпит промедления! (реклама медицинского аппарата «МАВИТ»: АиФ, № 24, 2016),

либо стандартизованной прескриптивной конструкции:

Внимание на позвоночник! (реклама медицинского аппарата «ДИАМАГ», АиФ, № 13, 2016).

Однако такие высказывания, как видно из примеров, категорично призывают адресата позаботиться о себе, не выражая эксплицитно коммерческих намерений адресанта, в чём обнаруживается «несоответствие между истинными и провозглашаемыми ценностями и целями», являющееся, по словам Т. Н. Колокольцевой, «важнейшей антиномией рекламного дискурса» [4: 5].

Это свойство рекламного дискурса ярко проявляется в высказываниях с косвенным императивом с частицей *пусть*, выражающих пожелание адресату, при котором адресантом неизменно указывается и «орудие» осуществления выражаемого пожелания — рекламируемый объект, который адресату, следовательно, необходимо приобрести, например:

Анаферон. Пусть годы идут без гриппа и простуд! (АиФ, № 8, 2014); *Пусть всё сбудется! 20% в год для ваших сбережений* (Юнион финанс, АиФ, № 2, 2016).

3. Побуждение в китайском рекламном газетном дискурсе

В китайской выборке побуждение выражено в 103 из 763 текстов, то есть в 13,5 % текстов, следовательно, в китайском рекламном дискурсе побуждение используется в 2 раза реже, чем в русском.

Важно иметь в виду, что в китайском языке формы наклонения глаголов не выражаются морфологически, поэтому не существует и императивной формы глагола. В связи с чем прямое побуждение в китайском языке чаще всего передаётся побудительными предложениями с разными лексическими средствами, но по значению они равны императивной форме русских глаголов (см. об этом: [8: 88; 9: 108; 10: 7]). Например:

Станьте членом «Клуба читателей новостей». Ежедневно качественный отбор репортажей из иностранных СМИ бесплатно будет рекомендован для вашего мобильного телефона. 加入《参考消息》读者俱乐部。外国媒体每日报道精选, 免费推送到您手机 (RN, 31 янв. 2016);

Купите сегодня по суперцене, очень выгодно! 今日购买享特价, 真划算! (реклама «Маки перуанской», GT, 6 янв., 2016).

При этом в китайском рекламном дискурсе, как и в русском, побудительные высказывания в основном передают совет, предложения, рекомендации, а также приглашение, преимущественно при помощи перфомативного глагола, например:

Приглашаем вас попробовать Синьцзянский Аксуский натуральный органический красный финик бесплатно. 新疆阿克苏绿色有机红枣邀您免费体验品尝 (RN, 27 янв. 2016).

Кроме того, есть примеры со значением пожелания, выраженного китайской конструкцией со словом «让 *rang*», которая по семантике равна русской конструкции со словом «*пусть*», например:

Пусть французская элегантность и прекрасный вкус вместе с вами встретят новое счастье! 法式优雅和完美味觉与您共迎新禧! (реклама Лафита, RN, 2 февр. 2016).

Наряду с совпадениями в китайской выборке в медицинской рекламе встретились побудительные значения, не представленные в нашей русской выборке:

- во-первых, предупреждение-предостережение, например: *Если у вас продолжительное время головокружения и шум в ушах, **стоит насторожиться***. 长期头晕耳鸣, 需警惕 (реклама лекарства «Бу Нао Вань», RN, 17 марта 2016);
- во-вторых, уговаривание, реализующееся повторением глаголов (*动词重叠*) [7: 75], например: *Боль в пояснице и ногах, **попробуйте, попробуйте** комплексный Аминосахар*. 腰腿痛, 试试复合氨糖 (GT, 15 янв. 2016).

И вновь наблюдаем, как и в русской рекламе, демонстрируемую через формы прямого побуждения псевдозаботу об адресате, за которой ясно обнаруживается подталкивание его к совершению покупки. Как показывают два последних приведённых примера, данные конструкции передают ещё более мягкие варианты побуждения, чем обычный совет.

К формам более интенсивного выражения волеизъявления в нашей китайской выборке могут быть отнесены:

- во-первых, отрицательные побудительные китайские высказывания с наречиями 别 *bie*, 甭 *beng*, которые по значению равны соответственно словам 'не' и 'нельзя' (8 текстов, 1,05%), например: *Больше **не позволяйте** вашим лёгким фильтровать загрязнённый воздух!* 别让您的肺过滤污染的空气啦! (реклама воздухоочистителя «Тянь Тянь Кан», RN, 25 янв. 2014);
- во-вторых, требования поторапливаться, выражаемые с помощью, например, таких наречий, как: 赶快 *gan kuai* 'сразу (же), сейчас же', 赶紧 *gan jin* 'быстро', например: *Количество ограничено, **налетай же** за покупками!* 量不多, 快抢! (Ликопин, RN, 1 янв. 2014);
- в-третьих, высказывания, побуждающие к совместному действию и содержащие наречие 一起 *yi qi* 'вместе', например: ***Сплотимся**, чтобы экономно расходовать энергетические ресурсы и стремиться к экологичному образу жизни, совместно **сотворим** изумрудные воды и голубое небо. **Вместе**携手节能低碳, 共建碧水蓝天* (GT, 7 июня 2014)*.

Действительно категоричное побуждение встречается в китайской выборке только в социальной рекламе, где государство напоминает своему народу о гражданском долге, например:

*Старательно **обрабатывать** землю, экономно **использовать** пищу*. 辛勤种地, 节俭用粮 (GT, 18 янв. 2016).

В китайской коммерческой рекламе в нашей выборке нет высказываний, выражающих категоричное волеизъявление, поскольку в китайской лингвокультуре существует строгий этноречевой запрет на использование директивной тональности в равностатусной коммуникации.

4. Выводы

Проведённое изучение текстового материала не позволяет считать такой тип воздействия, как прямое волеизъявление, крайне редко используемым и тем более вовсе не используемым в современной рекламе. При этом важно отметить, что за побуждением не к коммерческим действиям в рекламном дискурсе неизменно обнаруживается манипулятивное побуждение адресата к приобретению товара.

Результаты контрастивного анализа русского рекламного коммерческого газетного дискурса на фоне его китайского аналога свидетельствуют о том, что прямое побуждение в русском рекламном дискурсе употребляется существенно чаще, чем в китайском, и допускает использование вариантов разной степени категоричности, в то время как в китайском рекламном коммерческом дискурсе категоричное выражение побуждения запрещается лингвокультурной нормой.

ПРИМЕЧАНИЕ

* См. обо всех перечисленных китайских побудительных конструкциях с наречиями: [9: 147].

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеенко И. А. Структура и стилистические свойства вербальных составляющих рекламного текста: дис. ... канд. филол. наук / Комсомольский-на-Амуре гос. пед. ун-т. Комсомольск-на-Амуре, 2001. URL: <http://starling.rinet.ru/~minlos/thesis/Avdeenko2001.pdf>.
2. Аникин Е. Е. Стратегия сопоставления в российской и американской рекламе. Дис. ... канд. филол. наук / Челябинский гос. ун-т. Челябинск, 2007.

3. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

4. Колокольцева Т. Н. Предисловие // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / Науч. ред. Т. Н. Колокольцева. М., 2011. С. 5–8.

5. Лазарева Э. А. Рекламный дискурс: стратегии и тактики // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистич. общества. Т. 9. Екатеринбург, 2003. С. 82–121.

6. Олянич А. В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / Науч. ред. Т. Н. Колокольцева. М., 2011. С. 10–37.

7. Чан Цзянь. Тань дунцы дэ деюн [Повторение глаголов] // Юйянь цзяосюе юй яньцзю [Обучение и исследование языка]. Пекин, 1981. № 2. С. 75–84 (на китайском языке; 常俭. 谈动词的叠用. 语言教学与研究, 1981(2), 第75–84页).

8. Чжан Мэйлань. «Цзу тан цзи» цишицзюй цзици чжилинсинвэй дэ юйлицича [Различия между силовыми уровнями побудительных предложений и повелительных актов в «Цзу Тан Ди»] // Цинхуа дасюе сюебао (шэчжэбань) [Вестн. ун-та Цинхуа (философия и социальные издание)]. Пекин, 2003. № 2. С. 88–95 (на китайском языке; 张美兰, 《祖堂集》祈使句及其指令行为的语力级差. 清华大学学报(哲社版), 2003(2), 第88–95页).

9. Чжао Вэй. Чжилинсинвэй юй ханьюй цишицзюй яньцзю [Исследование побудительного акта и побудительного предложения китайского языка]. Шанхай, 2005 (на китайском языке; 赵薇. 指令行为与汉语祈使句研究. 上海, 2005).

10. Юань Юйлин. Сяньдай ханьюй цишицзюй яньцзю [Изучение побудительного предложения современного китайского языка]. Пекин, 1993 (на китайском языке; 袁毓林. 现代汉语祈使句研究. 北京, 1993).

REFERENCES

1. Avdeenko I. A. (2001) *Struktura i suggestivnye svoystva verbal'nykh sostavliushchikh reklamnogo teksta* [The structure and the suggestive properties of the verbal components of the advertising text] (Candidate's thesis, Philology). Komsomolsk-on-Amur state pedagogical University, Komsomolsk-on-Amur, pp. 168. Available at: <http://starling.rinet.ru/~minlos/thesis/Avdeenko2001.pdf> (accessed 03.02.2018) (in Russian)

2. Anikich E. E. (2007) *Strategii i sopolavleniia v rossiiskoi i amerikanskoi reklame* [The strategy of comparison in Russian and American advertisement] (Candidate's thesis, Philology), Chelyabinsk state University, Chelyabinsk, pp. 206. (in Russian)

3. Bondarko A. V. (1990) *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [The theory of functional grammar. Temporality. Modality], Leningrad, pp. 132. (in Russian)

4. Kolokol'tseva T. N. (2011) *Predisloviie* [Preface]. In: Kolokol'tsev T. N., ed. *Reklamnyi diskurs i reklamnyi tekst: kollektivnaia monografiia* [Advertising discourse, and advertising text: the collective monograph]. Moscow, pp. 5–8. (in Russian)

5. Lazareva E. A. (2003) *Reklamnyi diskurs: strategii i taktiki* [Advertising discourse: strategies and tactics]. *Lingvistika: Bulletin' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva*. [Linguistics: Bulletin of Ural linguistic society], vol. 9, Yekaterinburg, pp. 82–121. (in Russian)

6. Olanich A. V. (2011) *Reklamnyi diskurs i ego konstitutivnye priznaki* [Advertising discourse and its constitutional features]. In: Kolokol'tsev T. N., ed. *Reklamnyi diskurs i reklamnyi tekst: kollektivnaia monografiia* [Advertising discourse, and advertising text: the collective monograph]. Moscow, pp. 10–37. (in Russian)

7. Chang Jian (1981) *Tan dongci de dieyong* [The repetition of verbs]. *Yuyan jiaoxue yu yan jiu* [Language Teaching and Linguistic Studies]. Beijing, 1981, no. 2, pp. 75–84. (常俭. 谈动词的叠用. 语言教学与研究, 1981(2), 第75–84页) (in Chinese)

8. Zhang Meilan (2003) «Zu tang ji» qishiju jiqi zhilingxingwei de yulijicha [Differences between the power levels of motivational sentences and imperative acts in "zu tan Di"]. *Qinghua daxue xuebao (shezheban)* [Bulletin of the University of Qinghua (philosophy and social publishing)]. Beijing, no. 2, pp. 88–95. (张美兰. 《祖堂集》祈使句及其指令行为的语力级差. 清华大学学报(哲社版), 2003(2), 第88–95页) (in Chinese)

9. Zhao Wei (2005) *Zhilingxingwei yu hanyu qishiju yanjiu* [Research incentive act and imperative sentences of Chinese language]. Shanghai. (赵薇. 指令行为与汉语祈使句研究. 上海, 2005) (in Chinese)

10. Yuan Yulin (1993) *Xiandai hanyu qishiju yanjiu* [Learning the motivational sentences of the modern Chinese language]. Beijing. (袁毓林. 现代汉语祈使句研究. 北京, 1993) (in Chinese)

[хроника]

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ: КУЛЬТУРА МЫСЛИ И КУЛЬТУРА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

(Продолжение на с. 34, 52, 58, 72)

26 октября — 27 октября 2017 года в Санкт-Петербургском горном университете по инициативе кафедры русского языка и литературы состоялась VI Международная научно-методическая конференция «Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе». В конференции приняли участие 132 человека: преподаватели из 13 городов Российской Федерации (включая преподавателей из 18 вузов Санкт-Петербурга), а также из г. Сан-Паулу (Бразилия), г. Тулуза (Франция), г. Триест (Италия), г. Ольштын и г. Гливице (Польша). Работа традиционно проходила в следующих формах: пленарное заседание, секционные заседания, мастер-классы и итоговое заседание.

Тема Пленарного заседания «Проблемы лингвоэкологии: культура мысли и культура речевого общения» определила специфику обсуждения лингвоэкологических вопросов в старейшем техническом вузе России. Профессор Московского государственного универси-

тета им. М. В. Ломоносова д. филол. н. М. Ю. Сидорова рассмотрела роль лингвистических дисциплин в формировании у студентов-естественников научного мировоззрения, связав проблему объективности научного знания с особенностями современной научной коммуникации и способами вербализации научного познания.

При изучении культуры речи личность педагога-словесника выступает на первый план, в том числе в вопросах сохранения родного языка. Этот тезис был развит профессором Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова д. филол. н. В. Н. Артамоновым. Докладчик, проанализировав тексты и выступления творческой интеллигенции, обнаружил языковые аномалии в речи политиков, деятелей культуры, журналистов. Вопросы речевой агрессии в медиасфере были в центре внимания профессора Санкт-Петербургского государственного университета д. филол. н. В. И. Конькова. По мнению

Л. В. Басова

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

LARISA V. BASOVA

MODERN POLITICAL AND LEGAL DISCOURSE: FUNCTIONAL AND STYLISTIC ASPECTS

Статья посвящена детальному анализу политико-правового дискурса как лингвистической категории, отражающей ценностно-смысловые системы общества. Проведенный анализ позволяет установить, что особенностью современного политико-правового дискурса является противоречивость, обусловленная идеологической и исторической ментальностью.

Ключевые слова: административно-политическая лексика; правовая лексика; политико-правовой дискурс; административно-политический социолект; советизмы; лексические индикаторы обращений.

The article offers a detailed analysis of political and legal discourse as a linguistic category, which is reflecting axiological and semantic systems of today's society. This type of discourse is characterized by the contradiction caused by both ideological and historical mentality.

Keywords: political and administrative vocabulary; legal vocabulary; political and legal discourse; political and administrative sociolects; Sovietisms; lexical markers for addressing people.

Лариса Валерьевна Басова

Кандидат филологических наук, доцент,
и. о. заведующего кафедрой
русского языка

Тюменский государственный
университет

ул. Володарского, 6,
г. Тюмень, 625003, Россия

► lbasova73@yandex.ru

Larisa V. Basova

Tyumen State University

6 Volodarskogo St.,
Tyumen, 625003, Russia

В философии традиционно выделяются три типа политико-правовой культуры — традиционный, утилитарный, креативный. Посредством отнесения к данным идеальным типам эксплицируется ценностно-смысловое содержание политико-правовой культуры.

Традиционная политико-правовая культура формируется на основании восприятия мира как условия — установленного вне участия человека всеобъемлющего порядка [2]. Государство и власть рассматриваются в такой перспективе, как высшие по отношению к человеку силы, которым следует подчиняться.

Утилитарная — на основании восприятия мира как средства существования человека и общества. Критерием оценки всех явлений в рамках утилитаризма выступает их полезность. Креативный тип политико-правовой культуры формируется на основе восприятия мира как высшей ценности и цели существования человека [1].

Креативная политико-правовая культура утверждает мировоззренческий принцип диалогизма, согласно которому смыслообразующим ядром и конституирующим основанием политико-правовой сферы жизни общества является диалог — межличностная коммуникация.

В таком прочтении государство предстает как союз свободных людей, объединенных идеей содействия, синергии.

Современный политико-правовой дискурс как лингвистическая категория отражает ценностно-смысловые системы общества. Актуальность нашего исследования, проведенного в соответствии с современной функциональной парадигмой знаний, заключается в необходимости выявления языковой специфики современного политико-правового дискурса, в определении ценностно-смысловых установок, характерных для политико-правовой культуры современной России. В качестве эмпирической основы изучения ценностно-смысловых установок современного социума послужили 12 стенограмм заседаний Тюменской областной Думы за 2015, 2016 годы как интегративная совокупность текстов, обусловивших определенные в данной коммуникативно-прагматической и социально-исторической ситуации формы, структуры и языковые единицы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о доминантном функционировании в политико-правовом дискурсе административно-политической и правовой лексики: *нормативно-правовая база, система профилактической деятельности, приоритетные направления деятельности, в части закона, вопрос на голосование, срок полномочий, переданные госполномочия, пакет законодательных мер, законотворческие решения, законодательные органы, развитие парламентаризма* (Ст. 22, 25, 36, 37, 38, 39, 45) и т. д. Данные словосочетания, являясь по сути своей коммуникативными клише, не имеют оценочных коннотаций и составляют ядро анализируемого дискурса.

Вместе с политической и правовой лексикой наблюдается активное использование противоречащих языковому стандарту единиц административно-политического социолекта, например, сочетаний слов, обозначающих организационно-распорядительную и профессиональную деятельность: *закрыть убытки, усилить сферу, выровнять ситуацию, проработать/отработать вопрос, обсудить на комитете, решить на Думе,*

обеспечить возможности, закачать деньги, предусмотреть выплаты, заточить ресурсы (Ст. 39, 40, 41, 42); а также слов, содержащих оценку деятельности законодательной и исполнительной власти: *раскачка* (Ст. 44), *подвижки* (Ст. 40). Примечательно, что положительная оценка деятельности зачастую маркируется словами или оборотами речи, отражающими реалии советского периода: *наиболее высокие результаты были достигнуты, внесен значительный вклад, многолетний добросовестный труд, повышена производительность труда, рост показателей промышленного и сельскохозяйственного производства* (Ст. 22, 37, 38) и т. д.

Употребляются в современном политико-правовом дискурсе для обозначения сегодняшних реалий прецедентные феномены, отражающие лозунги эпохи коммунистического развития СССР. Например, известная фраза В. В. Маяковского «*Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин*» (Ст. 22) использована для того, чтобы подчеркнуть значимость проведения флешмоба «Тотальный диктант» в регионе. На наш взгляд, функционирование советизмов доказывает, что говорить об уходе в пассив пластов лексики эпохи социализма не приходится.

Языковую динамику в политико-правовом дискурсе в полной мере представляет не так давно заимствованная лексика, которая отражает изменения, произошедшие в экономической сфере. Этот поток заимствований активно воспринят языковым сознанием законодательной власти: *целевые средства в виде субвенций, концессионные соглашения, мультипликативный эффект, декриминализация сферы ЖКХ, привлечение стратегических инвесторов, диверсификация производства* (Ст. 25, 40, 44) и т. д.

Следует отметить, что, наряду с активным функционированием речевых стереотипов (*по истечении срока, на душу населения, повышение уровня, улучшение качества, поставить задачу, воплотить в жизнь, определить направление развития* (Ст. 22, 25, 37, 38, 39, 41) и т. д.), в современном политико-правовом дискурсе обнаруживаются метафоры — как стертые (*официальные лица, депутатский корпус* (Ст. 42, 44)), так и об-

разные, нарушающие основной стилеобразующий признак официально-деловой речи, например:

«Достойные традиции Тюменской области и история Тюменской областной Думы пополнятся новыми яркими страницами» (Ст. 42)

или

«Мне кажется, что у нас есть именно такой для вас подарок — это сертификат на проведение в Тюменской областной Думе выставки работ из нашей галереи заслуженного художника России Геннадия Райшева. В его полотнах, как в зеркале, отражается сердце, душа Югры» (Там же).

Эти образные конструкции восходят к коммуникативным патетическим клише советской прессы. Принимались во внимание не только собственно метафоры — образные средства, учитывались и метонимические переносы, синекдоха, сравнительные конструкции, что «связано с общностью их функционирования в ... дискурсе» [1].

Обращает на себя внимание функционирование в политико-правовом дискурсе фразеологизмов. Эти языковые единицы встречаются нечасто, однако они выразительнее синонимичных им слов и свободных словосочетаний: *без дела не сидим* (о работе Законодательного Собрания ЯНАО) (Ст. 42), *висеть на волоске* (из обсуждения законопроекта о трудовой миграции) (Ст. 25), *не бьют баклуши* (о работе правоохранительных органов области) (Ст. 37) и т. д.

Интересно проследить в современном политико-правовом дискурсе функционирование эмоционально-окрашенной лексики, что нетрадиционно для официально-делового стиля. Систематически обнаруживаются эмоционально-окрашенные слова с положительной оценкой (*грядущий, нерушимый*); слова, имеющие торжественный, риторический оттенок (*держава, Отечество*); слова с одобрительным оттенком (*грандиозный, благородный*), слова, в которых стилистическая окрашенность достигается аффиксацией (*нефтянка, подактивизировать, проволочка* и т. д.) (Ст. 37, 38, 39, 40, 41). Следует отметить, что у приведенных примеров разные мотивационные модели. Значительное увеличение доли эмоциональных средств в политико-правовом

дискурсе дает основание полагать, что языковая ситуация сегодня меняется — наблюдается движение от стандартизованности к субъективизму.

Языковое выражение определенной практики обращений в политико-правовой коммуникации, на наш взгляд, обусловлено и идеологической, и исторической ментальностью. В стенограммах встречаются следующие лексические индикаторы обращений: *уважаемые депутаты; уважаемые коллеги; многоуважаемые депутат, уважаемые земляки, дорогие товарищи, дорогие друзья; уважаемые участники заседания; уважаемая областная Дума* (Ст. 22, 25, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 44, Ст. торж.). Другой пример — косвенного, непрямого обращения к участникам заседания:

«От всей души поздравляю депутатов, работников аппарата и управления делами областной Думы, наших коллег и соратников в Правительстве области, в органах государственной власти автономных округов...» (Ст. 42).

Также нужно подчеркнуть, что при анализе стенограмм не обнаружено ни одного обращения к участникам заседаний по имени без употребления отчества ни в ходе выступлений, ни в ходе дискуссий.

К сожалению, при исследовании стенограмм заседаний Тюменской областной Думы выявлено огромное количество нарушений литературной нормы — как грамматических (*путь по формированию регионального законодательства; решен вопрос по финансированию; часть домов определены под снос; отчеты по заседаниям комитетов* и т. д.), так и неграмматических (*уровень жизни жителей области по сравнению с 90-ми годами значительно вырос; заложить приоритеты; реализована одна из социальных задач; повышение качества жизни людей; в конечном итоге; несколько слов от себя лично; закон, который себя категорически оправдал; работу, которую вы сделали во благо Тюменской области* и т. д.) (Ст. 22, 25, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 45, Ст. торж.). Употребление противоречащих языковому стандарту единиц представителями властных структур, несомненно, оказывает определенное влияние на литературную норму, и сегодня «понятия

нормативное/ненормативное часто воспринимаются нерасчлененно» [3].

Таким образом, особенностью современного политико-правового дискурса, представляющего собой синтез весьма разнородных языковых единиц, как и российской политико-правовой культуры в целом, является ее «противоречивость». В политико-правовой культуре современной России бытуют полярно противоположные ценностно-смысловые установки: авторитаризм и демократизм. Авторитаризм обусловлен базовой коммуникативной задачей политико-правового общения — регулировать, эффективно управлять; демократизм и субъективность проявляются в системном использовании нетипичных (даже дефектных) для данной коммуникативной сферы языковых явлений.

ИСТОЧНИКИ

- Ст. 22 — Стенограмма 22 заседания Тюменской областной Думы пятого созыва. URL: [http://www.duma72.ru/doc/duma/zasedaniya/Дума 22-5 \(13.02.2014\).pdf](http://www.duma72.ru/doc/duma/zasedaniya/Дума 22-5 (13.02.2014).pdf) (дата обращения: 05.06.2017).
- Ст. 25 — Стенограмма 25 заседания Тюменской областной Думы пятого созыва. URL: <http://www.duma72.ru/doc/duma/zasedaniya/Дума 25-5.pdf> (дата обращения: 05.06.2017).
- Ст. 36 — Стенограмма 36 заседания Тюменской областной Думы пятого созыва. URL: [http://www.duma72.ru/doc/duma/zasedaniya/Дума 36-5 \(19.03.2015\).pdf](http://www.duma72.ru/doc/duma/zasedaniya/Дума 36-5 (19.03.2015).pdf) (дата обращения: 05.06.2017).
- Ст. 37 — Стенограмма 37 заседания Тюменской областной Думы пятого созыва. URL: [http://www.duma72.ru/doc/duma/2015/стенограмма_Дума 37-5 \(23.04.2015\).pdf](http://www.duma72.ru/doc/duma/2015/стенограмма_Дума 37-5 (23.04.2015).pdf) (дата обращения: 05.06.2017).
- Ст. 38 — Стенограмма 38 заседания Тюменской областной Думы пятого созыва. URL: [http://www.duma72.ru/doc/duma/2015/стенограмма_Дума 37-5 \(23.04.2015\).pdf](http://www.duma72.ru/doc/duma/2015/стенограмма_Дума 37-5 (23.04.2015).pdf) (дата обращения: 05.06.2017).
- Ст. 39 — Стенограмма 39 заседания Тюменской областной Думы пятого созыва. URL: [http://www.duma72.ru/doc/duma/2015/Стенограмма Дума 39-5 \(25.06.2015\).pdf](http://www.duma72.ru/doc/duma/2015/Стенограмма Дума 39-5 (25.06.2015).pdf) (дата обращения: 05.06.2017).
- Ст. 40 — Стенограмма 40 заседания Тюменской областной Думы пятого созыва. URL: [http://www.duma72.ru/doc/duma/2015/Дума 40-5 \(24.09.2015\).pdf](http://www.duma72.ru/doc/duma/2015/Дума 40-5 (24.09.2015).pdf) (дата обращения: 05.06.2017).
- Ст. 41 — Стенограмма 41 заседания Тюменской областной Думы пятого созыва. URL: [http://www.duma72.ru/doc/duma/2015/ДУМА 41-5 \(22.10.2015\).pdf](http://www.duma72.ru/doc/duma/2015/ДУМА 41-5 (22.10.2015).pdf) (дата обращения: 05.06.2017).
- Ст. 42 — Стенограмма 42 заседания Тюменской областной Думы пятого созыва. URL: http://www.duma72.ru/doc/zased_dumy/42 заседание/stenogramma_42.pdf (дата обращения: 05.06.2017).
- Ст. 44 — Стенограмма 44 заседания Тюменской областной Думы пятого созыва. URL: [http://www.duma72.ru/doc/duma/2015/Дума 44-5 \(17.12.2015\).pdf](http://www.duma72.ru/doc/duma/2015/Дума 44-5 (17.12.2015).pdf) (дата обращения: 05.06.2017).
- Ст. 45 — Стенограмма 45 заседания Тюменской областной Думы пятого созыва. URL: [http://www.duma72.ru/doc/duma/Дума 45-5 \(11.02.2016\).pdf](http://www.duma72.ru/doc/duma/Дума 45-5 (11.02.2016).pdf) (дата обращения: 05.06.2017).
- Ст. торж. — Стенограмма торжественного заседания Тюменской областной Думы пятого созыва, посвященного 20-летию образования Тюменской областной Думы. URL: <http://www.duma72.ru/doc/duma/стенограмма 24.pdf> (дата обращения: 05.06.2017).

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
2. Валгина Н. С. Основные проблемы изучения языка современных СМИ // Язык и стиль современных средств массовой информации: Межвуз. сб. науч. тр. Всеросс. конф., посвящ. 80-летию проф. Н. С. Валгиной. М., 2007. С. 7–17.
3. Яркова Е. Н. Политико-правовая культура: опыт ценностно-смысловой реконструкции // Ценности и смыслы. 2013. № 1. С. 100–115.

REFERENCES

1. Baranov A. N., Karaulov Ju. N. (1994) *Slovar' russkikh politicheskikh metafor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow. (in Russian)
2. Valgina N. S. (2007) *Osnovnye problemy izucheniia iazyka sovremennykh SMI* [Main problems of modern media language study]. In: *Iazyk i stil' sovremennykh sredstv massovoi informatsii* [Language and style of modern mass media]. Moscow, pp. 7–17. (in Russian)
3. Iarkova E. N. (2013) *Politiko-pravoivaia kul'tura: opyt tsnnostno-smyslovoi rekonstruktsii* [Political and legal culture: record of axiological reconstruction]. *Tsnnosti i smysly* [Values and meanings], no. 1, pp. 100–115. (in Russian)

Е. И. Литневская

О ЯЗЫКОВОЙ НОРМЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ И ПРОБЛЕМАХ ЕЕ КОДИФИКАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

ELENA I. LITNEVSKAYA

ON WRITTEN RUSSIAN LANGUAGE'S LINGUISTIC STANDARD
AND THE PROBLEMS OF ITS CODIFICATION IN THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Нормированность и кодифицированность русского литературного языка как ядра русского национального языка являются общепризнанными в русистике, однако как понятие нормы, так и определение средств ее кодификации трактуется в лингвистике неоднозначно (более узко и более широко). В статье рассматриваются эти подходы к норме и ее кодификации, принимается широкое понимание средств кодификации и формулируется положение об изменении средств кодификации письменной речи в начале XXI века в связи с развитием электронно опосредованной коммуникации, в первую очередь интернет-коммуникации. Статья имеет отношение как к фундаментальным вопросам лингвистики, так и к ее прикладным (методическим) проблемам.

Ключевые слова: кодифицированная и узкая языковая норма; средства кодификации нормы; электронно опосредованная коммуникация; метаязыковая рефлексия.

The author argues that standardization and codification of literary language as the core of national Russian language are generally recognized in Russian studies, but the notion of the standard and the definition of the means of its codification are treated ambiguously, in both broader and narrower senses. The paper discusses these approaches to the notion of standard and to its codification, accepting the broader understanding of codification means and by formulating the thesis, that the codification means of written speech in the beginning of the 21st century is subject to change due to the development of electronically mediated communication. The article deals both with the fundamental issues of linguistics and with its applied (methodical) aspects.

Keywords: codified standard and common language usage; means of codification; electronically mediated communication; meta-language reflection.

Елена Ивановна Литневская

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русского языка
филологического факультета

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Россия

► litn-elena@mail.ru

Elena I. Litnevskaya

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia

Русский национальный язык включает в свой состав территориальные диалекты, городское просторечие, жаргоны разного рода — как профессиональные, так и социальные, ядро же русского национального языка составляет литературный язык, основополагающими признаками которого являются нормированность и кодифицированность.

Понятие языковой нормы и ее кодификации (фиксации) как важнейших признаков литературного языка никогда не теряло своей актуальности. Так, основоположник теории функциональных стилей академик В. В. Виноградов отмечал, что «анализ стилистических явлений опирается на понятие нормы языка» [1: 66].

Однако при рассмотрении проблем нормативности и кодифицированности языка исследователи часто исходят из разного понимания как самой нормы, так и средств ее кодификации.

Как известно, термин «норма» лингвисты используют в двух значениях — широком (узальная норма) и узком (кодифицированная норма). Так, Л. П. Крысин указывает, что «в широком смысле под нормой подразумевают такие средства и способы речи, которые стихийно, спонтанно формировались в течение многих веков и которые обычно отличают одну разновидность языка от других. <...> В узком смысле норма — это результат кодификации языка. Разумеется, кодификация опирается на традиции существования языка в данном обществе, на неписанные, но общепринятые способы использования языковых средств. Но важно при этом, что кодификация — это целенаправленное упорядочение всего, что касается языка и его применения. Результаты кодифицирующей деятельности — а этим занимаются главным образом лингвисты — отражаются в нормативных словарях и грамматиках. Норма как результат кодификации неразрывно связана с понятием литературного языка, который иначе и называют нормированным, или кодифицированным» [3: 36–37; 10].

В учебнике «Культура русской речи» под редакцией Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева отмечается, что «кодифицированные нормы литературного языка — это такие нормы, которым должны следовать все носители литературного языка. Любая грамматика современного русского литературного языка, любой его словарь есть не что иное, как его кодифицирование» [4: 13].

В приведенных выше определениях кодификации отмечены два основных ее средства — грамматика и словари.

Однако известный своими многочисленными исследованиями в области не только системы языка, но и его функционирования М. В. Панов в статье «О литературном языке» (1972) пишет: «Литературный язык — многогранен и сложен; его особенности можно раскрыть только в веренице таких определений:

это — язык культуры; язык образованной части народа; сознательно кодифицированный язык; язык, развивающийся по своим особым законам; язык с наименьшей дублетностью единиц. Все же главное определение — первое; другие — следствия из него» [8: 88–89].

В соответствии с этой иерархией признаков литературного языка М. В. Панов расширяет подход к описанию норм в связи с источниками их проявления: «Нормы литературного языка — предмет сознательной заботы говорящих. Литературному языку учат в школе, заставляя детей сознательно относиться к своей речи; литературный язык имеет свою письменность, а письменные нормы — предмет постоянного внимания всех пишущих и всех читающих. Есть произведения классические, образцовые — они действительно служат образцом безупречного владения языком. Существуют словари, учебники, справочники, в которых сказано, как надо говорить и писать. Все это делает литературный язык предметом сознательного культивирования. Он находится в центре общенародной заботы о нем. Имея это в виду, говорят, что литературный язык кодифицирован» [Там же: 91–92].

В чем причина такого расхождения в определении средств кодификации?

Представляется, что для ответа на этот вопрос необходимо в первую очередь ввести и разграничить понятия кодификации «описательной» и кодификации «предписательной».

Описание языка с точки зрения «должного и сущего», т. е. норм и отклонений от них в самых разных областях функционирования языка, содержатся в любом профессиональном лингвистическом исследовании. Сюда же, по нашему мнению, следует отнести и грамматики, если под грамматиками понимать академические издания, содержащие обширные описания всех дотекстовых уровней языка, например «Русскую грамматику» (1980) в двух томах объемом почти в полторы тысячи страниц. Очевидно, что эти издания предназначены для филологов-профессионалов. Многочисленные печатные версии словарей также не востребованы «рядовыми» носителями языка.

Для населения образцом для подражания в значительной мере служат современная публицистика и беллетристика, о чём свидетельствуют, например, письма читателей и слушателей, остро реагирующих на замечаемые ошибки. Однако сегодня эти области функционирования языка в результате упразднения обязательного института корректоров, а также ряда воздействующих экстралингвистических факторов, в том числе ложно понимаемой демократизации в области языка, в значительной мере утратили свой образцовый характер. Еще в 1988 году М. В. Панов в статье «Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики» писал: «Теперь газета говорит многими голосами. Одна из причин этого сдвига — иное отношение к норме. В 30–60-е годы господствовало такое отношение к литературному языку: норма — это запрет. Норма категорически отделяет пригодное от недопустимого. Теперь отношение изменилось: норма — это выбор. Она советует взять из языка наиболее пригодное в данном контексте» [7: 84].

В этой цитате автор говорит о вариативности и динамичности нормы; это положение является очевидным для большинства лингвистов, но среди рядовых носителей языка эта тенденция нередко получает название «порчи языка» и вызывает широкий резонанс. Представление о том, что норма — это запрет и что лингвисты обязаны бороться за эти нормы и нести за них ответ, является доминирующим среди языковых пуристов. Выдержать баланс между запретом и функционально обусловленным разрешением очень трудно. Особенно это касается заимствований и допуска в литературный язык средств, относимых к сниженным сферам языка. Здесь и среди лингвистов бытуют разные мнения. Так, известный специалист в области ортологии (учения о нормах) О. Б. Сиротина в монографии «Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски» писала, что «в конце XX в. существовала угроза превращения богатейшего литературного русского языка в страшное по своим последствиям англо-жаргонно-просторечное его извращение» [9: 104].

Таким образом, осмелимся утверждать, что статус универсального традиционного кодификационно предписывающего средства выполняет

только школьный курс русского языка, в первую очередь учебник. Для демонстрации его значимости в обеспечении соблюдения норм приведем только один пример. Как известно, школьные учебники выделяют три группы сочинительных союзов: соединительные (*и* и его функциональные заместители), разделительные (*или* и его заместители) и противительно-сопоставительные (*но*, *а* и их заместители). Тем не менее, кроме этих групп, имеются еще и не изучаемые в школе группы сочинительных союзов: градационные (*не только... но и*), присоединительные (*да и*) и пояснительные (*то есть, а именно*). Отсутствие этих групп союзов в школьной грамматике привело на практике к тому, что в письменных текстах самого разного рода союзы *то есть* и *а именно* осмысливаются как вводные слова и массово обособляются.

Изменение в XXI веке форм итогового школьного контроля — тестовые формы проверки, упрощение заданий ЕГЭ по русскому языку, незначительная роль практической грамотности при оценке итогового сочинения выпускников — привело к значительному ослаблению прочности «правописных» умений и навыков молодого поколения носителей языка. Даже в тех вузах, которым разрешены дополнительные вступительные испытания, профильным для будущих филологов является экзамен по литературе, где «вес» орфографических и пунктуационных ошибок значительно ниже, чем в былое время, когда действовали нормы оценки знаний, умений и навыков по русскому языку, принятые еще в 80-е годы XX века.

Другим «врагом» грамотности всеми однозначно признается электронно опосредованная коммуникация (в первую очередь Интернет). Действительно, большинство жанров непосредственной коммуникации чрезвычайно лояльно к «правописным» ошибкам. И само техническое устройство многих площадок коммуникации наиболее уязвимым делает пунктуацию. Так, в смс-коммуникации за счет пропуска знаков препинания часто происходит экономия знаков и, соответственно, стоимость пересылки сообщения. В чатовых формах общения, в которых реплики «вбрасываются» порциями, разделение

высказывания, как правило, происходит в месте, требующем знака препинания, при этом сам знак в конце каждого фрагмента сообщения традиционно не ставится (об этом см., например, в: [6]).

Но так ли однозначно страшен этот «враг» для нормативного использования языка? Не дала ли нам электронно опосредованная коммуникация новых возможностей кодификации языковой нормы и средств борьбы с безграмотностью? Ответ на этот вопрос, как представляется, положительный.

Во-первых, лингвисты и методисты разрабатывают новые программы обучения и контроля с использованием компьютера вообще и интернета в частности. Даже цифровые копии бумажных учебных материалов, снабженные гиперссылками и дидактическими материалами, являются шагом вперед по сравнению с традиционными приемами обучения: гипертекстуальность Интернета расширяет до безграничности познавательный потенциал его использования в образовательных целях, а электронные дидактические материалы гораздо строже проверяют получаемые умения и навыки, чем любой учитель или родитель: само устройство обучающих и контрольных программ не позволяет перейти к следующему заданию, не выполнив задание предыдущее правильно; в компьютере нельзя обманом перевернуть страницу или подглядеть правильный ответ. Что же касается перспектив, то работа по созданию разнообразных электронно опосредованных учебных площадок и методик ведется сегодня чрезвычайно активно, а для учителей (которые, кстати сказать, гораздо меньше готовы к использованию таких материалов, чем их ученики) организовано множество курсов, семинаров и вебинаров по овладению этими методиками работы.

Во-вторых, практически с самого начала их существования в программы набора текста с клавиатуры (например, в текстовый редактор Word) внедрена функция проверки правильности орфографии, а затем пунктуации и даже сочетаемости слов (в частности, употребления нужного предлога) путём выделения цветным подчеркиванием ошибок, допущенных в тексте. Причем чрезвычайно важно, что современными редакторами ошибки

не исправляются автоматически, а требуют сознательного их исправления создателем текста.

В-третьих, Интернет сделал простым и доступным пользование словарями и справочниками. Так, всем известный образовательный портал «Грамота.ру» позволяет чрезвычайно легко проверить значение, произношение, написание и грамматические признаки любого слова сразу по нескольким словарям.

Далее, не следует преуменьшать число людей, склонных к метаязыковой рефлексии (рефлексии над языком и речью) и желающих это обсудить в привычной для них интернет-среде. В качестве примера вспомним возникший на рубеже веков и широко распространившийся в Сети «олбанский язык» («язык падонков»), в лингвистической научной литературе чаще всего именуемый антиорфографией. Но следует отметить, что эти увлечения на сегодняшний день сошли на нет.

В основе антиорфографии лежала замысловатая языковая графико-орфографическая игра, которая была немедленно отмечена, изучена и описана профессиональными лингвистами: «Сегодня антиорфография является не более чем преднамеренной игрой в неграмотность, очередной интернет-забавой, смысл которой может быть адекватно воспринят только при условии владения нормой» [2: 343]. Однако методисты, и автор данной статьи в их числе, не могли не отметить, что для человека с еще не сформированной коммуникативной компетенцией (ребенка, подростка) столкновение с ненормативным написанием слов может быть далеко не безобидным (об этом см., например: [5]).

Знаменательно, что гораздо более радикально были настроены против «антиорфографии» сами носители молодежной языковой культуры. На заглавной странице интернет-дневника каждого такого пользователя висела придуманная и оформленная Юрием Ткаченко из Симферополя фраза «Умею говорить по-русски!». Сторонники этой точки зрения считали, что «антиорфография» разлагает русский язык, отучая тинейджеров говорить и думать по-русски: «Падокафский йазыг пригоден исключительно для коротких, метких высказываний (*аффтат, выпей йаду*), вос-

клициний (*первый нах!*), а лучше наименований» (<http://www.ergeal.ru/blog2/1228.htm>).

В заключение хочется отметить чрезвычайно оптимистичное утверждение О. Б. Сиротининой о том, что, кроме сознательной профессиональной работы по сохранению богатства и выразительности русского языка, одним из факторов развития языка является его самоочищение: «Надежду на сохранение богатства системы языка дает процесс, начавший и всё устойчивее проявляющийся с осени 2012 г., — процесс, который можно назвать самоочищением» [9: 104].

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.
2. Дедова О. В. Антиорфография в Рунете // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка. Тр. и матер. М., 2007. С. 342–343.
3. Крысин Л. П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки: Общество в зеркале языка. 2005. № 2. С. 36–47.
4. Культура русской речи / Под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. М., 2001. 560 с.
5. Литневская Е. И. «Антиорфография» как лингвистический феномен и как письменная речевая субкультура // Ярославский педагогич. вестн. 2010. № 4. С. 7–11.
6. Литневская Е. И. Письменные формы русской разговорной речи (К постановке проблемы): Монография. М., 2011.
7. Панов М. В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Панов М. В. Тр. по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М., 2007. С. 63–84.
8. Панов М. В. О литературном языке // Панов М. В. Тр. по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 88–102.
9. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов, 2013. 116 с.
10. Современный русский язык: Система — норма — узус / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2010.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. (1955) Itogi obsuzhdeniia voprosov stilistiki [Stylistics Studies: Conclusions]. *Voprosy iazykoznaniiia [Linguistic Studies]*, no. 1, pp. 60–87. (in Russian)
2. Dedova O. V. (2007) Antiorfografiia v Runete [Anti-orthography of the Russian Net]. Proceedings of the III International Congress of Russian Language Researchers "Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'" [Russian Language: History and Modernity]. Moscow, pp. 342–343. (in Russian)
3. Krysin L. P. (2005) Iazykovaia norma i rechevaia praktika [Language Norm and Language Practice]. *Otechestvennye zapiski: Obshchestvo v zerkale iazyka [Homeland Notes: Society in the Mirror of Language]*, no. 2, pp. 36–47. (in Russian)
4. Graudina L. K., ed., Shiriaeva E. N., ed. (2001) *Kul'tura russkoi rechi [Culture of Russian Spoken Language]*. Moscow. (in Russian)
5. Litnevskaya E. I. (2010) «Antiorfografiia» kak lingvistsicheskii fenomen i kak pis'mennaia rechevaia subkul'tura [Anti-orthography as a Linguistic Phenomenon and as a Written Language Subculture]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik [Pedagogical Herald of Yaroslavl]*, no. 4, pp. 7–11. (in Russian)
6. Litnevskaya E. I. (2011) *Pis'mennye formy russkoi razgovornoj rechi (K postanovke problemy) [Written Forms of Russian Colloquial Speech]*. Moscow. (in Russian)
7. Panov M. V. (2007) Iz nabludeniia nad stilem segodniashnei periodiki [From Observations on the Style of Modern Periodical Publications]. In: Panov M. V. *Trudy po obshchemu iazykoznaniiu i russkomu iazyku [On Genral Linguistics and Russian Language]*, vol. 2. Moscow, pp. 63–84. (in Russian)
8. Panov M. V. (2004) O literaturnom iazyke [On Literary Language]. In: Panov M. V. *Trudy po obshchemu iazykoznaniiu i russkomu iazyku [On Genral Linguistics and Russian Language]*, vol. 1. Moscow, pp. 88–102. (in Russian)
9. Sirotnina O. B. (2013) *Russkii iazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski [Russian Language: System, Usage and the Risks They Create]*. Saratov. (in Russian)
10. Krysin L. P., ed. (2010) *Sovremennyi russkii iazyk: Sistema — norma — uzus [Modern Russian Language: System — Norm — Usage]*. Moscow. (in Russian)

[хроника]

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ: КУЛЬТУРА МЫСЛИ И КУЛЬТУРА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

(Начало на с. 25. Продолжение на с. 52, 58, 72)

ученого, для снижения уровня агрессивности материалов современных СМИ требуется постоянная социально-речевая активность от всех субъектов речевой среды. Речевой и поведенческий этикет приобретает актуальность и видоизменяется при ведении диалога в научном сообществе.

Завкафедрой русского языка и литературы Санкт-Петербургского горного университета, профессор д. филол. н. Д. А. Щукина в подготовленном совместно с докторантом Университета г. Сан-Паулу (Бразилия) М. С. Глушковой докладе представила полемику в российском и бразильском научном дискурсе как диалог, отмеченный национальной спецификой, требующей учета для успешной коммуникации. Для определения России на протяжении нескольких десятилетий был актуален статус самой читающей страны в мире.

В настоящее время одной из задач филологов и педагогов становится возвращение молодежи к чтению. Чем может быть интересен современный рассказ? Ответ на этот вопрос прозвучал в докладе профессора Санкт-Петербургского государственного университета д. филол. н. К. А. Роговой. Анализ сборников писателей о Москве и Петербурге позволил докладчику выделить и раскрыть три типа рассказов, в которых отражается жизнь современного человека и которые именно этим интересны молодому думающему читателю. Проблематика пленарного заседания получила развитие в секционных заседаниях и на мастер-классах.

В секции «Современная языковая ситуация и вопросы культуры речи» обсуждались вопросы речевой практики, связанные с понятиями «культурная грамотность», «коллективная культурная память», «агно-

Л. В. Селезнева, О. И. Лыткина,
А. В. Люликова, И. А. Тортунова

КОНЦЕПТОСФЕРА МЕДИЦИНЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

(НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЦИНСКОГО,
РЕКЛАМНОГО, PR-ДИСКУРСОВ)

LARISA V. SELEZNEVA, OKSANA I. LYTKINA, ANNA V. LIULIKOVA, IRINA A. TORTUNOVA
THE MEDICAL SPHERE OF CONCEPTS IN RUSSIAN LANGUAGE WORLD-IMAGE:
AS EXEMPLIFIED IN MEDICAL, ADVERTISING, PR DISCOURSES

Лариса Васильевна Селезнева

Кандидат филологических наук, доцент
► loramuz@yandex.ru

Ирина Анатольевна Тортунова

Кандидат филологических наук, доцент
► tortunova@yandex.ru

Российский государственный
социальный университет

ул. В. Пика, дом 4, стр. 1
Москва, 129226, Россия

Оксана Ивановна Лыткина

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедры теории и методологии перевода
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Россия

► lytkinao@list.ru

Анна Викторовна Люликова

Кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской и украинской филологии с
методикой преподавания

Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, Гуманитарно-
педагогическая академия (филиал) в г. Ялте

Севастопольская, д. 2,
Ялта, Республика Крым, 298635, Россия

► Lulav06@mail.ru

Larisa V. Selezneva, Irina A. Tortunova

Russian State Social University
W. Pieck str., 4, p. 1, Moscow, 129226, Russia

Oksana I. Lytkina

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Anna V. Liulikova

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Academy
of the Humanities and Pedagogics (branch) in Yalta

Sevastopolskaya str., 2,
Yalta, Republic of Crimea, 298635, Russia

Статья посвящена исследованию концептосферы медицины в русской языковой картине мира. Авторы определили базовые концепты, представляющие сферу медицины в русской языковой картине мира. Были описаны способы языковой репрезентации концептов, сделаны выводы об особенностях функционирования концептов в медицинском, рекламном и PR-дискурсах.

Ключевые слова: концепт; медицина; дискурс; русская языковая картина мира.

The article is devoted to the study of the medical sphere of concepts in Russian language world-image. The authors define the basic Russian language concepts in the sphere of medicine and the methods of concepts' linguistic representations, describing their functions in medical, advertising and PR discourses.

Keywords: concept; medicine; discourse; Russian language world-image.

Концептосфера медицины представляет собой совокупность концептов — «многомерных смысловых образований, в которых выделяют ценностная, образная и понятийная стороны» [1: 91], отражающих представления о деятельности человека в сфере медицины, о результатах этой деятельности в виде квантов знания. Каждый концепт, будучи динамическим образованием, обладает комплексом характеристик, и различные характеристики становятся актуальными в разных дискурсивных практиках и в разное время. Если исходить из утвердившегося в науке понимания связи концепта с конкретными ситуациями и что «эти ситуации подводятся под сценарий, именуемый соответствующим концептом» [Там же: 113], то можно проследить, как сценарии, связанные с одним и тем же концептом, разворачиваются в разных дискурсах и как они моделируют знания о типичных ситуациях. В этой связи представляется интересным анализ базовых концептов и фреймов в медицинском, рекламном и PR-дискурсе. В качестве материала исследования были использованы PR-тексты фармацевтической компании ОАО «Эвалар», размещенные на интернет-сайте, материалы телевизионной рекламы, транслируемой каналами российского телевидения, радиорекламы, а также тексты печатной рекламы, представленные печатной рекламной продукцией лекарственных препаратов.

Для установления базовых концептов, образующих концептосферу медицины на данный момент, были привлечены материалы ассоциативных экспериментов [3; 4].

Анализ самых частотных реакций на лексему «медицина» показал, что лексемами, служащими именами для базовых концептов, являются: *врач, здоровье, наука, болезнь, лечение, лекарство*. Полученные результаты подтверждаются анализом обратного словника ассоциативных словарей, построенного по принципу «от реакции — к стимулу». Лексема *медицина* в качестве реакции была зафиксирована на такие слова-стимулы, как *здоровье, наука, препарат, доктор* [Там же].

Концепт «Врач» в медицинском дискурсе

Концептосфера медицины является продуктом важных социальных знаний в русскоязычной культуре, поэтому очевидно, что представление пациента о том, каким должен быть врач и как он должен себя вести во время общения, базируются на архетипичном представлении об этой социально важной специальности, собственно эти представления и формируют концепт «Врач». Сложившийся в сознании пациента «сценарий» и образ доктора базируется на культурно-социальных прецедентах, связанных с врачебной деятельностью, например, клятве Гиппократов (один из древнейших ритуально-профессиональных текстов), белом халате (не только практичная одежда, но и символ чистоты помыслов и действий врача), образе «добротого доктора», который складывается в сознании пациента с детства, чему способствует словесное искусство, в том числе литература и кинематограф.

Необходимость соблюдения врачом высочайших этических и моральных норм настолько укрепилась в сознании пациента, что он подсознательно ожидает от врача вежливости, сострадательного и внимательного отношения, желания ответить на необходимые вопросы в доступной и понятной адресату форме. Смысловые рамки общения между пациентом и врачом, возможные сценарии связаны с неравенством их коммуникативных позиций, с речевым лидерством врача.

Речевые традиции общения между врачом и пациентом нашли выражение в языковых формулах, словесно оформляющих концепт «Врач». Их нарушение часто приводит к разрушению устойчивой картины мира, которое непосредственно отражается на коммуникации между

врачом и пациентом и приводит к коммуникативным ошибкам, которые, в свою очередь, формируют новые сценарии общения. Нами были опрошены 20 врачей — сотрудников ФГБУ «ГНЦ лазерной медицины им. О. К. Скобелкина ФМБА России» с целью установления наиболее частотных речевых конструкций, используемых в общении с пациентами. Результат опроса продемонстрировал, что типичными речевыми формулами в ситуации «врач-пациент» являются модальные конструкции:

Вам следует/необходимо/нужно; Вы должны; Уверен, что не нужно/не следует; Учитывая мои обязательства перед вами, я должен;

и волюнтаривные конструкции:

Лучше сделать это немедленно/безотлагательно; Пойдите купите; Нельзя откладывать начало процедуры.

Обычно врач использует следующие речевые тактики:

- тактику убеждения: *Давайте начнем лечение безотлагательно; Все же не нужно менять схему лечения;*
- тактику аргументации: *Если мы не начнем лечение сейчас, то; При изменении схемы лечения возможны изменения, возможны следующие последствия;*
- тактику умолчания: *Не будем делать необоснованных выводов, Необходимо продолжать наблюдение;*
- тактику поощрения: *Ваши усилия оказались не напрасными, Вы молодец, что выполняли все врачебные рекомендации;*
- тактику порицания: *Что хорошего в том, что вы не выполняли врачебных рекомендаций?, Об этом мы уже много раз говорили.*

Тактики поощрения и порицания проявляются во врачебном дискурсе и в более эмоциональных высказываниях, стоящих на грани делового и разговорного, неформального стилей. Например:

Ну сколько можно говорить...; Я говорил уже сто раз...; Какой вы молодец!; Вот это да... и т. д.

Показательно, что 98% опрошенных дали идентичные ответы об используемых речевых конструкциях, что позволило сделать вывод о типичном речевом оформлении концепта «Врач» в современном русскоязычном лингвокультурном пространстве. Врач занимает позицию коммуникативного лидера, направляет беседу в нужное русло, корректирует ее ход.

Концепты «Здоровье», «Болезнь», «Лекарство» в медицинском и PR-дискурсах

Концепты «Здоровье» и «Болезнь» представляют собой дуальный тип концептов, когда наличие одного концепта служит обязательным условием существования другого [5: 68]. Связующим звеном в отношениях между концептами «Болезнь» и «Здоровье» выступает концепт «Лекарство», поскольку лекарство помогает человеку избавиться от болезни или не допустить ее. Так концепты, формируя вокруг себя кванты знаний, выстраиваются по определенной модели или сценарию. Разные сценарии моделируют знания о разных типичных ситуациях и позволяют правильно интерпретировать содержание текста [2]. Например, сценарий развертывания концепта «Болезнь» содержит следующие слоты: *заболевание — выявление симптомов — определение диагноза — лечение — уход за больным — выздоровление* [6: 132]. В соответствии с этим представлением разворачиваются сценарии вокруг данного концепта в PR-дискурсе фармацевтических компаний, основной интенцией которого является установление консенсуса с аудиторией с целью привлечения внимания к продукции компании. Приведем в качестве примера тексты о лекарствах, изготавливаемых ОАО «Эвалар» (<https://shop.evalar.ru/catalog/purpose/>):

Атероклефит. Холестерин может быть в норме с Атероклефитом! Натуральное лекарственное средство Атероклефит — пусть сосуды будут чистыми, а сердце здоровым!

Овесол. Способствует бережному очищению печени. Только в нем овес молочной спелости усилен травами и куркумой.

Эндокринол Йод. Натуральный йод и лапчатка белая — два действия сразу: восполнение дефицита йода и сохранение гормонального баланса щитовидной железы.

Тексты составлены по одному сценарию, который автоматически экстраполирует готовые смысловые блоки на узнаваемую ситуацию: *болезнь — лекарство — здоровье*. Манипулятивная стратегия заключается во введении новых слотов, позволяющих креатору убедить реципиента в возможности быть самому себе доктором. К таким слотам относится «место возможного проявления болезни в организме», в котором использу-

ются наименования органов человека. Реципиент экстраполирует данный слот на себя и формирует ложную логическую цепочку:

У меня есть этот орган (печень, желудок, горло и т. п.), значит есть (возможна) болезнь, значит ее надо лечить (предотвратить).

Помимо этого креатор актуализирует только одно свойство концепта «лекарство» — его натуральный состав: *натуральное лекарственное средство, натуральный йод и лапчатка*. На первый план выходит ценностная сторона концепта, которая формирует отношение к любому лекарству как необходимому компоненту для здоровья.

Другой сценарий разворачивается в медицинском дискурсе, проявляющемся в таком типичном жанре, как инструкции по применению лекарств. Сценарий данного представления разворачивается на основе устойчивой модели текста, включающей следующие смысловые блоки:

торговое наименование — лекарственная форма — состав — описание — фармакотерапевтическая группа — фармакологические свойства (фармакодинамика, фармакокинетика) — показания к применению — противопоказания — способ применения и дозы — побочные действия — передозировка — взаимодействие с другими препаратами — особые указания — форма выпуска — условия отпуска из аптек — владелец регистрационного удостоверения — производитель — условия хранения.

На первый план в этом сценарии выходит понятийная сторона концепта, которая включает подробное описание, дефиниции и структуру концепта. Например:

Атероклефит® представляет собой жидкий экстракт из травы клевера красного, полученный путем двойной экстракции сырья 40% этанолом.<...> Механизм действия жидкого экстракта травы клевера красного связан с перераспределением холестерина из ЛПНП в ЛПВП, в составе которых холестерин быстрее метаболизируется и выводится из организма. Жидкий экстракт травы клевера красного также способствует снижению интенсивности перекисного окисления липидов; в результате чего уменьшается перекисная модификация липопротеидов и нормализуется проницаемость сосудистой стенки (<https://health.yandex.ru/pills/ateroklefit-37899>).

В данном случае сценарий строится на подробном перечислении характеристик, действий и противодействий, последствий приема лекарства, побочных действий. В отличие от текстов компа-

нии ОАО «Эвалар» в данном тексте используются информационные стратегии, главной интенцией которых является передача информации о лекарстве. В стилистическом плане текст сложный для неспециалиста, однако его восприятие обусловлено «жанровыми ожиданиями реципиента» [9].

Концепт «Лекарство» в рекламном дискурсе

В рекламных текстах, основной целью которых является воздействие на адресата, предпочтительной риторической формой для достижения перлокутивного эффекта в процессе речевой репрезентации концепта «Лекарство» является императив, который регламентирует выбор реципиента:

Примите Лазолван. Проводите время с семьей, а не с кашлем; Лазолван Рино. Дышите свободно; Касикам. Задай боли перца.

Синтагматическая организация рекламного текста, включающая номинативную часть и императив, выполняет коммуникативно-прагматическую функцию. Императивные по форме рекламные слоганы ориентируют реципиента действовать в соответствии с рекламным сюжетом. Синтагматика рекламного текста усиливает его прагматический потенциал, актуализируя мысль об эффективности фармацевтического средства. Причем эффективность лекарства как семантическая доминанта выражена не традиционным для медицинского дискурса научным нарративом, а посредством визуального ряда — моделирования бытовых сцен с большей для зрительской аудитории социальной значимостью — сцены занятия спортом, подвижных игр для всей семьи или активного семейного отдыха.

Аттрактивно-эмотивное воздействие происходит в результате обращения к сфере бессознательного. Однако манипулятивный потенциал рекламного текста во многом зависит от ассоциативных значений, которые способны реконструировать сознание реципиента. Восприятие информации и принятие реципиентом рекламного образа как форма ответной реакции будет происходить только в том случае, если медиа образ «соответствует уже сформированным предпочтениям» [7: 157]. Поэтому выбор способа речевого воздействия на адресата определяется коммуни-

кативной установкой, заданной рекламным текстом и реализуемой рекламным дискурсом.

Как правило, смыслы, транслируемые рекламным сюжетом, соотносятся в сознании реципиента с традиционными представлениями о здоровье и семье. Рекламный сценарий инициирует активную позицию реципиента: его действия, организованные в соответствии с рекламным сценарием, призваны иметь непреременный успех — предусмотренный и гарантированный сюжетом о лекарственном средстве.

Альтернативной формой социально-бытового сценария является сюжет, имитирующий научное объяснение действию предлагаемого фармацевтического препарата. Принцип научного изложения использован в следующих примерах:

Натуральный состав Синуфорте при попадании на слизистую оболочку вызывает интенсивное рефлекторное очищение пазух носа, помогает восстановить носовое дыхание. Синуфорте — сокрушительное средство против гайморита.

Полиоксидоний. Выводит токсины, заряжает антиоксидантами и активизирует иммунитет. Это и есть полиэффект от простуды и гриппа.

Употребление терминологической лексики *рефлекторное очищение, носовое дыхание, токсины, антиоксиданты* и др. обусловлено коммуникативно-прагматической заданностью рекламного текста, формирующего установку реципиента на получение гарантированного эффекта.

В рамках рекламного дискурса наблюдается нивелирование смысловой нагрузки данных терминов, что объясняется узкоспециальной сферой их употребления и усилением их аксиологического значения за счет ассоциативного соотнесения данных терминов с областью медицинского знания. Включение терминов в текст рекламного сценария обеспечивает эффективный образ фармацевтическому препарату и формирует фреймовую структуру концепта «Лекарство» как эффективного средства и действенного метода лечения.

Привлекательность концепта «Лекарство» формируется за счет аттрактивно-эмотивной лексики:

- *свободно* (Лазолван Рино. Дышите свободно);
- *забота* (Виброцил. Бережная забота о дыхании с маслом лаванды; Фосфоглив. Забота о печени с удвоенной силой);

- *боль* (Изжога, боль и отравление. Фосфалюгель — одно решение!);
- *быстро* (Фастум гель. Быстро побеждает воспаление и боль!).

Для «узнаваемости» рекламируемого товара используется прием демонстрации «привлекательных» образов [8: 10] героев, которые после принятия лекарственного средства выглядят здоровыми, веселыми, спокойными, уравновешенными, полными сил и энергии (*Афобазол, Ибуклин, Компливит, Септолете тотал*).

Привлекает внимание не только внешний вид героев, но и быстрая смена образов: от больного к здоровому, что, с одной стороны, функционально обусловлено прагматикой рекламного текста, заставляющего адресата задуматься об эффективности рекламируемого лекарственного средства, а с другой — объективирует одну из основных смысловых доминант концепта «Лекарство» — категорию времени. Категория времени, реализуемая в высказываниях о необходимости не откладывать лечение, в рекламном дискурсе может быть интерпретирована как показатель эффективности лекарства. Так, например, данная категория реализуется в рекламных слоганах, актуализирующих мысль о быстротечности времени:

Кальций-Д₃ Никомед. Не упустить момент. Накопить прочность; Кардиомагнил. Дарит Вам время; Не откладывайте лечение. Релиф. Способствует мягкому устранению большинства симптомов болезни и возвращению к нормальной жизни,

а также о пользе быстро принятых решений:

Фастум гель. Быстро побеждает воспаление и боль! Кагоцел. Работает даже при запоздалом лечении.

Итак, анализ рекламных, PR-текстов и текстов, относящихся к медицинскому дискурсу, показал, что концепты «Врач», «Здоровье», «Болезнь», «Лекарство», представляющие концептосферу медицины в русской языковой картине мира, выполняют разные функции в зависимости от дискурса, в котором они разворачиваются. Если для медицинского дискурса эти концепты являются ключевыми, так как связаны с основной ценностью этого дискурса — здоровьем, то в рекламном и PR-дискурсах они должны формировать установку реципиента на получение

гарантированного эффекта от продаваемых препаратов. Концепты выражены в текстах при помощи разных сценариев, которые моделируют типичные ситуации в той или иной сфере и актуализируют разные характеристики, которыми обладают концепты. Это позволяет нам утверждать, что именно фреймы и сценарии являются системообразующими дискурсивными элементами, и метод фреймового моделирования дает возможность определить механизм формирования концепта в разных сферах коммуникации и раскрыть онтологическую специфику концепта вне профессиональной среды формирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
2. Лыткина О. И., Селезнева Л. В. Исследование дискурса в рамках сдвига научной парадигмы: фрейм и концепт // Уч. зап. Российского гос. соц. ун-та. 2011. № 3. С. 206–213.
3. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. URL: <http://thesaurus.ru>.
4. СИБАС — Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2018) / Авт.-сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко). URL: <http://adictru.nsu.ru>
5. Туленинова Л. В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
6. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М., 2006.
7. Beasley R., Danesi M. Persuasive Signs: The Semiotics of Advertising. Berlin; New York, 2002.
8. Goddard A. The Language of Advertising. 2nd ed. London; New York, 2002.
9. Kasperova L. T., Klushina N. I., Selezneva L. V. et al. The Impact of the Internet on Genre and Stylistic Features of Media Texts // Global Media Journal. 2016. № S3. P. 7.

REFERENCES

1. Karasik V. I. (2002) *Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concept, discuss]*. Volgograd. (in Russian)
2. Lytkina O. I., Selezneva L. V. (2011) *Issledovanie diskursa v ramkakh sdviga nauchnoi paradigmy: freim i kontsept [Research of discourse within the scientific paradigm shift: frame and concept]. Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [Scientific notes of the Russian State Social University]*, no. 3, pp. 206–213. (in Russian)
3. Karaulov Ju. N., Cherkasova G. A., Ufimtseva N. V. et al. *Russkii assotsiativnyi slovar' [Russian associative dictionary]*, in 2 vols. Available at: <http://thesaurus.ru>. (accessed 7.03.2018) (in Russian)
4. Shaposhnikova I. V., Romanenko A. A., comp. *SIBAS — Russkaia regional'naiia assotsiativnaia baza dannykh (2008–2018) [Russian regional associative database (2008–2018)]* Available at: <http://adictru.nsu.ru> (accessed 7.03.2018) (in Russian)
5. Tulenina L. V. (2008) *Kontsepty "zdorove" i "bolezni" v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh [The concepts of "health" and "disease" in English and Russian linguistic cultures]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), Volgograd State Pedagogical University, Volgograd. (in Russian)
6. Chudinov A. P. (2006) *Politicheskaiia lingvistika [Political linguistics]*. Moscow. (in Russian)
7. Beasley R., Danesi M. (2002) *Persuasive Signs: The Semiotics of Advertising*. Berlin; New York. (in English)
8. Goddard A. (2002) *The Language of Advertising*. 2nd ed. London; New York. (in English)
9. Kasperova L. T., Klushina N. I., Selezneva L. V. et al. (2016) *The Impact of the Internet on Genre and Stylistic Features of Media Texts. Global Media Journal*, no. S3, p. 7. (in English)

Гао Тянь, Д. Б. Гудков

КОНЦЕПТЫ «РОДИНА» И «ДОМ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ПАТРИОТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

GAO TIAN, DMITRI B. GUDKOV
CONCEPTS 'MOTHERLAND' AND 'HOME' IN RUSSIAN AND CHINESE PATRIOTIC DISCOURSE

В данной статье рассматриваются концепты «родина» и «дом» в русской и китайской лингвокультурах, те метафорические модели, в которые оказываются включены указанные концепты. В ходе исследования использовались такие методы исследования, как семантический, концептуальный и сопоставительный анализ. Материалом для исследования послужили электронные версии российских и китайских газет, а также художественных текстов.

Ключевые слова: концепт; лингвокультура; патриотизм; политический дискурс; метафора; семантический; концептуальный и сопоставительный анализ.

The authors analyze the concepts 'Motherland' and 'Home' in Russian and Chinese linguocultures, including their application to metaphorical models, by using the methods of semantic, conceptual and comparative analysis. Electronic versions of Russian and Chinese newspapers and fiction books were chosen as material for this study.

Keywords: concept; linguoculture; patriotism; political discourse; metaphor; semantic; conceptual and comparative analysis.

Гао Тянь

Аспирант филологического факультета
► larrygaugh2014@gmail.com

Дмитрий Борисович Гудков

Доктор филологических наук,
профессор филологического факультета
► Dmi-gudkov@rambler.ru

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Россия

Gao Tian, Dmitri B. Gudkov

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia

Политический дискурс оперирует различными концептами, где концепт *патриотизм* является одним из центральных, так как представляет собой сложное явление общественного сознания. Оно проявляется в виде социальных чувств, нравственных и политических принципов. Составляющими патриотизма являются преданность и любовь к Родине, гордость за ее прошлое и настоящее, готовность служить ее интересам и защищать от врагов. Соответственно концепт «патриотизм» тесно связан с другими концептами, в частности «родина» и «дом».

В настоящей статье концепты «родина» и «дом» рассматриваются в семантическом, концептуальном и сопоставительном аспектах с целью выявления особенностей их общечеловеческой ценности в русской и китайской лингвокультурах. Одновременно описывается употребление метафор ДОМА/СЕМЬИ как способа выражения своего чувства и отношения к Родине в политическом дискурсе¹.

Как один из ключевых концептов концепт «родина» существует в любой этнической культуре и является общечеловеческим. В связи с этим для выявления сходства и различия в русской и китайской лингвокультурах обратимся к изучению лексико-семантической характеристики лексем «родина» и «祖国 (цзу го)» в русском и китайском языках.

Соответственно в рамках лексикографического аспекта отметим, что в различных словарях русского языка есть собственное толкование лексемы «родина», а именно:

- Родина — «отечество», тогда как укр. *родина* — «семья», блр. *rodzina* — то же, болг. *родина* — «родина, место рождения», сербохорв. *родина* — «обилие плодов», словц. *rodina* — то же, чеш., словц. *rodina* — «семья», польск. *rodzina* — то же. || Произведено от *род* (см.). [Согласно Соболевой (УЗ ЛГПИ, 173, 1958, стр. 134), знач. «родная страна» встречается впервые у Державина. — Т.] [6: 491].
- Родина — 1. Отечество, родная страна. *Защита Р.* 2. Место рождения, происхождения кого-н.; место возникновения чего-н. *Приехать на р.* [4: 549].
- Родина — 1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество. *Наша р. Россия. Р. Пушкина, Толстого. Любовь к родине.* | О месте, где человек родился, где живут его родные и близкие. *Малая р. Поехать к себе на р. в Красноярский край.* 2. Место происхождения кого-л., возникновения чего-л. *Индия — р. Шахмат. СССР — р. космонавтики* [3: 1125].

В отличие от лексемы «родина» ее эквивалент в китайском языке «祖国 (цзу го)» состоит из двух морфем: «祖 (цзу)» и «国 (го)», которые в то же время представляют собой отдельные одноморфемные слова [9: 7]. Поэтому обратимся к их исследованию в лексикографическом и семантическом аспектах.

- 祖 — 篆文从示, 且声, 形声字。【本】祖庙, 奉祀祖先的宗庙。【引】父母亲的上一辈: ~父/~母。②祖先: 远~/高~/曾~。③开国君主, 某种事业和派别的创始人: 高~/鼻~/~祖师爷。④世代: ~辈辈。【资】《说文》: “始庙也。”按: 始祖曰祖, 余祖曰宗; 又, 有功曰祖, 有德曰宗, 对字: 孙。/ букв. перевод: Цзу — по письменности в стиле чжуань² иероглиф с ключом示 (в форме 礻), и со звуком 且 (це), а также иероглиф фонетической категории. [Основное значение] Храм предков, в котором проведено жертвоприношение предкам. [Переносное значение] Предыдущее поколение родителей: цзу фу (дедушка); цзу му (бабушка). 2. Предки: юань цзу (прашур); гао цзу (прапрадед); цзэн цзу (прадед). 3. Монарх-основатель государства, созда-

тель какого-либо дела и направления: гао цзу (родоначальник); би цзу (основоположник); цзу ши е (учредитель). 4. Поколение: цзу цзу бэй бэй (разные поколения). [Толкование в материале] «Шовэнь цзецзы» («Происхождение китайских иероглифов»): храм предков. Источник: основатель рода называется цзу, а следующие предки — цзун; к тому же, заслуженный предок — цзу, а добропорядочный предок — цзун. Антоним: сунь (внук) [12: 36].

- 国 — 甲文从口从戈会意, 口表示疆域, 戈表示守卫, 戈亦声。简化为国。按: 古國、或、域同义。【本】城邦, 都邑, 专指国家或代表国家的: ~内/保家卫~/~旗/~货/~产。【引】①特指我国: ~画。②全国最突出的: ~手/~色/~脚。【资】《说文》: “邦也。”对字: 家。按: 小曰邦, 大曰国, 或曰: 大曰邦, 小曰国。букв. перевод: Го — по письменности в стиле цзягувэнь³ иероглиф с ключом 口 (в форме 口), и с идеограммой 戈 (в значении 戈). В том числе, 口 (вэй) означает территорию или границы, и 戈 (гэ) означает охрану. И также иероглиф со звуком 戈 (гэ). Упрощен до 国. Источник: в древности иероглифы 國 (го), 或 (хо) и 域 (юй) имели общее значение. [Основное значение] полис и столица, которые означают государство или представляют государство: го нэй (в государстве); бао цзя вэй го (защищать домашние очаги и свою родину); го (государственный флаг); отечественные товары; отечественный. [Переносное значение] 1) специально означает нашу страну (Китай): го хуа (китайская национальная живопись); 2) наиболее заметные в государстве: национальный чемпион; национальная королева красоты; игрок национальной футбольной команды. [Толкование в материале] «Шовэнь цзецзы» («Происхождение китайских иероглифов»): бан (город-государство/государство). Антоним: цзя (дом/семья). Источник: малый называется бан, а большой — го. Или: большой — бан, а малый — го [Там же: 21].

Отсюда следует, что «祖国 (цзу го)» рассматривается как страна/государство, где проживали предки определенной группы людей и последующие поколения. В качестве эквивалента лексемы «родина», «祖国 (цзу го)» также может толковаться в словарях китайского языка следующим образом:

- 祖国 — 自己的国家。/ букв. перевод: Цзу го (Родина) — своя страна [11: 1739].

- 祖国 — 1. 祖先以来所居之地。魏源《圣武纪》卷六：“巴社者，回回祖国。” 2. 国籍所属的国家。如：保卫祖国。梁启超《敬告我国国民》：“苟其政治思想稍发达者，安在不可以成一巩固秩序之团体，为祖国模范。”/ букв. перевод: Цзуго (Родина) — 1. Место проживания людей с времен их предков. Вэй Юань в своей работе «Шэн у цзи. Т. 6» («Записки о войнах совершенномудрых императоров. Т. 6») написал: «Башэ — это *родина* хуэя (национальности в Китае)». 2. Страна, гражданином которой является человек. Например: защищать *родину*. В «Письме к нашему народу» Лян Цичао так отметил: «Если у кого-либо была хоть немного развитая политическая идеология, почему не создал группу с устойчивым порядком как образец для *родины*» [13: 3084].

Анализируя вышеизложенные словарные дефиниции, можно сделать вывод, что в семантической структуре лексем «родина» и «祖国 (цзу го)» выделяются следующие компоненты. 1. Родина — родная страна. 2. Родина — край отцов, т. е. место, где человек родился, где живут его родные и близкие. 3. Родина — место возникновения чего-либо (только лексема «родина» имеет данное значение). 4. Родина — страна, в которой человек родился и гражданином которой он является. Эти семемы характеризуют концепт «родина» в сознании носителей русской и китайской лингвокультуры.

Теперь обратимся к изучению лексемы «дом» и ее аналога в китайском языке. Дом — это не только важнейший культурный концепт в человеческом сознании, но и традиционный источник метафорической экспансии для любой национальной культуры. Идея ДОМА, жилища часто оказывается метафорически связана с понятием СЕМЬИ, что показывает их личностную направленность и цель вызвать любовь к своей стране, к своей родине, возбудить патриотические чувства. Поэтому метафорическое представление общественных явлений и процессов как дома является одной из самых заметных особенностей патриотической и политической речи. Затем хотелось бы рассматривать лексико-семантическую характеристику лексем «дом» и «家 (цзя)» в русском и китайском языках. С этой целью прежде

всего обратимся к исследованию их в лексикографическом аспекте.

В различных словарях русского языка лексема «дом» толкуется по-разному:

- Дом — род. п. дóма, домови́тый, укр. дiм, дом, род. п. дóму, ст.-слав. домъ о́ikos, oikía (Супр.), болг. домът, сербохорв. дѠм, род. п. дѠма, словен. dŏm, чеш. dŏm, род. п. domu, словц. dom, польск., в-луж., н-луж. dom. Стар. основа на -u (Гуйер, DekL 141), родственная др.-инд. dámas «дом», dāmūnas «домашний, связанный с домом», авест. dam- м. «дом, жилье», греч. δῶμος, δομή «строение», лат. domus; другая ступень чередования: греч. δῶμα, род. п. δῶματος ср. р. «дом», δάμαρ, род. п. δάμαρτος «хозяйка, супруга», др.-исл. timbr «строительный лес», греч. βάλεδον «почва», др.-исл. topt, шв. tomt, прарерм. *tumfetiz «место строительства», лит. dīmstis ж. «поместье, имение», а также греч. δέω «строю», гот. timrjan «строить, воздвигать»; см. И. Шмидт, Pluralb. 221; Уленбек, Aind. Wb. 121; Бернекер 1, 210 и сл.; Вальде-Гофм. 1, 369; Траутман, BSW 44. Лит. pāmas «дом», лтш. pams «вид кухни» связано скорее с греч. φορός «выгон, пастбище, жилье», véω «владею, обитаю, пасу», чем с дом и родственными; см. Траутман, там же; М. — Э. 2, 692 и сл. [см. еще: Бенвенист, BSL, 51, 1955, стр. 15 и сл. — Т.] [5: 526].
- Дом — 1. Жилое (или для учреждения) здание, а также (собира.) люди, живущие в нем. *Каменные дома. Дойти до дома.* 2. Квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство. *На дому (у себя дома). Принять в д. кого-н. Мы знакомы домами (бываем друг у друга).* 3. *чего или какой.* Учреждение, заведение, обслуживающее какие-н. общественные нужды. *Д. культуры. Детский д.* 4. Династия, род (устар.). *Д. Романовых* [4: 151].
- Дом — 1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. *Кооперативный д. Каменный д. Жилой д.* 2. Жилое помещение, квартира; *жилье. Работать на дому.* || Разг. Жильцы одного дома, строения. *Дружный д. Разбудить весь д.* | О помещении, служащем временным жильем на время выполнения человеком какой-л. работы. *Санный д. (=бапок) | только ед.* О месте, где живут люди, объединенные общими условиями существования, общими интересами и т. п. *Робина — наш общий д. Общеввропейский*

д. | О месте жительства, работы и т. п., ставшем для человека родным, своим. *Родной д. Корабль для моряка — второй д.* 3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством. *Принять кого-л. в свой д. Быть знакомым домами (семьями).* || Хозяйство отдельной семьи. *Хлопотать по дому. У матери на руках весь д.* 4. Царствующий род, династия. *Трехсотлетие дома Романовых.* || Устар. Род, фамилия; поколение. *Породнился с богатым домом.* 5. В составе названий различных учреждений, заведений. *Д. отдыха. Д.-музей. Д. быта* [3: 272].

Лексема «家 (цзя)», как аналог лексемы «дом» в китайском языке, имеет следующие дефиниции в различных словарях:

- 家 — 1. 家庭; 人家: 他家有五口人。2. 家庭的住所: 回家 | 我的家在上海。3. 借指工作的处所: 我找到营部, 刚好营长不在。букв. перевод: Цзя — 1. Семья; дом: *Его семья состоит из пяти человек.* 2. Жилище, квартира семьи: *Возвращаться домой | Мой дом находится в Шанхае.* 3. Место, помещение для работы: Я нашел командный пункт батальона, где командира как раз не было [11: 620].
- 家 — 1. 家庭, 人家: 勤俭持家。2. 家庭的住所: 回家。букв. перевод: Цзя — 1. Семья, дом: *Рачительно вести домашнее хозяйство.* 2. Жилище, квартира семьи: *Возвращаться домой* [10: 215].
- 家 — 家庭; 家乡。贺知章《回乡偶书》: “少小离家老大回”。букв. перевод: Цзя — Семья; родина, родной край. Например, в стихотворении «Спонтанные записи о возвращении в родной край» поэта Хэ Чжичжана: «Малым покинул отчий кров, старым вернулся домой» [13: 1047].
- 家 — 甲、篆文从宀, 从豕[sh ĭ], 会意字。分户养猪, 是古代社会中家庭出现的标志。【本】住所, 家庭: 大户人~/成~立业/回~/~在外地。букв. перевод: Цзя — по письменности в стиле цзягувэнь и чжуань иероглиф с ключом 宀, и с идеограммой 豕 (в значении 豕). Разведение свиней в каждом доме — это знак возникновения семей в древнем обществе. [Основное значение] Жилище, семья (дом): да ху жэнь цзя (богатая семья); чэн цзя ли е (создать семью и основать дело); хуэй цзя (вернуться домой); цзя цзай вай ди (дом находится на чужой земле) [12: 254].

Отсюда можно заключить, что в содержательную структуру концепта «дом/家 (цзя)» вклю-

чены следующие компоненты: 1. Жилое помещение, квартира, жилище. 2. Семья. 3. Строение, здание для жилья, для работы, и для различных учреждений и предприятий. 4. Царствующий род, династия (существует только в концепте «дом»). 5. Родина, родные края (существует только в концепте «家(цзя)»).

Из вышесказанного следует, что образ ДОМА связан с метафорой СЕМЬИ, что показывает структуру государства, раскрывает связь своей страны и собственной семьи, и таким образом вызывает любовь к своей стране и своей родине, возбуждает патриотические чувства. Соответственно в метафорическом представлении общественных явлений и процессов данный концепт порождается и воспринимается как один из самых специфических образов для патриотического и политического дискурса. В связи с этим в настоящей статье исследуется метафорическая модель «Родина — дом» как вербализатор концепта «родина», а также рассматривается концепт «дом» как коррелят концепта «родина» в патриотическом дискурсе. Например:

1. Дедушка пренебрежительно оборвал его: — Летает бродяга по свету, и нет ему ни угла, ни привету. Шатуший бездельник! — А мне, дорогой родитель, **вся Россия — дом**. Рабочему человеку все дороги открыты, и друзей у него везде много. А тянуть лямку, как ваш Серега Каляганов, — благодарим покорно... Она вон дотянула его от сумы до тюрьмы... (*Гладков Ф. В. Повесть о детстве. М., 1948. — НКРЯ⁴*).

2. «Я не позволял себе в России и тем более не позволял себе здесь использовать меня в той или иной политической игре... Твой дом остается родным, независимо от того, каким образом ты его покидаешь... Как бы ты в нем — хорошо или плохо — ни жил. И я совершенно не понимаю, почему от меня ждут, а иные даже требуют, чтобы я мазал его ворота дегтем. **Россия — это мой дом**, я прожил в нем всю свою жизнь, и всем, что имею за душой, я обязан ей и ее народу» (*Бродский И. Писатель — одинокий путешественник. // The New York Times, 1 октября, 1972. URL.: http://arguendi.livejournal.com/1682218.html*).

3. ...мероприятия по борьбе с наркоманией «ТВ и СМИ против наркотиков», выставки

«Всемирный день доброты», фестиваль бардовской песни, выставка народных художественных промыслов «Береста: традиции и современность», конкурс патриотической песни «Россия наш дом», Караван мира Северного Кавказа по маршруту Махачкала Назрань Владикавказ — Нальчик Пятигорск Ставрополь Черкесск — Майкоп Краснодар Ростов-на-Дону, благотворительная акция «Новогодний подарок сироте» и т. д. (Возвысить человека! // Жизнь национальностей, 29 сентября, 2000. — НКРЯ).

4. (Название статьи) «Россия — это Дом, который построил Владимир Путин, и он никогда его не покинет»: «Однажды Путин назвал себя главным националистом России. Он также провозгласил патриотизм национальной идеей России. В его списке ценностей российское государство занимает одну из верхних строчек» // Тренин Дмитрий. Россия — это дом... // Иносми, 27 марта, 2017. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170327/238966802.html>].

5. 中国美学的“家—国”概念

家国意识, 更能体现中华民族的文化传统。在中华民族, 家意识与国意识是相连的。家国意识的核心强调的是血缘关系: 家是血缘关系组成的, 国本质上也是血缘关系组成的。

中华民族的家国一体意识形成, 可以追溯到新石器时代的仰韶文化。……黄帝既是国君又是祖先, 从祖和从君是统一的, 家和国是统一的。……先秦儒家首先是伦理学家, 他们建立的家庭伦理是国家伦理的基础, 然后家庭伦理扩大为国家伦理。

……崇高的敬畏意义, 后来由家庭、祖先向外扩展, 大概向三个方面: 一是向国家扩展, 二是向国君扩展, 三是向国土扩展, 也即国家、国君、国土。这正好说明了中华民族家和国概念的一体性, 国家、国君、国土叠在一起, 合成一个概念: 家园。……换句话说, 在审美实践上是家国一体的……

Букв. перевод:

Концепция «семья — страна» в китайской эстетике

В сознании родины (семьи и страны)⁵ отражены культурные традиции китайской нации. В китайской нации сознание семьи связано с сознанием страны. Сознание родины (семьи и страны) делает акцент на кровных связях: семья состоит из кровных связей, и страна по сути состоит из кровных связей.

Формирование сознания единства семьи и страны китайской нации можно проследить до культуры Яншао в неолитическую эпоху. ...Хуан-ди — это и государь и предок, поэтому предки и государь едины, семья и страна едины.

...Конфуцианцы в доциньскую эпоху, в первую очередь, являются специалистами по этике, и семейная этика, которую они создали, представляет собой основу национальной этики и потом распространена на национальную этику.

...Высокая честь от семьи и предков распространяется вовне, приблизительно в трех направлениях: во-первых, экспансия на государство, во-вторых, экспансия на монарха, в-третьих, распространение на землю, т. е. проявляется в государстве, монархе и земле. Это отлично объяснило единство концепций семьи и страны китайской нации. Государство, монарх и земля объединяются вместе в одно понятие: родина. ... Другими словами, в эстетической практике семья и страна едины... [«Гуанмин Жибао» (Guangming Daily), 2016.12.23. URL: http://topics.gmw.cn/2016-12/23/content_23327762.htm]

Из вышеприведенных примеров видно единство концептов «родина», «дом» с концептом «семья», что подтверждает выводы исследования Ян Фана «Концепт СЕМЬЯ в русской и китайской языковых картинах мира». Здесь, анализируя поля абстрактных понятий (в частности, происхождение слов «родина», «отечество»), автор указывает на сходство китайской и русской языковой традиции, где концепты «семья» и «родина» тождественны и означают единство [8: 254].

Пожалуй, существенное и важное различие в восприятии концептов «родина» и «дом» в российском и китайском политическом дискурсе связано с тем, что их метафоричность воспринимается по-разному в силу различий в самих культурных кодах Китая и России. Так, например, «родина» в российской традиции наделена сакральностью, Родина — божественное место, мать всего сущего, отсюда — Родина-мать, святая земля и т. д.). Святость связана с христианской традицией Богоматери. Можно в данной связи согласиться с выводами Е. А. Кострубиной, которая исследовала типы концептов в гиперконцепте СЕМЬЯ-ДОМ (на основе анализе русского и английского языков) и отметила, что концепт «мать» содержит в себе «символику жизни, святости, вечности, тепла и любви» [2: 55].

Об этом, в частности, также свидетельствуют данные ассоциативного исследования российских ученых:

- Родина — **мать 162; Россия 97; моя 47; дом 25; страна 24; отчизна 10; земля 9; город 8; отечество, патриотизм 6;**
- Дом — **родной 61; семья 43;** Родина 5; *дом, жилище, родина 4; защита, кирпич, любовь, надежность, отдых* [7: 59].

Не случайно поэтому эта сакральность проявляется как нечто очевидное для русского народа. Например:

«Но да простит меня русская интеллигенция, — я все же думаю, мама, что ты была русской дворянкой. Ты была представительницей истинно русского дворянства в его чистом и незамутненном виде. Ни французская революция, ни эмансипация, ни какие-либо «передовые идеи» тебя не коснулись. Твои столпы, твой фундамент, были — **Вера, Россия, Семья**. Жизнь каталась по тебе чугунными катками. Они искалечили твоё тело, но ничего не смогли сделать с тем миром, который ты несла в душе. Этот цветущий сад чистой любви к Богу и людям ты пронесла через все... (Желнавакова М. Воспоминания о матери // «Альфа и Омега», 1999. — НКРЯ).

В русской православной традиции сакральность также связана и с тем, что в России очень почитают Божию Матерь. Например:

«...Многим святым Русской земли было дано откровение о том, что Россия является домом Пресвятой Богородицы. Мы в это верим и мы это чувствуем. Это сложно объяснить рациональному уму, кто-то может к этому относиться иронически, но мы духовно чувствуем, что это откровение истинно. Это откровение находит подтверждение. Действительно **Россия — это дом** Божией Матери» (Кириченко О., *прот.* Действительно Россия — это дом Божией Матери. // Русская народная линия. 13 окт., 2012. URL.: http://ruskline.ru/news_rl/2012/10/13/dejstvitelno_rossiya_eto_dom_bozhiej_materi/).

Особенно ярко это также проявилось, например, в поэзии великого русского поэта Сергея Есенина, который, по справедливому утверждению А. Г. Саносян и Е. В. Купчик, представлял «Родиной» в разных видах: и как крестьянскую Русь, и как одушевленный образ матери [5: 178]. Его патриотизм, например, ярко проявился в большом стихотворении «Спит ковыль»:

«Спит ковыль. Равнина дорогая и свинцовой свежести полынь. Никакая **Родина** другая не вольет мне в грудь мою теплынь. Знать, у всех у нас такая участь, и, пожалуй, каждого спроси — радуясь, свирепствуя и мучась, хорошо живется на **Руси**».

В политическом российском дискурсе патриотизм и Родина часто становятся тождественными понятиями. Так, рассуждая о проблемах современного патриотизма в России на страницах газеты «Завтра», Вадим Кулинченко пишет:

«Что такое **любовь к Родине**? Откуда происходит это сильное, живое и для самих нас непонятное стремление к тому месту, где мы родились? Часто, уже лишившись виновников бытия нашего, потеряв всех родных, всех друзей и даже знакомых, не имея уже никаких причин, никаких предлогов заглядывать на **Родину**, всё ещё стремимся к ней, как к самому милому другу. Свидание с **Родиной** есть праздник для сердца. Всё это я испытываю каждый год, посещая свою **малую Родину**. Подъезжая к родному городку, узнавая родные места, испытываю в душе странное волнение — чувство небывалого подъёма...

Поэтому **Родина** есть друг нашей юности. Она единственное вместилище всех неоценимых напоминаний протекшего счастья, и вот почему она должна быть любезна. Поэтому, считаю я, **патриотизм** — это естественное состояние души человека, данное ему природой, и только надо найти правильный способ пробудить его!» (Кулинченко В. Мифы и реальность патриотизма // Завтра, 25 авг., 2015. URL.: <http://old.zavtra.ru/content/view/mifyi-i-realnost-patriotizma/>).

Из этого отрывка видно, что для автора понятие патриотизма и любви к своей малой Родине тождественны и содержат в себе некую сакральность.

В китайском политическом дискурсе такой сакральности не выявлено, что обусловлено отсутствием самой религиозной традиции. Отметим, что в древнем Китае отсутствовало понятие «Бога», использовалось слово «Небо» (отсюда — Поднебесная), и впоследствии ряд философских учений превратились с веками в религиозные учения (конфуцианство, даосизм). Для китайского политического дискурса, как явствует

из вышеприведенного примера, «Родина» воспринимается как «дом», как «семья», как «страна». Здесь присутствует больше идеологический аспект, который в целом характерен для современных китайских СМИ.

В связи с вышесказанным уместно, на наш взгляд, отметить, что такую задачу уже на протяжении многих лет выполняет телеканал CCTV-4 Международный (на китайском языке), который вещает во многих странах мира, где живут многочисленные китайские диаспоры, и давно уже превратился в «духовный дом для зарубежных китайцев».

Китайскоязычный CCTV-4 активно работает над тем, чтобы стать «духовным домом» для всемирной китайской нации. Родина, как большая семья, приветствует зарубежных китайцев и посредством CCTV-4 стремится ознакомить их с китайской культурой, чтобы у китайцев, живущих в разных странах мира, были возможности для поиска своих исторических корней. Об этом свидетельствуют и названия самих передач: «Далекая родина», «Мир китайского народа», «Между двумя берегами пролива (Китай и Тайвань») и др.

Все это, кстати, вписывается в концепцию китайского ученого Ван Лимина, опубликовавшего на страницах газеты «Пекин жибао» большую программную статью «Изоморфизм семьи и страны представляет собой модель управления». Здесь автор, в частности, указывает на следующие аспекты:

«...Говоря **чувством родины (семьи и страны)**, конечно, нужно соединить два параметра: **«семья» и «страна»**. Согласно учения Конфуция, это требует совершенствования своей личности, содержания семьи в порядке, упорядочения собственного государства и наведения порядка во всей Поднебесной. Иными словами, **чувство родины (семьи и страны)** представляет собой идею содержания семьи в порядке и упорядочения своего государства...» [9].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Новизна настоящего исследования обусловлена предпринятым сравнительным анализом концептов «родина» и «дом» в русском и китайском патриотическом дискурсе. Были выявлены определенные сходства и различия. Общим

можно считать тождественность этих понятий с патриотизмом, их единство. А именно образ ДОМА связан с метафорой СЕМЬИ. В китайской и русской языковой традиции концепты «семья» и «родина» тождественны и означают единство. Отсюда следует и единство концептов «родина», «дом» с концептом «семья».

Различия обусловлены самой историей и различиями в культурных кодах и, соответственно, языковых картинах мира. Во-первых, само восприятие концепта «родина» в китайской языковой картине мира связано не только с родной страной и отечеством, но также с местом проживания предков и гражданством. Во-вторых, «родина» в российской традиции наделена сакральностью, что обусловлено происхождением самого слова и с православной традицией Богоматери, что нашло отражение в отождествлении Родины с Божественным местом, святой землей и Родиной-матерью. Для китайского культурного кода подобная сакральность не характерна, что обусловлено отсутствием религиозной традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Понятие «дискурс» имеет многоаспектную природу. Патриотический дискурс рассматривается как часть политического дискурса или коммуникативное событие, происходящее в определенном временном и пространственном контексте при наличии вербальных и невербальных составляющих, проявляющееся в письменных или устных текстах и выражающее чувства по отношению к своей стране [1].

² Древний стиль написания китайских иероглифов (VIII–III века до н. э.).

³ Цзягувэнь, гадательные надписи на костях и черепашьих панцирях (XIV–XI вв. до н. э.).

⁴ Пример из Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>).

⁵ В китайском языке слово «**家**» состоит из двух морфем: «**家**» (семья) «**国**» (страна, государство). И оно также означает «**родину**».

ЛИТЕРАТУРА

1. Декленко Е. В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004.
2. Кострубина Е. А. Типы концептов: гиперконцепт Семья — Дом // Вестн. Пермского ун-та, 2010. Вып. 6 (12). С. 51–57.
3. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.

4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2015.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1. М., 1987.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.3. М., 1987.
7. Ян Фан. Концепт «Семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского политехнического университета, 2013. Т. 323. № 6. С. 250–255.
8. Ван Лимин. Цзя го тун гоу ши и чжун чжили моши [Изоморфизм семьи и страны представляет собой модель управления] // Газета «Жэньминь жибао», 06.03.2017 (на китайском языке: 王利明. 家国同构是一种治理模式 // «人民日报», 2017年03月06日). URL: http://www.bjd.com.cn/sy/llzk/201703/06/t20170306_11054164.html
9. Люй Шусян. Чжунго вэньфа яолуе [Очерк грамматики китайского языка]. Шэньян, 2002 (на китайском языке: 吕叔湘. 中国文法要略. 沈阳: 辽宁教育出版社, 2002).
10. Синьхуа цыдянь (да цзы бэнь) [Словарь Синьхуа (редакция больших иероглифов)]. 10-е изд. Пекин, 2004 (на китайском языке: 新华词典 (大字本) / 10版. 北京: 商务印书馆, 2004).
11. Сяндай ханьюй цыдянь [Современный толковый словарь китайского языка] // Чжунго шэхуэй кэсюе юань юйянь яньцзю со цыдянь бяньцзи ши бянь [Под. ред. Отдела лексикографии института языкознания Китайской академии общественных наук]. 6-е изд. Пекин, 2012 (на китайском языке: 现代汉语词典 // 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 6版. 北京: 商务印书馆, 2012).
12. Ханьюй лянсян цыдянь / Сян сысинь чжубянь [Китайский ассоциативный словарь / Под. ред. Сян Сысинь]. Пекин, 1994 (на китайском языке: 汉语联想字典 / 向思鑫主编. 北京: 新华出版社, 1994).

13. Цыхай [Энциклопедический словарь Цыхай]. 6-е изд. Шанхай, 2009 (на китайском языке: 辞海 // 第六版. 上海: 上海辞书出版社, 2009).

REFERENCES

1. Deklenko E. V. (2004) *Lingvokul'turologicheskii aspekt patrioticheskogo diskursa. [Linguistic and cultural aspect of patriotic discourse]*. (Candidate's thesis, Philology), Cheljabinsk State University. Cheljabinsk. (in Russian)
2. Kostrubina E. A. (2010) *Tipy konceptov: giperkoncept Sem'ia — Dom [Types of concepts: Hyperconcept Family — Home]*. *Vestnik Permskogo universiteta [Bulletin of Perm University]*, vol. 6 (12), pp. 51–57. (in Russian)
3. Kuznetsov S. A. (2000) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka. [Great Dictionary of Russian language]*, St. Petersburg. (in Russian)
4. Ozhegov S. I. (2015) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka. [Explanatory dictionary of the Russian language]*, Moscow. (in Russian)
5. Fasmer M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [Etymological dictionary of the Russian language]*. Moscow, vol.1. (in Russian)
6. Fasmer M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [Etymological dictionary of the Russian language]*. Moscow, vol.3. (in Russian)
7. Jan Fan. (2013) *Koncept «Sem'ia» v russkoi i kitaiskoi iazykovykh kartinah mira [Concept «Family» in Russian and Chinese language pictures of the world]*, *Izvestiia Tomskogo politehnicheskogo universiteta [The News of Tomsk Polytechnic University]*, vol. 323. No 6. pp. 250–255. (in Russian)
8. Wan Limin (2017). *Jia guo tong gou shi yi zhong zhili moshi [The isomorphism of family and country is a model management]*. «*Renmin ribao*» [*People's Daily*], 06.03.2017. (王利明. 家国同构是一种治理模式 // «人民日报», 2017年03月06日). Available at: http://www.bjd.com.cn/sy/llzk/201703/06/t20170306_11054164.html (in Chinese)
9. Lv Shuxiang (2002). *Zhongguo wenfa yaolve [Sketch of grammar of Chinese]*. Shenyang, 2002. (吕叔湘. 中国文法要略. 沈阳: 辽宁教育出版社, 2002.) (in Chinese)
10. *Xinhua cidian (da zi ben) [Xinhua Dictionary (in large characters)]* (2004). 10th ed. Beijing, 2004. (新华词典 (大字本) / 10版. 北京: 商务印书馆, 2004.) (in Chinese)
11. *Xiandai hanyu cidian [Modern dictionary of the Chinese language]* (2012). Zhongguo shehui kexue yuan yuyan yanjiu suo cidian bianji shi bian [Edited by Department of lexicography of Institute of linguistics of Chinese Academy of social sciences]. 6th ed. Beijing, 2012. (现代汉语词典 // 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编, 6版. 北京: 商务印书馆, 2012.) (in Chinese)
12. *Hanyu lianxiang zidian [Chinese associative dictionary]* (1994). Xiang sixin zhubian [Edited by Xiang Sixin] (1994). Beijing, 1994. (汉语联想字典 / 向思鑫主编. 北京: 新华出版社, 1994.) (in Chinese)
13. *Cihai [Encyclopedic dictionary Cihai]* (2009). 6th ed. Shanghai, 2009. (辞海 // 第六版. 上海: 上海辞书出版社, 2009) (in Chinese)

[предлагаем вашему вниманию]

Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / Авт.-сост. А. П. Сковородников. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. — 384 с.

Словарь содержит более четырехсот терминов лингвоэкологии — междисциплинарного научного направления исследований языка в аспекте негативных и позитивных факторов его существования и развития. В совокупности представленных и дефинированных терминов словарь дает достаточно полное представление о задачах, предметной области и понятийно-терминологической системе лингвоэкологии — с ориентацией на состояние современного русского языка. Словарь адресован не только лингвистам, занимающимся лингвоэкологическими исследованиями, но и широкому кругу пользователей: учителям, студентам и преподавателям вузов, журналистам, работникам PR и рекламы, политикам, чиновникам сферы образования и СМИ, т. е. людям, профессия которых обуславливает их повышенную языковую ответственность. Словарь будет также полезен всем, кто неравнодушен к судьбе родного языка.

Лян Хунци, Янь Кай

КОНЦЕПТ «ПАМЯТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ И. А. БУНИНА НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

LIANG HONGQI, YAN KAI

THE CONCEPT OF 'MEMORY' IN IVAN BUNIN'S WORKS IN THE MIRROR OF CHINESE LANGUAGE

*Без памяти — мы были бы
существами мгновения.
Наше прошлое было бы мертво
для будущего.
Настоящее, по мере его протекания,
безвозвратно исчезало бы в прошлом.*
С. Л. Рубинштейн

Лян Хунци

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель
Ляонинский педагогический университет
ул. Хуанхэ, д. 850, Далинь, 116029,
Китайская Народная Республика
► lianghongqi@yandex.ru

Янь Кай

Аспирант кафедры русского языка
филологического факультета
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия
► ky_710@mail.ru
Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. В. В. Красных

Liang Hongqi

Liaoning Normal University
850 Huanghe Rd., Dalian, 116029, P. R. China

Yan Kai

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Статья посвящена анализу концепта «память» в рассказах И. А. Бунина на фоне китайского языка. В настоящей статье предлагается классификация по тематическим признакам, а также на основе анализа словарных дефиниций выявляются основные значения указанного концепта, представленного в анализируемых произведениях.

Ключевые слова: концепт; память; художественный текст.

The authors analyze the concept 'memory' in Ivan Bunin's prose on the background of the Chinese language, and offer classification of 'memories' according to the thematic features. Bunin's unique connotations of 'memory' are clarified by comparison with dictionary definitions of this lexeme.

Keywords: concept; memory; fiction.

В статье рассматриваются некоторые особенности функционирования концепта «память» в художественных текстах И. А. Бунина на материале ряда его рассказов («Сверчок», «Последнее свидание», «Господин из Сан-Франциско», «Роза Иерихона», «Далёкое», «Темные Аллеи», «Натали», «Ворон», «Месть», «Весной, в Иудее») и их переводов на китайский язык (переводчик — 陈馥).

В современной лингвистике проблема изучения концептов стоит в центре внимания таких наук, как когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, лингвистика текста и т. д. В. В. Красных предлагает рассматривать концепты как таксоны лингвокультуры [2: 207]; при этом концепт — это «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая языковому сознанию идея предмета, являющаяся результатом определенной когнитивной обработки, обладающая ингерентно присущей ей аксиологией и взятая в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Там же: 217]. Иными словами, концепт формируется и функционирует, а также насыщается содержанием, отражающим представление о мире человека говорящего (в нашем случае — автора художественного текста), именно в условиях лингвокультуры [10: 134].

Статья подготовлена в рамках проекта 2017 года «Культурная константа ПАМЯТЬ в русской языковой картине мира» (№ L17BYU005) Планового фонда социофилологических наук провинции Ляонин КНР (本文系2017年度辽宁省哲学社会科学规划基金项目“俄语语言世界图景中的文化密码‘память’(L17BYU005)”的研究成果)

Что касается художественного произведения, то, по мнению Ю. А. Сорокина, оно обладает сложной иерархической семиотической природой и представляет собой специфический способ опредмечивания образа мира, существующего в сознании человека говорящего [5: 98]. Художественный текст при этом определяется как результат овнешнения сознания, как форма существования культуры; он есть хранилище культуры, формирующее языковую картину мира [10: 134].

По мнению Р. С. Немова, память можно определить как способность к получению, хранению и воспроизведению жизненного опыта [3: 218]. Иными словами, память осуществляет запечатление и сохранение прошлого опыта и поэтому делает возможным его повторное использование в деятельности или повторное возвращение в сферу сознания [8: 382]. При этом память лежит в основе способностей человека, является условием научения, приобретения знаний, формирования умений и навыков. Это значит, что память лежит в основе познания окружающей действительности.

Прежде чем представить характерные черты проявления семантического компонента концепта «память» в художественных текстах И. А. Бунина, приведём лексикографическое описание лексемы *память*.

Память в «Этимологическом словаре современного русского языка» определяется как способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта; то же, что воспоминание о ком-, чём-л.; то, что связано с умершим (воспоминания о нём, чувства к нему) [9: 107].

В «Толковом словаре» В. И. Даля *память* истолковывается главным образом как способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить, помнить сознание о былом [1: 14].

В «Толковом словаре» Д. Н. Ушакова у слова *память* имеются следующие основные дефиниции: 1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления. || Запас хранимых в сознании впечатлений. 2. Воспоминание о ком-чём-н. || Поминание умершего в день его смерти, а также самый этот день (разг. церк.) [7: 2100].

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой под *памятью* понимается: 1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта. 2. То же, что воспоминание о ком-чём-н. 3. То, что связано с умершим (воспоминания о нём, чувства к нему). 4. *память кого-чего*, в знач. предлога с род. п. [4: 490].

В китайском лексикографическом описании семантические оттенки лексемы *память* несколько отличны от русского аналога. Слово *память* (记忆): 1) 记住或想起 (букв.: 'выражается с помощью глагола: запоминать, вспомнить'); 2) 保持在脑子里的过去事物的印象 (букв.: 'относится к морфологической категории существительного и имеет значение сохранения образа мира прошлого в мозге человека') [6: 612]. При этом данное слово состоит из двух морфем: 记 ('запоминать') и 忆 ('вспомнить'), у которых имеются 2 компонента, левая часть и правая часть. 记 имеет 5 основных значений: 1) <动> 把印象保持在脑子里 (букв.: гл. 'сохранять образ мира в голове человека'); 2) <动> 记录; 记载; 登记 (букв.: гл. 'записывать, регистрировать'); 3) <名> 标志; 符号 (букв.: суц. 'знак, код'); 4) <量> 多用于某些动作的次数 (букв.: сч.сл. 'количество повтора кого-либо действия'); 5) <名> 姓 (букв.: суц. 'фамилия человека') [Там же: 612]. Данный иероглиф состоит из двух компонентов: левая часть имеет значение 'язык, речь', а правая — 'сам, себя'. 忆 имеет два основных значения, 'запомнить' и 'вспомнить', и также состоит из двух компонентов: левая часть имеет значение 'сердце, психика, мышление', правая часть интерпретируется как 'значение, смысл'.

Итак, по данным лексикографического описания русского языка на фоне китайского языка можно сделать вывод, что *память* в основном семантизируется как способность к усвоению и хранению информации из прошлого, реализуемая в ментальном пространстве человека-личности.

Теперь перейдем к анализу концепта «память» в художественных текстах И. А. Бунина. В результате классификации отобранных примеров можно выделить 4 группы контекстов.

Первая группа состоит из таких групп контекстов, в которых отображается образ мира (т. е. опыт жизни, социального явления, какой-либо

предмет и пр.). Отметим, что образы, отражающиеся в контексте, функционируют как сведения/ информация о прошлом, а также создают культурный фон для познания будущего человеком говорящим. Следовательно, память является итогом бывшего когнитивного опыта и дает основание для познания будущего. Например:

«Ядреная антоновка — к веселому году». Деревенские дела хороши, если антоновка уродила: значит, и хлеб уродился... **Вспоминается** мне урожайный год («Антоновские яблоки»).

“安通苹果大，今年年成好。”如果安通苹果长得好，乡下的日子就好过，粮食准丰收。.....我记得一个丰收年。

В данном случае содержанием памяти является не только сам «урожайный год», но и образ радости деревенской жизни в урожайный год.

Помню я и старуху его. Все, бывало, сидит на скамеечке, на крыльце, согнувшись, тряс головой, задыхаясь и держась за скамейку руками, — все о чем-то думает. «О добре своем небось», — говорили бабы, потому что «добра» у нее в сундуках было, правда, много. А она будто и не слышит; подслеповато смотрит куда-то вдаль из-под грустно приподнятых бровей, трясет головой и точно силится вспомнить что-то («Антоновские яблоки»).

他的老伴儿我也记得，经常在台阶上的一张小板凳上坐着，弓着脊背，晃着脑袋，两手抓住板凳呼噜气，总在想什么。村妇们说她想的“准是她的财宝”，因为她的那些大木箱里真的有好多“财宝”。她似乎听不见别人说话，哀愁地扬起眉毛茫然望着远方，晃着脑袋，像是在费力地回想什么。

По контексту можно установить, что память автора о «старухе его» — это не просто воспоминание о факте существовании этой старухи, но представление о её образе в целом и о ряде особенностей её поведения. Например, автор помнит ее привычную позу («сидит на скамеечке, на крыльце, согнувшись, тряс головой»), мимику («из-под грустно приподнятых бровей»), рост («большая была»), одежду («панева», «чуньки», «рубаха»), а также внешность («шея»). Все эти элементы в совокупности составляют память об образе данной старухи.

Во **вторую группу** вошли те слова или словосочетания, которые обозначают память чело-

века, выполняют функцию членения временного пространства (т. е. членение временного пространства на прошлое и настоящее). Это выражено с помощью таких глаголов, как *помнить*, *вспомнить*, или с помощью таких наречий, обозначающих время, как *назад*, *прежде*, *недавно*, *когда-то* и т. д. Например:

Помню, у нас в доме любили в эту пору «сумерничать», не зажигать огня и вести в полутьмоте беседы («Антоновские яблоки»).

记得我家里的人在这个季节喜欢“守黄昏”，不点灯坐在昏暗中闲谈。

Глагол *помнить* в вышеприведенном случае описывает память, постоянно присутствующую в сознании человека. Это выражается и в китайском переводе 记得 ('помнить'). Первый иероглиф 记 указывает на основное значение — 'память', а второй — 得 — часто встречается в глаголах, означающих неизменное состояние, таких, как 懂得 ('понимать'), 晓得 ('знать').

— А вас Ильей зовут? — спросила барыня, вдруг **вспомнив**, что она до сих пор не знает имени Сверчка («Сверчок»).

“您的名字是伊利亚？”太太问，她忽然想起她至今还不知道蚰蚰儿叫什么名字。

Как известно, в русском языке префикс *вс-* / *за-* обозначает начало какого-либо действия. С этим совпадает и китайский перевод: 想起. Первый иероглиф, 想, значит 'вспоминать', а второй иероглиф, 起, часто употребляется в китайском языке для указания на начало действия. Например, в китайском языке есть глаголы 忆起 (букв.: 'запомнить'), 谈起 / '说起 (букв.: 'заговорить').

Пятнадцать, шестнадцать лет тому **назад** я приезжал сюда каждый день и готов был ночевать у твоего порога. Я тогда был еще мальчишка, восторженный и нежный дуралей... («Последнее свидание»).

十五六年前我天天到这儿来，情愿睡在你门口。我那时候还是个孩子，是个头脑容易发热的多情的小傻瓜...

Третья группа включает языковые единицы, содержащие семы 'память' и 'эмоцио-

нальное внутреннее пространство человека. Существование этой категории обусловлено тем, что любая мыслительная деятельность человека сопровождается какой-нибудь эмоцией, т. е. при воспоминании о прошлом в сознании человека говорящего появляются эмоции, являющиеся одним из факторов познания мира. Например:

1. И с грустью вспомнишь бабушку, ее полонезы на клавикордах, ее томное чтение стихов из «Евгения Онегина». И старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою... («Антоновские яблоки»).

于是怀着惆怅的心情忆起祖母，忆起她在古钢琴上弹的波兰舞曲，以及她怎样有气无力地诵读《叶甫盖尼·奥涅金》中的诗句。从前那种梦幻般的生活似乎就在眼前...

2. Сверчок (после рассказа о том, что с ним случилось. — Л. Х., Я. К.) слегка вскрикнул на последних словах, взглянул на кухарку, которая уже плакала, и, вдруг заморгав, исказив и брови, и губы, и задрожавшую челюсть, стал торопливо искать кисет. Василий сердито сунул ему свой, и он, вертя прыгающими руками цигарку и роняя в табак слезы... («Сверчок»).

最后这句话蚰蚰儿是轻轻喊出来的，他看看已经在哭泣的厨娘，忽然使劲眨起眼来，扭曲了眉毛、嘴唇、颤抖的下颚，连忙找他的烟荷包。瓦西里生气地把自己的烟荷包塞给了他。他用颤抖的双手卷烟的时候，泪珠直往烟丝里滴。

3. А была молодость, радость, чистота, темный румянец, батистовая косоворотка... Если уж кто пожертвовал всем, всей своей жизнью, ток это я, старый пьяница! («Последнее свидание»).

而我曾经那么年轻，快乐，纯洁，双颊黑里透红，穿着细麻纱斜领衬衫。..... 如果说有人牺牲了一切，牺牲了自己的一生，那么这个人就是我，一个老酒鬼！

Эмоцию, которая сопровождает память, автор выражает или с помощью непосредственной номинации какой-либо эмоции (с грустью), или путем описания телесной реакции субъекта (второй пример). В третьем примере фрагмент воспоминания о юности кажется на первый взгляд наполненным ощущением радости и счастья. Но по контексту становится понятно, что память о юности и любви в молодости для героя расска-

за связана с горестью и разочарованием. Можно утверждать, что для И. А. Бунина память разнообразна и всегда вызывает ту или иную эмоцию в глубине души человека.

К *четвёртой группе* относятся слова и словосочетания, выражающие процесс забывания. Отметим, что память человека представляет собой совокупность процессов запоминания, сохранения, воспроизведения и забывания знаний/информации из прошлого опыта. При этом забывание есть процесс, противоположный сохранению информации. Забывание может быть полным или частичным, длительным или временным. Например:

Как всегда, господа пришли только на минутку, — уж очень тяжелый и теплый был у шорников воздух, — но потом, как всегда, **забылись**, потеряли обоняние... («Сверчок»).

跟平日一样，老爷太太到这儿来只打算待一会儿，因为两个马具匠把屋里的空气弄得太浊太热了。然而也跟平时一样，他们进来了以后就忘了这回事。

Забывание как факт подразумевает и само существование информации в памяти. «У шорников воздух» был «тяжелым и теплым» как в момент посещения господ, так и в любое другое время. Этот факт проигнорирован, но это не значит, что он не существует.

Ехал и не просто радовался и самому себе и всему миру, а истинно тонул в радости существования, как-то мгновенно, еще на Арбатской площади, **позабыв** и «Северный полюс», и князя, и Ивана Иваныча, и был бы, вероятно, очень удивлен, если бы мне сказали тогда, что навсегда сохраняются и они в том сладком и горьком сне прошлого... («Далёкое»).

我坐在车上不单是为自己和整个世界高兴，而是一心一意沉浸在生存的欢乐之中，以至于还在阿尔巴特广场上的时候，一瞬间我竟忘记了北极饭店，忘记了公爵，忘记了伊万·伊万内奇，哪里想得到他们会永远留在我对往昔的既甜蜜又苦涩的梦中...

В этом фрагменте рассказа слово «мгновенно» указывает на то, что действие «позабыв» происходит внезапно, а также намекает на то, что когда-нибудь рассказчик сможет вспомнить забытое.

Таким образом, анализ концепта «память» в авторской картине мира И. А. Бунина позволил выделить следующие его семантические компоненты: 1) *сохранение знаний/информации из прошлого опыта человека говорящего*; 2) *членение временного пространства в сознании автора, т. е. членение временного пространства на определенные отрезки в прошлом и будущем*; 3) *эмоциональное наполнение человеческой памяти*; 4) *забывание*. Более того, анализируемые примеры позволяют сказать, что 1) память выполняет функцию членения временного пространства человека говорящего; 2) память в своём метафорическом значении характеризуется следующими оппозициями: *сохранение знаний/информации и забывание знаний/информации*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. т. 3. М., 2006.
2. *Красных В. В.* Когнитивная подсистема лингвокультуры: возможные пути исследования // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 45. М., 2012. С. 4–38.
3. *Немов Р. С.* Общие основы психологии. М., 2001.
4. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006.
5. *Сорокин Ю. А.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М., 1993. С. 98–117.
6. *Словарь современного китайского языка*. 6-е изд. Пекин, 2012.

7. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. М., 2005.

8. *Чуприкова Н. И.* Психика и психические процессы (система понятий общей психологии). М., 2015.

9. *Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / Сост. А. К. Шапошников*. Т. 2. М., 2010.

10. *Янь Кай.* Концепт город в художественном тексте И. А. Бунина на фоне китайского языка: лингвокогнитивный аспект // *Полифония большого города: город как перекресток миров, текстовое многоголосье, семиотика городского ландшафта*. Матер. конф-й. / Ред. коллегия: Л. М. Терентий, А. В. Кирилина, В. В. Красных и др. М., 2015. С. 132–142.

REFERENCES

1. Dal' V. I. (2006) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory dictionary of living great Russian language], in 4 vols., vol. 3. Moscow. (in Russian)
2. Krasnykh V. V. (2012) *Kognitivnaia podsystema lingvokul'tury: vozmozhnye puti issledovaniia* [Cognitive subsystem of linguoculture: possible ways of research]. In: *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia* [Language, consciousness, communication], iss. 45. Moscow, pp. 4–38. (in Russian)
3. Nemov R. S. (2001) *Obshchie osnovy psikhologii* [General principles of psychology]. Moscow. (in Russian)
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (2006) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of Russian language: 80000 words and phraseological expressions]. Moscow. (in Russian)
5. Sorokin Yu. A. (1993) *Pretsedentnyi tekst kak sposob fiksatsii iazykovogo soznaniia* [Precedent text as a way of linguistic consciousness fixing]. In: *Iazyk i soznanie: paradoksal'naia ratsional'nost'* [Language and consciousness: paradoxical rationality]. Moscow, pp. 98–117. (in Russian)
6. *Slovar' sovremennogo kitaiskogo iazyka* [Dictionary of modern Chinese] (2012), 6th ed, Beijing. (in Russian)
7. Ushakov D. N. (2005) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Moscow. (in Russian)
8. Chuprikova N. I. (2015) *Psikhika i psikhicheskie protsessy (sistema poniatii obshchei psikhologii)* [Psyche and mental processes (the system of notions of General psychology)]. Moscow. (in Russian)
9. Shaposhnikov A. K., comp. (2010) *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Etymological dictionary of modern Russian language], in 2 vols., vol. 2. Moscow. (in Russian)
10. Yan Kai (2015) *Kontsept gorod v khudozhestvennom tekste I. A. Bunina na fone kitaiskogo iazyka: lingvokognitivnyi aspekt* [The concept of the city in the literary text of I. A. Bunin on the background of the Chinese language: linguo-cognitive aspect]. Terentii L. M., Kirilina A. V., Krasnykh V. V. et al., eds. *Polifoniia bol'shogo goroda: gorod kak perekrestok mirov, tekstovoe mnogogolos'e, semiotika gorodskogo landshafta* [Polyphony of the big city: the city as a crossroads of worlds, text polyphony, semiotics of the urban landscape]. Proceedings of the Conference. Moscow, pp. 132–142. (in Russian)

[хроника]

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ: КУЛЬТУРА МЫСЛИ И КУЛЬТУРА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

(Начало на с. 25, 34. Продолжение на с. 58, 72)

нимия» и «лакунарность» персониферы молодой языковой личности. «Белым пятнам» культурной грамотности, а именно проблеме адекватной интерпретации отдельных лексических единиц, заимствований, фразеологизмов, паронимов, прецедентных высказываний, был посвящен доклад И. В. Столяровой (РГПУ им. А. И. Герцена). В продолжение поднятой проблемы Е. В. Корнилова (Санкт-Петербургский горный университет) рассмотрела различные способы трансформации цитат в заголовках прессы и представила некоторые типы практических заданий для студентов, связанные с дешифровкой интертекстуальных включений в современном медиатексте. Живую дискуссию вызвал

доклад М. В. Захаровой (Московский городской педагогический университет), посвященный иронической коммуникации как факту современного языкового сознания. В ходе обсуждения доклада был сделан вывод об иронической коммуникации как особой форме лингвокреативной деятельности и своеобразном маркере коммуникативно-речевой состоятельности носителей русского языка эпохи постмодерна.

В ходе обсуждаемых на секции «Инновационные технологии в практике преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе» вопросов остро прозвучала проблема функциональной неграмотности, приобретающая международных ха-

Р. К. Боженкова, Н. А. Боженкова

МЕХАНИЗМЫ РОЖДЕНИЯ И НАКОПЛЕНИЯ НОВЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСЛЯЦИИ ТЕКСТА

RAISA K. BOZHENKOVA, NATALYA A. BOZHENKOVA

MECHANISMS OF BIRTH AND ACCUMULATION OF NEW LINGUISTIC AND CULTURAL MEANINGS
IN THE PROCESS OF TEXT TRANSLATION

**Раиса Константиновна
Боженкова**

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка

Московский государственный
технический университет
им. Н. Э. Баумана (национальный
исследовательский университет)

ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1,
Москва, 105005, Россия

► rkbozhenkova@mail.ru

**Наталья Александровна
Боженкова**

Доктор филологических наук, профессор
кафедры общего и русского языкознания

Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина

ул. Волгина, д. 6,
Москва, 117485, Россия

► natalyach@mail.ru

Raisa K. Bozhenkova

Bauman Moscow State Technical University
(National Research University)

5, str. 1, 2-ya Baumanskaya ul.,
Moscow, 105005, Russia

Natalya A. Bozhenkova

Pushkin State Russian Language Institute
6 ul. Volgina,
Moscow, 117485, Russia

В статье рассматриваются механизмы семантического преобразования содержания текстовых единиц в процессе его исторического функционирования. Будучи компонентом лингвосоциокультурного универсума, текстовое поле объективирует результаты предыдущей речевой деятельности субъекта, имеющие нормативно-регулятивное и ценностно-ориентационное значение, определяет значимость данного текста в системе всех остальных лингвокультурных феноменов общества и тем самым продуцирует новое смысловое единство неизменяющихся знаковых компонентов.

Ключевые слова: лингвокультурный смысл; внутри- и внетекстовые отношения; аксиологические доминанты; лингвосоциокультурное поле.

The article considers the mechanisms of semantic transformation of various text units' meaning in the process of historical functioning. Being a part of linguistic and social universe, text field objectifies the results of subject's previous speech activity, which have regulative and assessing value, defines the importance of the text in the system of other cultural phenomena in the society and thus produces a new sense unit using the same components.

Keywords: linguistic and cultural meaning; intra- and intertextual connections; axiological dominants; linguistic and sociocultural field.

Мир текстов, как и любое семиотическое поле, воспроизводящее социальную и этнокультурную реальность, иерархичен — «высокие» и «низкие» жанры, официальные и площадные речи, сакральные и научные изыскания. Тексты, предназначенные нести информацию (деловой документ, публицистика, личная переписка и дневники, наконец, художественное произведение), живут в человеческом обществе и выполняют особую социальную функцию: участвуют в столкновениях противоборствующих тенденций и во множестве конфликтных ситуаций, отражают и защищают позиции различных социальных групп и др. Каждая из этих речевых разновидностей, каждый жанр, будучи связанными с определенной экспрессивно-функциональной настроенностью и социальными, личными, эмоциональными отношениями субъектов [3], имеют в глазах сообщества и любого его члена специфическую культурную значимость. Вместе с тем ни нравственные, ни экзистенциальные, ни эпистемологические проблемы и парадоксы не могут порождаться

самой по себе повествовательной («предложенческой») структурой. Не тексты, а люди полемизируют и конфликтуют друг с другом, иронизируют, обижаются, преклоняются перед авторитетами, любят и ненавидят. Все эти проблемы и чувства могут возникать лишь в сфере человеческого бытия и познания, осознаваться людьми; результаты же этого осознания опредмечиваются в виде текстов. Возникающее между людьми посредством текстов взаимодействие реализуется в актах жизнедеятельности человеческого общества, в смыслопорождающих процессах, в том числе, разумеется, и в деятельности по созданию новых текстов.

В общей системе культуры тексты выполняют две основные функции: адекватную передачу значений и порождение новых смыслов. Первую — в полной мере выполняют тексты на искусственных языках. Тексты, осуществляющие вторую функцию, образуют нерасчленимое единство лингвокультурного смысла-содержания и лингвокультурного смысла-ценности, которое может включать как минимум два семиотически автономных субтекстовых образования и объединяющую их семиотическую метаструктуру¹. Если в первом случае разница на входе (отправитель) и на выходе (получатель) информационной цепи возможна лишь в результате неких помех в канале связи и связана с техническим несовершенством системы, то во втором она составляет самую сущность «работы» текста на естественном языке. То, что с первой точки зрения — дефект, со второй — норма, и наоборот [6].

Из этого обстоятельства следует тот факт, что ни один текст, созданный на естественном языке, не остается тождественным самому себе не только в различные эпохи своего существования, но и в разных языковых и культурно-исторических контекстах, поскольку изменяется его (текста) социальный статус и общественно значимые функции². Будучи инкорпорированным в более крупное произведение, он участвует в образовании его лингвокультурного содержания не только семантикой, заданной ему автором, но и своими прагматическими аспектами, которые определяются конкретными обстоятельствами его соци-

ального бытия. И если инкорпорированный текст соответственно авторскому замыслу вступает в конфликтные отношения и оппозиции с другими субтекстами произведения, то возникающие при этом новые смысловые образования оказываются не продуктами внутритекстовых отношений, а отражением и воспроизведением смысла реальных жизненных конфликтов, в которых участвуют тексты.

Иное дело, как строятся такие тексты, какие средства находит человек для передачи своего опыта и мыслей другим людям, своим потенциальным собеседникам, что можно сделать, используя лишь привычные средства естественного языка и стандартные речевые жанры. Однако возможности естественного языка, вопреки распространенному мнению, далеко не безграничны, многие новые смыслы с трудом поддаются вербализации, и попытки «втиснуть» их в устоявшиеся лингвистические формы, используя лишь имеющийся в наличии словарный багаж, неизбежно связаны со смысловыми потерями и искажениями.

В той или иной мере это справедливо для многих речевых жанров и видов текста, но к художественным произведениям отмеченный факт относится в наименьшей степени: хотя литературный текст и создается вербальными средствами, в образовании его лингвокультурного смысла принимают участие такие факторы, которые сами по себе не являются структурными элементами естественного языка. Лингвокультурный смысл их, как правило, богаче того массива значений, который обеспечивается используемым фрагментом естественного языка³.

Предметы, поступки, события, в силу своей вещественной природы, материальной телесности, а также временной и пространственной локальности существования, не могут быть непосредственно введены в текст в качестве носителей лингвокультурного смысла. Вместе с тем они получают в нем свое представительство в виде образов, дескрипций, знаков, намеков различного вида и неизбежно вступают в «диалогические отношения» с другими поступками и событиями, с высказываниями о них персонажей художественного произведения или автора текста. В ко-

нечном счете слово тоже несет в себе предметное значение, которое может исчерпывающе передавать мысль автора, но может и намекать на другой смысл, лежащий за пределами этого слова (что показано на примере, данном в сноске). Текст произведения, таким образом, множеством нитей связан с внетекстовой реальностью, частью которой являются другие тексты, и благодаря этим связям лингвокультурный смысл его оказывается гораздо богаче того, что выражено собственно вербальными средствами.

Особенностью невербального смысла является его в значительной мере имплицитность, субъективность, отсутствие определенности и четких границ, которая может рассматриваться как серьезный недостаток в текстах, тяготеющих к строгости и однозначности. Однако невербальный смысл оказывается необходимым этапом в осознании индивидуально накопленного опыта, превращении его именно в смысл, имеющий пока лишь предметную фиксацию, но затем, по мере подкрепления его опытом других индивидов, превращаемого в интерсубъективные значения естественного языка. Последний, в свою очередь, оказывается следующим необходимым этапом кристаллизации и кодификации нового лингвокультурного смысла [4].

Соответствующие феномены исследовались многими учеными (лингвисты, литературоведы), доказавшими, что искусство вырабатывает вторичную знаковую систему, свой особый язык, который в литературных произведениях надстраивается над обычным естественным языком: все вторичные, не predetermined нормы естественного языка упорядоченности, а также их нарушения становятся в произведении искусства смыслообразующими факторами [1; 5; 6 и др.]. Тем не менее вопрос о носителях лингвокультурного смысла в тексте нельзя считать исчерпанным, и нам хотелось бы отметить некоторые дополнительные обстоятельства. Кроме того, данная проблема предполагает специфический подход к ранее описанным явлениям: нас интересуют каналы, по которым в текст могут проникать новые лингвокультурные смыслы и смысловые акценты, не заложенные автором,

а привносимые в актах понимания и в процессе трансляции текста.

Итак, слово своим значением не исчерпывает того, что хочет сказать автор, а выступает в роли проводника, который выводит сознание адресата из тесного пространства лингвистически упорядоченных знаков в широкий мир внеязыковых культурных смыслов. Но тем самым эти предметные смыслы, не сконструированные в рамках текста путем комбинации различных вербальных значений, а введенные готовыми извне, начинают работать на авторский замысел, становясь элементами того многообразия, которое в результате синтеза образует лингвокультурное смысловое единство целого текста.

Создавая текст, автор предполагает у своего потенциального читателя (зритель, слушатель) не только хорошее владение языком, он апеллирует к жизненному опыту и самосознанию адресата, которые predetermined и структурированы в конечном счете *одной и той же лингвокультурой*. В акте восприятия и понимания в сознании читателя (слушателя) продолжает действовать механизм, с помощью которого создавался, а затем усваивался лингвокультурный смысл произведения [2; 3]. Более того, и сам творец воспроизводит в создаваемом тексте модели понимания, усвоенные им в результате овладения современной ему лингвокультурой. Поэтому конструирование текста и понимание его следует рассматривать как два модуса, две ипостаси одной и той же деятельности [Там же]. Новаторство возможно в обеих сферах, однако в сфере понимания оно не всегда фиксируется знаковыми или другими зримыми средствами.

Необходимой предпосылкой понимания как творческой деятельности, не только воспроизводящей, продолжающей усилия автора по формированию лингвокультурного смысла произведения, но и обогащающей текст новыми смыслами, является сопоставление его с другими текстами и с новыми лингвокультурными ситуациями. Устанавливая новые, не предусмотренные автором межтекстовые связи, адресат продолжает достраивать смысл текста, не изменяя его графическую форму. Так происходит даже

при восприятии произведения современниками, ибо лингвокультурные контексты его создания и понимания никогда полностью не совпадают. Если же текст создан в *иной лингвокультурной среде*, то необходимой предпосылкой его понимания оказывается проникновение в смысл тех наиболее фундаментальных для данной лингвокультуры жизненных отношений, которые в силу своей устойчивости и воспроизводимости становятся конструктивными принципами смыслового синтеза, не переставая в то же время быть носителями данного коллективного опыта и смысла.

В случаях, когда то или иное произведение продолжает функционировать в историческом времени и изменять свое положение в пространстве лингвокультурных ареалов, контекст его понимания существенно изменяется. Изменяются, следовательно, его контакты с предметной средой, общественной ситуацией, с совокупностью новых и старых текстов. Такие контакты и порождаемые ими диалогические отношения — сомнения, вопрошания, несогласия, стимулирования, подражания, присвоения «чужого слова» — и есть видимый источник нового смысла.

Субъект, в границах личности которого складываются данные отношения, продолжает творческую деятельность автора по синтезированию лингвокультурного смысла текста. И он не может отказаться от этой деятельности, потому что такова его природа, потому что «всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами... и переосмысление в новом контексте» [1: 364], потому что механизмы понимания были включены автором и продолжают работать. Однако как только субъект понимания, овладев старыми приемами и средствами, сумел выработать новые способы для творческого осмысления старых текстов, его открытия немедленно поступают на вооружение создателей новых произведений. В конечном счете люди умны не потому только, что создали нечто принципиально новое, но и вследствие того, что сумели по-новому понять ранее созданное.

Обогащение лингвокультурного смысла текста в процессе его *исторической трансляции*

происходит уже не в результате работы внутритекстовых структур, а вследствие деятельности понимания всех поколений, которые стоят между автором и последним потребителем произведения и благодаря которым осуществлялась его трансляция. Тем самым модели понимания становятся моделями созидания, а сам результат понимания (если только он не остался достоянием отдельного индивида, а выражен каким-либо общественно значимым способом) оказывается новым фактом лингвокультуры.

Из сказанного вытекает, что диалогические отношения между текстами в лингвокультурно-социальном пространстве, за которым в конечном счете стоят отношения между людьми, осмысливаются и используются в искусстве как композиционные приемы построения художественных произведений. «Возникающая при этом в тексте смысловая игра, скольжение между структурными упорядоченностями разного рода придает тексту большие смысловые возможности, чем те, которыми располагает любой язык, взятый в отдельности» [6: 152]. Главным фактором при этом оказывается постоянное, систематическое, непрекращающееся переосмысление предметного мира человека, связанное с его (универсума) практическим и духовным освоением. Дело не только в том, что человек переделывает окружающую его природу, создает новые вещи и отношения, он по-другому осмысливает и те природные и социальные процессы, которые еще не может подчинить себе практически.

Включение в предметную структуру мира новых значимых элементов приводит к более или менее глубокой перестройке всей системы отношений, сложившейся в рамках данной лингвокультуры, и к переоценке аксиологических доминант, вследствие чего происходит девальвация смысловой насыщенности одних предметных форм и возрастание ценности и актуальности других. Поскольку же старые и инокультурные тексты продолжают функционировать в изменившейся предметной среде и воспринимаются сознанием, соответствующим новой лингвокультурной ситуации, они неизбежно ассимилируют смысловые новообразования, связанные со ста-

рыми предметными формами, которые так или иначе представлены в этих текстах.

В связи с этим возникает теоретическая проблема способов фиксирования и трансляции *индивидуально* выработанного опыта и новых смысловых ценностей, не ставших еще общественным достоянием. Практически эту проблему успешно решает искусство, которое находит такие пластические средства выражения смысловых нюансов, которых лишена кодифицированная (вполне жестко) система естественного языка. Превращая все человеческие, символические, предметные отношения лингвокультурной действительности в текстообразующие факторы, художественные произведения, а вслед за ними в той или иной степени и остальные тексты, ассимилируют в своем содержании весь массив новых лингвокультурных смыслов, вырабатываемых в конкретных жизненных обстоятельствах и связанных с ними условиях (ценностно-целевые установки, оценки, настроения, переживания и пр.). Так, локальные события частного, второстепенного характера, послужившие в свое время источником новых идей и поводом для создания текста, могут приобретать глобальное значение в *иной исторической ситуации*, вследствие чего изменяется содержательная наполненность и социальная значимость всего произведения⁴.

Таким образом, с одной стороны, тексты аккумулируют лингвокультурный смысл, вырабатываемый за его пределами человеческой жизнедеятельностью во всех разнообразнейших формах ее проявления. С другой — в актах восприятия и понимания устанавливаются новые, не предусмотренные автором связи не только между структурными элементами понимаемого текста и другими текстами, но и между элементами самого понимаемого текста и изменившимся ситуационным контекстом. Эти связи обеспечивают в сознании читателя (слушателя) синтез нового лингвокультурного смысла, который вводится в текст самим творческим актом понимания. При этом данный новый смысл и порождающие его процедуры синтеза могут остаться индивидуальным достоянием субъекта понимания, но если они объективированы в виде новых текстов (ре-

цензии, комментарии, истолкования и даже простые оценочные суждения), то становятся общественно значимым фактором и создают новые предпосылки для последующих актов понимания. Тем самым постоянно расширяется контекст произведения, историческая перспектива его восприятия и понимания, вследствие чего действующие в общественном сознании эпохи механизмы синтеза лингвокультурного смысла обеспечивают повторение актов сотворчества со стороны новых субъектов понимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Высказанную мысль наглядно подтверждает опыт искусства (прежде всего художественной литературы, кино и театра), которое «научилось» превращать все виды и жанры текстов в структурный элемент художественного произведения. Нехудожественные тексты, включаясь в ткань художественного повествования, участвуют в формировании его содержания не только внутренним, но и внешним смыслом, своей социальной функцией, признаками, общественной ценностью. Например, фотография в глазах массового потребителя имеет признак документальности, достоверности, подлинности, обусловленный способом ее создания с помощью механического устройства и якобы минимальным вмешательством субъекта. Это ее свойство используют художники-дизайнеры, работающие в области рекламы: признак документальности переносится с фотографии на все рекламное произведение. Причем самым важным оказывается не содержание фотографии, поскольку оно могло быть легко передано живописными средствами, а именно ее социальная функция — статус документа. Такую же роль может играть включенный в литературное произведение подлинный документ или его имитация, в художественном кинофильме — кадры хроники и т. д. Во всех этих случаях ассимилированный текст выступает в двух ипостасях: с одной стороны, он является именно текстом, несущим определенное содержание, которое интегрируется с содержанием остальных частей произведения, а с другой — он оказывается знаком своего внешнего смысла, лингвокультурного смысла-ценности, который в составе целого произведения становится элементом его лингвокультурного содержания.

² Лингвисты давно заметили, что смысл целого высказывания, как правило, больше суммы значений образующих его слов. Диалогические отношения между высказываниями и текстами тоже не приводят к простому суммированию их лингвокультурных смыслов, а создают нечто новое, чего вне этих отношений не было ни в одном из соотносящихся элементов. В результате такого расширения происходят любопытные трансформации: фраза, перенесенная из одного контекста в другой, неожиданно получает ироническое звучание; два противоположных высказывания об одном предмете — просто разные высказывания, но соотносенные

друг с другом в сознании одного субъекта начинают выражать проблему; исторические документы, рассказывающие о разных предметах, вдруг приводят к научному открытию в совершенно иной области [1; 5; 6].

³ Приведем простейший литературный пример — описание А. С. Пушкиным статуэтки в кабинете Е. Онегина: «...И столбик с куклой чугунной Под шляпой с пасмурным челом, С руками, сжатými крестом». Мы наблюдаем цепь опосредований, благодаря которым автор вводит в текст нужный ему лингвокультурный смысл. Общеязыковыми средствами создается образ «куклы чугунной», предметный смысл которой состоит в том, что она представляет собой статуэтку Наполеона. В свою очередь, статуэтка указывает на реальные исторические события. Но и это еще не все. Личность Наполеона используется Пушкиным как знак определенных социальных настроений, общественно-политических взглядов, личных иллюзий, связанных с «феноменом Бонапарта» и имевших место в духовной жизни России и на Западе. Именно этот последний смысловой пласт в конечном счете и нужен автору для характеристики духовного мира своего героя. Если бы формирование этого смысла осуществлялось исключительно лексическими значениями, автору потребовалось бы немало слов и много текстового пространства, но Пушкин использовал другие средства, обладающие большей смысловой емкостью.

⁴ Вопрос «быть или не быть?» стоит сейчас не перед отдельной личностью, но перед человечеством в целом, и мы склонны его новые содержательные аспекты не относить на счет нашей эпохи, а приписывать гениальной проницательности автора. Кризис в математике начала XX века возродил у зарубежных ученых интерес к философии Платона, который, конечно, не мог предвидеть этой проблемной ситуации в современной науке. Но, перечитывая сегодня платоновские диалоги, мы уже не можем забыть их роль в борь-

бе современных философских концепций и направлений, их статус в новом, более широком лингвосоциокультурном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Боженкова Н. А. Логико-синтаксические механизмы кодирования возможных культурных смыслов в тексте: Монография. Курск, 2005.
3. Боженкова Р. К. Понимание текста в аспекте лингвокультурологии (Comprehension of a text in the aspect of linguistics and culturology). Raleigh, North Carolina, USA: Lulu Press, 2015.
4. Иванов В. П. Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев, 1977.
5. Левин Ю. И. Повествовательная структура как генератор смысла: текст в тексте у Х. Л. Борхеса // Теории знаковых систем. 1981. Вып. 14. С. 45–65.
6. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. (1979) *Eshetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow. (in Russian)
2. Bozhenkova N. A. (2005) *Logiko-sintaksicheskie mekhanizmy kodirovaniya vozmozhnykh kul'turnykh smyslov v tekste* [Logical and syntactic mechanisms of coding of possible cultural meanings in the text]: Monograph, Kursk. (in Russian)
3. Bozhenkova R. K. (2015) *Ponimanie teksta v aspekte lingvokulturologii* [Comprehension of a text in the aspect of linguistics and culturology]. Raleigh, North Carolina, USA, 153 p. (in Russian)
4. Ivanov V. P. (1977) *Chelovecheskaia deiatel'nost' — poznanie — iskusstvo* [Human activities — cognition — art]. Kyiv, 1977. (in Russian)
5. Levin Ju. I. (1981) *Povestvovatel'naia struktura kak generator smysla: tekst v tekste u Kh. L. Borkhesa* [Narrative structure as a generator of sense. Borjes's text inside the text] In: [Sign system theories], 14th ed., pp. 45–65. (in Russian)
6. Lotman Ju. M. (1992) *Stat'i po semiotike i topologii kul'tury* [Articles on semiotics and topology of culture], Tallinn. (in Russian)

[хроника]

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ: КУЛЬТУРА МЫСЛИ И КУЛЬТУРА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

(Начало на с. 25, 34, 52. Окончание на с. 72)

рактер. Коллегой из Польши в совместном докладе (А. Дудзяк, Варминско-мазурский университет, Польша; М. В. Паюнена, Санкт-Петербургский горный университет) был представлен интересный статистический материал, а также рассмотрена проблема сближения академической традиции в преподавании языка и разговорной практики, разграничения письменной и устной речи. Подытожило рассуждение о вопросах культуры речи выступление, в котором было показано, как «отрицательный» дидактический материал способствует развитию грамотности студентов (Т. И. Вострикова, Астраханский государственный университет).

В рамках традиционной на конференции секции «Риторика как учение об эффективной речи в условиях современного информационного сообщества» рас-

сматривалось понимание риторики как раздела более общей науки — науки о речевом воздействии (доклад Е. С. Зориной, Санкт-Петербургский государственный университет). В докладе О. Г. Згурской «Обучение защите от манипуляций в курсе риторики» (Санкт-Петербургский горный университет) были продемонстрированы элементы методики анализа речевого поведения оратора-политика. Профессор О. И. Марченко (Санкт-Петербургский государственный университет) представила теоретическое осмысление античного риторического канона, а далее в рамках мастер-класса по технике речи со студентами 1 курса нефтегазового факультета продемонстрировала его практическое применение.

Лингвоэкологические вопросы приобретают актуальность и при изучении иностранных языков. Об этом, в частности, развернулась дискуссия на сек-

И. А. Мартьянова, Н. В. Богданова

ДРАМАТУРГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

IRINA A. MARTIANOVA, NATALIA V. BOGDANOVA
DRAMATIC INTERPRETATION OF IVAN TURGENEV'S NOVEL "FATHERS AND SONS":
LINGUISTIC ASPECTS

В статье анализируются лингвистические аспекты трансформации романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» в его драматургических инсценировках (1900–2003 гг.). Учитывается драматургический потенциал первоисточника. Делается вывод о том, что характер его трансформации обусловлен не только социокультурными факторами, но и избранной драматургом стратегией интерпретации.

Ключевые слова: диалогема; драма; интерпретация; роман; трансформация; эпилог.

The article is dedicated to the linguistic aspects of the transformation of Turgenev's novel "Fathers and Sons" in its dramatic interpretations of 1900–2003. The authors demonstrate dramatic potential of the novel and conclude, that the nature of its transformation is due not only to socio-cultural factors, but also to the interpretation strategy chosen by a playwright.

Keywords: dialogeme; drama; interpretation; novel; transformation; epilogue.

**Ирина Анатольевна
Мартьянова**

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
► irine.pismo@gmail.com

**Наталья Владимировна
Богданова**

Магистрант
► bogdanovanat93@gmail.com
Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
Набережная реки Мойки, д. 48
Санкт-Петербург, 191186, Россия

**Irina A. Martianova,
Natalia V. Bogdanova**
The Herzen State
Pedagogical University of Russia
48 naberezhnaya reki Moyki,
St. Petersburg, 191186, Russia

И. С. Тургенев, по мнению исследователей его творчества [1; 2; 7; 8; 9], является создателем русского реалистического романа, обнаруживающего «видимость свободного самодвижения событий, переживаний, поступков персонажей, самораскрытия сущности изображаемого» [9: 119]. Его повествователь объективен, дистанцирован от происходящего, выступает наблюдателем событий, довольно редко, как и А. С. Пушкин [2: 211], прибегающим к интроспекции и к пространным философским размышлениям. Средством характеристики психологического состояния его персонажей являются речь, жесты, поступки, зачастую лишённые развернутых авторских комментариев. По мнению Тургенева, «поэт должен быть психологом, но тайным: он должен знать и чувствовать корни явлений, но представляет только самые явления — в их расцвете или увядании» [13: 135].

Диалогическое взаимодействие персонажей выступает едва ли не главным средством сюжетного развития. Их объяснения могут занимать целые главы, у Тургенева всегда небольшие по объёму. Его романы выстроены как череда диалогических сцен — одно из проявлений драматизации тургеневской прозы. Некоторые исследователи даже усматривают в этом предвосхищение приемов кинематографа, отмечая, что сцены «чередуются с кинематографической быстротой, усугубляе-

мой не всегда заметными для неискушенного глаза зияниями между ними» [2: 205].

Первый роман Тургенева «Рудин» называют *драматизированным* [Там же: 241], поскольку персонажное слово составляет 80 процентов его текста. В «Дворянском гнезде» тенденция драматизации ослабевает и возрастает роль повествовательного начала. Однако, как было отмечено В. М. Марковичем, при ослаблении формального сходства с драматическим родом литературы, следующие романы Тургенева приобретают глубинные черты классической античной трагедии [9: 134–138]. В них образ природы, *равнодушной*, как и у Пушкина, коррелирует с образом античного рока. Идея человеческой ничтожности перед лицом высших сил проходит через все творчество Тургенева, с наибольшей силой проявляясь именно в «Отцах и детях», обладающих несомненным драматургическим интерпретационным потенциалом. Но в 1878 году сам И. С. Тургенев писал неизвестному адресату, что он «принципиально против всякого рода переделок романа для театра» [14: 479]. Заметим, что в этом, как и во многом другом, его позиция противоположна позиции Ф. М. Достоевского, который давал согласие на драматургическую переработку своей прозы [3: 20].

И тем не менее роман «Отцы и дети» неоднократно привлекал внимание драматургов. Его инсценировки относятся к разным периодам развития отечественного театрального искусства. Пьесы Л. Я. Никольского (1900) и И. В. Иванова (1915) приходятся на то время, когда эпос масово ставился на театральной сцене. С 1887 года Никольский был актером петербургского Александринского театра, играл в пьесах Д. И. Фонвизина, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, исполнял роль Пехтерьева в пьесе самого И. С. Тургенева «Завтрак у предводителя». Но постановка его собственной инсценировки «Отцов и детей», по-видимому, не состоялась [16: 619].

Автором второй пьесы, «Евгений Базаров», был И. В. Иванов — выходец из рабочей семьи, имевший начальное образование и писавший под псевдонимами Н. Анов и Каротин. Он был большевиком, предположительно участвовавшим

в октябрьских событиях, впоследствии ставшим советским писателем. В центре его пьесы оказывается образ революционера Базарова, при этом она лишена каких-либо примет тургеневского стиля, что особенно бросается в глаза при сопоставлении с пьесой Никольского, стремившегося сохранить их в подробных ремарках [6].

Оттепель возродила интерес отечественных театров к прозе Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева. В 1968 году создается третья пьеса по роману «Отцы и дети», авторами которой являются З. Я. Спекторская и М. К. Левина. Наконец, в 2003 году в Таллине на национальном фестивале драматических театров состоялась премьера его инсценировки, предложенной А. Шапиро. Этот признанный режиссер и театральный педагог сказал о тургеневском романе в начале нового века: «Его содержание оказалось настолько богаче того, что запомнилось со школы, разнообразнее и глубже того, что я вычитывал в нем раньше» [4]. За этим исключением театральные постановки романа, несмотря на его драматургический интерпретационный потенциал, редко становились выдающимися культурными событиями.

На судьбу спектакля влияет стратегия, избранная *вторичным автором* [15: 221], в диапазоне от буквального следования первоисточнику — до его ретекстуализации, осуществляемой на уровне макро- и микрокомпозиции совокупностью приемов: элиминацией, добавлением, заменой, перестановкой высказываний и их компонентов [11]. В обнаруженных нами инсценировках романа используются разные способы трансформации его текста, но в большинстве случаев это элиминация, которая кажется безобидной по сравнению с другими приемами. Инсценировки, в которых она господствует (пьеса Иванова), не обладают эстетической значимостью, но и установка на буквальное сохранение авторского слова (в пьесе Никольского) создает впечатление неполного переключения нарративного повествовательного режима в драматический.

Для объективной оценки спектакля необходимо предварительно сопоставить тексты романа и пьесы — основы сценического действия. До сих пор сопоставительному лингвистическому ана-

лизу подвергались типы информации, текстовые категории членности, связности и модальности, например, в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» и ее театральной версии — одноименной комедии М. А. Булгакова [11]. Однако недостаточное внимание было уделено изменениям, происходящим с такой единицей сверхфразовой организации прозаического текста, как диалогема. Она «представляет собой фрагмент текста, включающий диалог и сопровождающие его авторские слова, обладая при этом сигналами начала и завершения» [5: 333]. Перераспределение персонажной и авторской речи неизбежно в драматургической интерпретации: господство слышимого персонажного слова ведет к редукции авторской речи, к свертыванию ее до лаконичных ремарок, к редко звучащему *голосу за сценой*.

Как уже говорилось, в романе «Отцы и дети» автор не навязывает читателю свою точку зрения, его комментарии реплик персонажей, как правило, лаконичны. При этом диалогемы в романе могут быть весьма значительными по объему (например, объяснение Базарова с Одинцовой в XVIII главе романа). Их верхняя или нижняя граница нередко определяется вмешательством персонажа-наблюдателя, до поры молчавшего. То Аркадий произнесет реплику, демонстрирующую его приверженность взглядам *учителя*, то вездесущий Ситников вставит свой комментарий, то Николай Петрович попытается остановить разгорающийся конфликт брата с *синьором нигилистом*:

Павел Петрович слегка побледнел... Николай Петрович почел должным вмешаться в разговор:

— Мы когда-нибудь поподробнее побеседуем об этом предмете с вами, любезный Евгений Васильич; и ваше мнение узнаем, и свое выскажем. С своей стороны, я очень рад, что вы занимаетесь естественными науками. Я слышал, что Либих сделал удивительные открытия на счет удобрений полей. Вы можете мне помочь в моих агрономических работах: вы можете дать мне какой-нибудь полезный совет.

— Я к вашим услугам, Николай Петрович; но куда нам до Либиха! Сперва надо азбуке выучиться и потом уже взяться за книгу, а мы еще аза в глаза не видали.

«Ну, ты, я вижу, точно нигилист», — подумал Николай Петрович.

— Все-таки позвольте прибегнуть к вам при случае, — прибавил он вслух. — А теперь нам, я полагаю, брат, пора пойти потолковать с приказчиком.

<...> Павел Петрович медленно повернулся на каблуках и медленно вышел; Николай Петрович отправился вслед за ним.

В данной диалогеме обнаруживается позиция объективного наблюдателя, присущая Тургеневу [9: 118]. Казалось бы, такой характер соотношения авторского и персонажного слова способствует перенесению диалогом в драматургический текст практически без изменений, но сопоставительный анализ не подтверждает это предположение. Диалогемы романа (в том числе и приведенная выше) были значительно переработаны в пьесе А. Шапиро:

Пауза.

Николай Петрович. Мы еще побеседуем, Евгений Васильевич. Может, дадите совет в агрономии.

Базаров. Нам бы азбуку сперва выучить, а уж потом за книгу.

Николай Петрович. Все же позвольте прибегнуть при случае. Брат, нам пора к приказчику.

<...> Павел Петрович повернулся и вышел. Брат за ним.

Ремарка *Пауза*, предполагающая в том числе творческую свободу актеров в изображении взаимоотношений Павла Петровича и Базарова, подготавливает также вмешательство в их общение Николая Петровича. В репликах действующих лиц элиминирована большая часть высказываний и их компонентов, выражающих субъективную модальность, так как варьирование оценок и настроения является прерогативой актеров, меняющих рисунок роли от спектакля к спектаклю. Исчезает противопоставление внутренней и внешней речи Николая Петровича, нюансировка его отношения к Базарову также передоверяется актеру. Вследствие элиминации компонентов высказываний, снижается плотность связности текста, исключаются прецедентные феномены, малоизвестные современному читателю.

лю-зрителю (упоминание о Либихе и его трудах). Реплики персонажей адаптированы для сценического произнесения и восприятия. Бессоюзное сложное высказывание (*Вы можете мне помочь в моих агрономических работах: вы можете дать мне какой-нибудь полезный совет*) свертывается до простого односоставного (*Может, дадите совет в агрономии*). Полные высказывания становятся неполными, вследствие устранения местоимений (*прибегнуть к вам*). Заметим, что последние высказывания (*Павел Петрович повернулся и вышел. Брат за ним*) обнаруживают субъективацию ремарки [10: 197]. Этот эффект, в целом не характерный для драматургии, достигается заменой номинации *Николай Петрович*, используемой в романе, на лексему *брат*, ориентированную в пьесе на точку зрения Павла Петровича.

Пожалуй, еще более показательной является драматургическая интерпретация романного эпилога — труднейшая задача, требующая сценического изображения монологического авторского слова. Возможно ли в театральных условиях сохранить его философскую глубину и эмоциональную напряженность? К тому же в этом романе эпилог выполняет особую типизирующую функцию. Если в кульминационные моменты Базаров предстает как уникальная личность, то в эпилоге, в ситуации разрешения сюжетных коллизий, судьбы персонажей сопоставляются. Это в известной степени уравнивает их, в отличие от основного текста романа. В концепции В. М. Марковича [8] критериями их отнесения к высшему, среднему или низшему уровню человечности выступают соотношение идеального и материального в их жизни и мечтаниях, следование культурным традициям или, напротив, оторванность от них. Лирико-философские размышления автора в финале «Отцов и детей» разрушают представления об исключительности Базарова, оказавшегося бессильным перед общими законами природы, но достигшего *вечного примирения* после смерти.

В театральные инсценировки эпилог, как правило, не интерпретируется. Например, в пьесе Л. Я. Никольского изображена реакция действующих лиц на смерть Базарова, но подобное реше-

ние не способно выразить глубину романного эпилога, несмотря на попытку создать эмоциональную напряженность сцены:

Арина Власьева падает на пол, как подкошенная, к ней бросается Одинцова и Доктор. Василий Иванович опускается перед трупом Базарова на колени, как на молитву. Анфисушка и Тимофеев рыдают. Федька у средней двери остается ко всему безучастен.

В инсценировке И. В. Иванова (Каротина) используется голос за сценой для буквального цитирования эпилога. Однако и такое решение не представляется удачным, так как в драме априорно меняется характер восприятия прозаического текста, что, в свою очередь, делает необходимым трансформацию эпилога. В пьесе М. К. Левиной и З. Я. Спекторской действие завершается репликой Базарова: «И довольно! Теперь... Темнота...» Только А. Шапиро, инсценируя «Отцов и детей», в отличие от остальных драматургов, не игнорирует эпилог. Он предложил его интерпретацию, учитывающую формы присутствия театра в литературном тексте (сохранена авторская графическая аранжировка):

Базаров поднялся и медленно, затем быстрее стал кружиться в танце, уносящем его далеко. И всё осветилось тем особым белым светом, что приходит с жестокой тишиной безоблачных морозов. Её взорвёт мазурка, в которой запляшут все герои.

Лишь двое застынут — Василий Иванович с Ариной Власьевной. Для них

ВСЁ КОНЧЕНО.

Словосочетание *тишина безоблачных морозов* заимствовано из эпилога романа: «Прошло шесть месяцев. Стояла белая зима с жестокою тишиной безоблачных морозов, плотным, скрипучим снегом...» Для анализируемой ремарки характерна ирреальная модальность, связанная с переносом в воображаемое потустороннее пространство. При создании ирреального модального сдвига используется обособленное определение, в состав которого входит наречие *далеко*, в чьей семантике отсутствует сема предельности. Этому сдвигу также способствует прилагатель-

ное *особый*, подчеркивающее исключительность ситуации (*особым белым светом*), а также актуализация метафорических значений лексем (*жесткою тишиною, двое застынут*).

Финал пьесы говорит не только о смерти Базарова, но и о гибели культуры — утраченной красоты. По замыслу драматурга, возникает «тема затонувшего острова, уплывающей льдины, которую время уносит куда-то, в океан вечности» [12]. Белый ковер, лежащий на сцене, поднимается и окутывает предметы, людей, колонны, пре-вращающиеся в стволы деревьев:

На колоннах деревьев вы вдруг увидите портреты людей в овальных рамках, такие, как на кладбищенских надгробьях, — и в этот момент вы заплачете вместе со стариками Базаровыми, не только над их сыном, но и над чем-то более общим.

А. Шапиро с сочувствием цитирует чеховского персонажа: «Я как-то по-новому понял реплику Тригорина из „Чайки“: Все равно скажут — „Отцы и дети“ лучше» [4]. Разумеется, любая театральная инсценировка романа Тургенева рискует проиграть в сопоставлении с ним. Но и от вторичного автора, и от читателя-зрителя требуется понимание интерпретационного потенциала тургеневского текста и закономерностей его драматургической трансформации.

ИСТОЧНИКИ

- Иванов И. В. Евгений Базаров. Петроград, 1915.
Левина М. К., Спекторская З. Я. Отцы и дети. М., 1968.
Никольский Л. Я. Отцы и дети. М., 1900.
Тургенев И. С. Отцы и дети // Юбилейное издание: В 3 т. Т. 3. Романы. М., 2013.
Шапиро А. Отцы и дети. 2003.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962.
2. Батюто А. И. Тургенев-романист. Л., 1972.
3. Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. Т. 3. М.; Л., 1934.
4. Егоршина О. «Отцы и дети» на пороге «Балтийского дома» // Газета «Первое сентября». 2004. № 2. URL: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200400223> (дата обращения: 04.12.2017).
5. Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб., 2009.
6. Кржижановский С. Д. Театральная ремарка // Современная драматургия. М. 1992. № 2. С. 205–211.

7. Лебедев Ю. В. Тургенев. М., 1990.
8. Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева. Л., 1975.
9. Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). Л., 1982.
10. Одинцов В. В. Стилистика текста. М., 2010.
11. Спесивцева В. В. Композиционно-синтаксическая трансформация гоголевского текста в киносценарной интерпретации М. А. Булгакова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
12. Тимашева М. Театральный выпуск «Поверх барьеров»: Интервью с А. Шапиро // Радио «Свобода». 2004. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/th/2004/th.022104.asp>.
13. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 4. Л., 1967.
14. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 12. Кн. 1. Л., 1967.
15. Хализев В. Е. Драма как род литературы. М., 1986.
16. Юрьев Ю. М. Записки: В 2 т. Т. 1. Л.; М., 1963.

REFERENCES

1. Bialyi G. A. (1962) *Turgenev i russkii realizm [Turgenev & Russian Realism]*. Moscow; Leningrad. (in Russian)
2. Batiuto A. I. (1972) *Turgenev-romanist [Turgenev as a Novelist]*. Leningrad. (in Russian)
3. Dostoevskii F. M. (1934) *Pis'ma [Letters]*, in 4 vols., vol. 3. Moscow; Leningrad. (in Russian)
4. Egorshina O. «Ottsy i deti» na poroge «Baltiiskogo doma» [«Fathers & Sons» on the Threshold of the Baltic House Theatre]. *Pervoe sentjabrja [First September]*. Available at: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200400223> (accessed 04.12.2017). (in Russian)
5. Il'enko S. G. (2009) *Kommunikativno-strukturnyi sintaksis sovremennogo russkogo iazyka [Communicative-structural Syntax of the Modern Russian Language]*. St. Petersburg. (in Russian)
6. Krzhizhanovskii S. D. (1992) *Teatral'naiia remarka [Theatrical Remark]*. *Sovremennaiia dramaturgiia [Modern Drama]*, no. 2, pp. 205–211. (in Russian)
7. Lebedev Yu. V. (1990) *Turgenev [Turgenev]*. Moscow. (in Russian)
8. Markovich V. M. (1975) *Chelovek v romanah I. S. Turgeneva [Man in the Novels of I. S. Turgenev]*. Leningrad. (in Russian)
9. Markovich V. M. (1982) *I. S. Turgenev i russkii realisticheskii roman XIX veka (30—50-e gody) [I. S. Turgenev & Russian Realistic Novel of the 19-th Century]*. Leningrad. (in Russian)
10. Odincov V. V. (2010) *Stilistika teksta [Text Stylistic]*. Moscow. (in Russian)
11. Spesivceva V. V. (2008) *Kompozicionno-sintaksicheskaiia transformaciia gogolevskogo teksta v kinoscenarnoi interpretacii M. A. Bulgakova [Compositional-syntactic Transformation of the Gogol's Texts in the Bulgakov's Screenplays]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg. (in Russian)
12. Timasheva M. (2004) *Teatral'nyi vypusk «Poverh bar'erov» [Theatrical Issue «Over Barriers»]*. *Radio «Svoboda» [The «Svoboda» Radio]*. Available at: <http://archive.svoboda.org/programs/th/2004/th.022104.asp> (accessed 04.12.2017). (in Russian)
13. Turgenev I. S. (1967) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem [The Complete Works & Letters]*: in 28 vols., vol. 4 (The Letters). Leningrad. (in Russian)
14. Turgenev I. S. (1967) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem [The Complete Works & Letters]*: in 28 vols., vol. 12 (Letters). Iss. 1. Leningrad. (in Russian)
15. Halizev V. E. (1986) *Drama kak rod literatury [Drama as a Kind of Literature]*. Moscow. (in Russian)
16. Jur'ev Yu. M. (1963) *Zapiski [Memoirs]*: in 2 vols., vol. 1. Moscow; Leningrad. (in Russian)

Е. В. Киреева

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕЙЗАЖНЫХ ФРАГМЕНТОВ В ТРИЛОГИИ Ф. СОЛОГУБА «ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА»

EKATERINA V. KIREEVA

LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF LANDSCAPE FRAGMENTS
IN THE TRILOGY "A LEGEND IN THE MAKING" BY FYODOR SOLOGUB

**Екатерина Васильевна
Киреева**

Аспирант кафедры русского языка
филологического факультета

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Россия

► ventaglio@yandex.ru

Ekaterina V. Kireeva

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia

Научный руководитель:

д-р филол. наук, проф. М. Ю. Сидорова

В статье с точки зрения коммуникативной грамматики анализируются пейзажные фрагменты в романе Ф. Сологуба «Творимая легенда». Особенностью данных фрагментов является совмещение описания природы и перемещения персонажей. Также рассматриваются функции этого единства в раскрытии замысла автора. Для выявления лингвистических средств контрапунктной организации произведения проводится сопоставление анализируемых отрывков.

Ключевые слова: Ф. Сологуб; «Творимая легенда»; коммуникативная грамматика; коммуникативные регистры; перцептивный модус.

The author analyze the landscape descriptions in the trilogy "A Legend in The Making" by Fyodor Sologub with the help of communicative grammar approach, and conclude that the specific feature of these fragments is a combination of nature description with the movements of the characters; the functions of this unity are also a subject of analysis. Selected fragments of the work are compared for detecting the linguistic characteristics of its counterpoint shaping.

Keywords: Fyodor Sologub; "A Legend in The Making"; communicative grammar; communicative registers; perceptive modus.

Трилогия Ф. Сологуба «Творимая легенда» является ярким образцом символистской прозы. Прозаическим произведениям символистов свойственны лиризованность, двоемирие, особый язык, вобравший в себя особенности поэтической речи авторов. «Творимая легенда» тоже не стала исключением. Её необычная форма способствует выражению идеи автора о разрушительном лирическом и созидательном ироническом началах в жизни¹. Именно это противопоставление двух начал, двух жизненных принципов, а также противопоставление серого, обыденного существования и яркой, преображенной волей человека-творца жизни обуславливает зеркальную композицию романа и принцип контрапунктной организации сюжета [4: 51]. Согласно этому принципу, части произведения противопоставлены друг другу и в то же время связаны между собой. Они перекликаются друг с другом, образуя композиционное единство. Для реализации стратегии контрапунктной организации романа автор использует определённые языковые средства и приёмы.

С целью их выявления нам представляется важным рассмотреть пейзажные фрагменты, расположенные в начале разных частей произведения и задающие модели дальнейшего его построения.

Начало, наравне с заглавием, эпиграфом и финалом, является одной из сильных позиций текста. В нём «автор подчеркивает наиболее значимые для понимания произведения элементы структуры и одновременно определяет основные „смысловые вехи“ той или иной композиционной части (текста в целом)» [2: 133]. Так и при анализе романа Ф. Сологуба «Творимая легенда» нельзя не обратить внимание на начало произведения в целом и на начало отдельных частей и глав. Особая роль в них принадлежит **пейзажам**. Пейзажные фрагменты поставляют богатый материал для лингвистического анализа текста: «Простейший пейзажный фрагмент представляет собой описание определенного локуса, его наблюдаемых признаков, его сенсорно воспринимаемого состояния, внутренней пространственной организации, перечисление и качественную характеристику находящихся в нем предметов с точки зрения некоторого субъекта, находящегося в этом локусе, наблюдающего предметы и явления в их актуальной пространственно-временной локализованности» [7: 219]. Описание пейзажа организует пространственно-временной план произведения, в нем проявляется субъектная перспектива, а также могут вступать во взаимодействие различные коммуникативные регистры.

Пейзаж может являться читателю как статичная картина в репродуктивно-описательном регистре, фон, изображённый имперфективными и перфективными формами предикатов. Но в пейзаже может присутствовать и динамическая позиция наблюдателя, воспринимающего субъекта, и выражаться перцептивная точка зрения персонажа [Там же: 220–221, 237]. Тогда статика сменяется на динамику, причём не столько на динамику действия, сколько на динамику наблюдения. Ко всему прочему, включение события перемещения в пейзаж выполняет определённые композиционные функции, например, позволяет автору описать персонажа, сообщить важные сведения о нём и его внутреннем мире [Там же: 223].

В «Творимой легенде» часто происходят **перемещения** героев в пространстве. Они становятся движущей силой развития сюжета: роман начинается с движения героини по дорожке к дому Триродова, затем подробно описывается, как сёстры, Елисавета и Елена Рамеевы, следуют по подземному ходу к оранжерее. Шествует по навью тропе и вереница мертвецов с кладбища в тринадцатой главе. Перемещения персонажей в первой части («Капли крови») дублируются перемещениями королевы Ортруды во второй («Королева Ортруда»): действие второй части тоже завязывается во время пешей прогулки героини, а посещение Ортрудой тайного хода, ведущего в грот, зеркально отражает следование Елисаветы и Елены по подземному ходу усадьбы Триродова. Постепенно перемещения героев становятся всё существеннее. В конце второй части Ортруда плывет на остров Драгонера, где дымится вулкан, а в третьей Георгий Триродов и Елисавета совершают фантастическое путешествие на планету Ойле и в конце концов — перемещение в Королевство Соединенных Островов на летающем шаре-оранжерее. Большая роль путешествий и перемещений вообще в структуре романа отмечена в литературоведении: «...Единство художественного целого достигается в „Творимой легенде“ и развитием мотива путешествия» [4: 80]. В произведении присутствует мифологема пути. Дорога — это не просто конкретный локус, а символ судьбы, поиска, поэтому перемещения персонажей приобретают такое значение. Часто в произведении перемещение и описание пейзажа слиты в единое целое, пейзаж служит фоном перемещения, а перемещение — поводом попутно описать сменяющиеся пейзажи. Это позволяет автору более экономно представить информацию, придать пейзажу динамику и интегрировать действие героев и развитие сюжета с окружающей средой.

Обратимся к анализу начальных текстовых фрагментов частей и глав «Творимой легенды», в которых перемещение героев тесно связано с пейзажем.

Уже отмечалось [3; 4; 6], что композиция романа организована по принципу **контрапункта** — одновременного звучания нескольких сю-

жетных линий. Причём эти линии могут быть противопоставлены друг другу, но в то же время связаны между собой. Так, в «Творимой легенде» происходит постоянная переключка между сценами. Современники Сологуба критиковали разрозненность и разнородность частей романа, но М. А. Львова считает, что писатель намеренно использует приём монтажа [4: 16], и единство текста обеспечивается как раз за счёт многочисленных семантических и ассоциативных связей. Поэтому нашей целью является не просто анализ начальных позиций глав, но и их сопоставление.

Отправная точка движения персонажей в первой части — берег реки, в которой они купаются.

Наконец Елена оделась. Сестры поднялись по отлогой дорожке вверх от берега, и ушли, туда, куда влекло их любопытство. Они любили делать продолжительные прогулки пешком. Несколько раз проходили раньше мимо дома и усадьбы Георгия Триродова, которого они еще ни разу не видели. Сегодня им захотелось опять идти в ту сторону, и постараться заглянуть, увидеть что-нибудь.

Сестры прошли версты две лесом. Тихо говорили они о разном и слегка волновались. Любопытство часто волнует.

Извилистая лесная дорожка с двумя тележными колеями открывала на каждом повороте живописные виды. Наконец выбранная сестрами дорожка привела их к оврагу. Его заросшие кустами и жесткою травой склоны были дики и красивы. Из глубины оврага доносился сладкий и теплый запах донника, и виднелись там, внизу, его белые метелки. Над оврагом висел узенький мостик, подпертый снизу тонкими колыями. За мостиком тянулась вправо и влево невысокая изгородь, и в ней, прямо против мостика, видна была калитка².

Данный фрагмент представляет собой не только описание. В нём реализуется событие перемещения. Пейзаж меняется по мере движения действующих лиц, что выражается динамическими предикатами: *поднялись, ушли, прошли, привела*. Сначала проявляется позиция стороннего наблюдателя, на которую указывает глагол *ушли*. Это статичная точка зрения, установленная

в локусе бывшего пребывания сестёр — берега реки. Они словно бы уходят за рамки поля обзора невидимого наблюдателя, и перед ним остаётся опустевшая картинка берега. Непонятно, кто этот наблюдатель: может быть, это автор, который вскоре последует за Елисаветой и Еленой, а возможно, гимназист, который в предыдущей сцене наблюдал за ними из кустов. Даже локативный распространитель *от берега* указывает на точку отсчёта. Но далее читатель не остаётся в исходном пункте, а следует вместе с сёстрами. На отрыв от этой точки указывает номинатив *любопытство* (наблюдатель в лице гимназиста не может знать, какие чувства толкают сестёр пойти именно этой дорогой). Здесь фрагмент повествования заключается в модусную рамку «Я знаю», а значит, переходит в информативный регистр. Это план интерпретации, объяснение, почему героини пошли именно в том направлении. Последующие три предложения также представляют собой информативный регистр, а второй абзац завершается генеритивным: *Любопытство часто волнует*, в чем проявляется авторское присутствие. Кроме того, такое отвлечение от репродуктивного регистра позволяет пропустить не особо значимый в сюжетном плане фрагмент перемещения.

В третьем абзаце происходит смена синтаксического субъекта. Динамические предикаты сочетаются с неличными субъектами (*дорожка открывала, дорожка привела*). Г. А. Золотова называет такие глаголы **реляционными с локализирующим значением** [1: 67]. Они выражают не действия, а локативные отношения между предметами. С помощью них предмет характеризуется ориентированностью в пространстве.

По замечанию В. Е. Чумириной, в художественном тексте глаголы движения при предметном имени передают движение персонажа и одновременно могут быть поняты как олицетворение [12: 548]. Здесь мы имеем дело с неакциональными дериватами глаголов *открывала, привела* — глаголами движения, в которых утратилось значение акциональности и усилился перцептивный компонент [11: 14]. При олицетворении предметного субъекта обновляется стёртая метафора, лежащая в основе этих дериватов [12: 550]. С одной

стороны, в них опосредованно передаётся перемещение действующих лиц, ведь дорожка «приводит» куда-то потому, что по ней кто-то движется. Интерпретирующий внутритекстовый наблюдатель проявляет себя и в оценочных прилагательных фрагмента: *живописные, склоны были красавы, сладкий запах донника*, что указывает на присутствие воспринимающего субъекта. Здесь, как в типичном «пейзаже от героя» [13: 466], широко используется комплексное восприятие действительности: через обоняние — *доносился <...> запах донника*, через зрение — *живописные виды, виднелись метёлки, видна была калитка*, через осязание — *тёплый запах*. Причём в некоторых из этих примеров совмещаются «лексические единицы, обозначающие разномодальные признаки» [12: 542], — обонятельный и осязательный (*тёплый запах*), в чём проявляется синестетичность, в принципе свойственная творчеству символистов. «Использование этих сочетаний является одним из тактических приёмов, которым читатель исподволь погружается в изображаемый мир и оказывается во власти нужного автору настроения и ощущения» [Там же: 544].

В предикатах *виднелись, доносился, была видна* заложено присутствие наблюдателя. Это частноперецептивные номинации в репродуктивном регистре [9]. Все эти ситуации маркированы по перцептивному признаку, так как в них представлены отдельные каналы восприятия (*виднелись, были видны* — визуальный, а (*запах доносился* — обонятельный). Использование авторизационного глагола *доносился*, обозначающего дистантное восприятие, указывает на ненаблюдаемость фрагмента действительности персонажами, а глагол визуального восприятия *виднеться* — на зону неясной видимости: в его значении есть сема неполной видимости в результате отдалённости или частичной скрытости предмета (см. Словарь синонимов под ред. Ю. Д. Апресяна, в котором слово *виднеться* рассматривается в качестве аналога слова *казаться* [5: 202]). Всё это помогает автору реализовать стратегию создания двоимирия, атмосферы загадочности и таинственности, а также показать, что в мире есть нечто, что живёт своей жизнью и неподвластно человеку.

Приписывание активных действий неодушевлённым предметам также создаёт впечатлительные события, развивающихся самостоятельно: «...параллельным использованием при неодушевлённых субъектах типичных и нетипичных предикатов создаётся некая игра пространства с героем» [Там же: 550]. Хотя «способность одной и той же глагольной леммы обозначать активное действие человека и положение предмета в пространстве или наблюдаемое состояние предмета <...> — это системное свойство языка, которое может реализоваться в любом пейзажном тексте и не нести при этом никакой дополнительной смысловой нагрузки» [8: 13], здесь может вступить в силу специфика модусного плана. Аналогично тому, как в пейзажных фрагментах из «Властелина колец» Толкина, анализируемых М. Ю. Сидоровой, персонажи вступают «в локус, где, как им кажется, действует целенаправленная „злая воля Леса“» [Там же: 14], так и в «Творимой легенде» персонажи, тоже продвигаясь через лес, ощущают присутствие не зависящей от них силы.

Кажется, что пространство, в которое вступают сёстры, живёт по своим законам. Возможно, такая активность пространства объясняется тем, что оно чужое, незнакомое для героинь. Они не знают, чего ожидать от него, поэтому не могут полностью контролировать происходящее. Кроме того, этими и другими приёмами, сконцентрированными в начале произведения, предвещается будущее развитие событий. Чем ближе сёстры продвигаются к усадьбе Триродова, тем более загадочной становится обстановка. Усиливается фантастический элемент, пространство ведёт себя как сказочное. Причём передвижение действующих лиц по нему не случайно, оно как будто бы заранее планировалось и предвиделось, на что указывает наречие *наконец*, дважды встречающееся в отрывке. Оно словно бы поторапливает события, обеспечивая движение повествования вперёд. Также в нём заложена точка зрения персонажей. В первом случае — Елисаветы, которая с нетерпением ждёт, когда оденется её сестра (её нетерпение можно объяснить любопытством, желанием скорее пойти к усадьбе Триродова), а во втором — обеих сестёр, которым извили-

стая дорожка с множеством поворотов кажется слишком длинной. Опять же, причина этого — их любопытство и нетерпеливое желание достичь цели движения, а также то, что они уже не раз проходили по этой тропинке, из-за чего она стала казаться довольно однообразной. Возможно, поэтому пейзаж не описывается подробно (по сравнению с пейзажем во второй части — «Королева Ортруда»), а даётся лишь в основных чертах.

Когда дорожка приводит героиню к оврагу, динамика сменяется на статику: взгляду предстаёт вид, требующий внимательного рассмотрения. Поэтому и происходит замедление. Теперь смена описаний происходит не вслед за перемещением персонажей в пространстве, а вслед за движением их взгляда: по вертикали и по горизонтали. Взгляд опускается на дно оврага, где видит *белые метёлки* донника, затем поднимается к мостику и скользит направо, а затем налево вдоль изгороди. Такая пауза в ходе движения как бы обещает новый виток развития событий. Причём в реляционно-локализирующих предикатах также заключено присутствие наблюдателя: *мост висел, изгородь тянулась*. Такие глаголы «...Содержат описание положения предмета, задают позицию наблюдателя, через объект ориентируя читателя в пространстве» [11: 17]. Действительно, глаголы *висел, тянулся* указывают на зрительное восприятие пространства персонажами. Предикат *тянулся* открывает перспективу наблюдения: «Неакциональный глагол *тянуться* направляет взгляд по горизонтальной линии, создаёт глубокую перспективу пространства, используется для моделирования видов вдаль» [Там же].

Итак, в рассмотренном фрагменте доминирующий репродуктивно-описательный регистр, выраженный имперфективными предикатами (*открывала, были дики и красивы, доносился* и т. д.), сочетается с репродуктивно-повествовательным, информативным и генеритивным регистром. Точка зрения наблюдателя сначала динамична, перемещается по ходу движения. Затем она переходит в статичную: взгляд субъектов наблюдения скользит по вертикали и горизонтали. Мы видим, что уже в начале произведения закладывается модус персонажей и полиреги-

стивность, свойственная крупносюжетной художественной форме — роману.

Проследуем за персонажами дальше. Когда героини трилогии попадают за калитку, описание продолжается:

Был все такой же лес, как и до калитки, такой же задумчивый, и высокий, и разобцающий с небом, чарующий своими тайнами. Но здесь он казался побежденным человеческою деятельностью жизнью. Где-то недалеко слышались голоса, крики, смех. Кое-где попадались оставленные игры. Тропинки выходили иногда на усыпанные песком широкие дорожки. Сестры быстро шли по извилистой тропинке в ту сторону, откуда сильнее звучали детские голоса, вскрики, смехи и взвизги. Потом все это многообразие звуков стянулось и растворилось в звонком и сладком пении.

Наконец перед сестрами открылась небольшая прогалина овальной формы. Высокие сосны обстали вокруг этой лужайки так ровно, как стройные колонны великолепной залы. И над нею небесная синева была особенно яркою, чистою и торжественною. На прогалине было много детей, разного возраста.

Попад в двор усадьбы Триродова, сёстры видят происходящее всё более загадочным. В этом описании обращают на себя внимание адъективные сочетания, которые делают природу антропоморфной: *задумчивый лес, разобцающий с небесами, чарующий своими тайнами, казался побеждённым; сосны обстали*. В предикате *обстать* (устар. поэт.) совмещаются сразу два смысла: «встать» и «окружить» («обступить»)³. В причастиях *разобцающий* и *чарующий* заложена намеренность действия, каузация, намерение *разобцить* или *очаровать*, что создаёт эффект одушевлённости природы. Но это уже не тот дикий лес, живущий своей жизнью, по которому шли сёстры. Сравнение *обстали так ровно, как стройные колонны великолепной залы* выдаёт присутствие человека. На этот факт указывает американская исследовательница Айрин Мэсинг-Делик (Irene Masing-Delic) в своём очерке о «Творимой легенде» [14]. Пытаясь что-то противопоставить дикому, животному, хаотичному началу жизни, Триродов с помощью науки и искусства создаёт

свой собственный мир — школу, где дети учатся преодолевать животное начало. Они изучают природу, но не принимают её такой, какая она есть, потому что понимают, что она может быть усовершенствована человеком. Эта идея выражается в описании пейзажа. «When Elisaveta and her sister visit Trirodov's estate for the first time, they clearly perceive a difference between the ordinary forest and the one there. The forest on his estate is «vanquished» by Trirodov's botanical and architectural creativity, which has made pine trees resemble «slender columns forming a splendid hall» in the open air. In this hall, created by nature and man, happy children sign and dance, led by a beautiful maiden. Here the sky is reconciled with earth, because the light of the «flaming Dragon» is softened, and Old World chaos and haphazardness are regulated by creative aesthetics» [Там же: 183]. А. Мэсинг-Делик подчёркивает контраст между описанием дикого леса и леса, облагороженного деятельностью человека. При этом он не теряет своей тайны и очарования, в нём гармонично сочетается природное и культурное начало.

Причастия в этом фрагменте способствуют созданию регистровой неопределённости. Начатое в репродуктивно-описательном регистре, предложение переходит в информативно-описательный. Становится неясно: эти признаки свойственны лесу только сейчас, в момент восприятия, или всегда. Причём такой эффект создаётся именно благодаря причастиям, ведь они вносят в предложение дополнительную темпоральность, узуальное время. К тому же в этих определениях заложена оценочность. Причастия и другие определения (*задумчивый (лес), торжественная (синевя)*) словно переносят чьё-то восприятие на объект и приписывают ему эти свойства. Действительно, чувства Елисаветы и Елены — любопытство и заинтригованность происходящим — вполне соответствуют состоянию окружающего мира, и наоборот.

Воспринимающий субъект представлен здесь частноперецептивными предикатами *слышались, звучали*. Источники этих звуков сначала скрыты, персонажи слышат только звуки и идут на них, обнаруживая источник.

Вторая часть романа — «Королева Ортруда» — начинается с постепенного спуска от генеритивного регистра к информативному, происходит постепенное сужение регистровой перспективы (гл. 34, 35). Глава 34 открывается обобщённым высказыванием, в котором противопоставляются мечта и обычность, что перекликается с началом первой части, где происходит противопоставление легенды и грубой жизни. Объединяет эти вступления также мотив творения, созидания:

Обычность, — она злая и назойливая, и ползет, и силится оклеветать сладкие вымыслы, и брызнуть исподтишка гнусною грязью шумных улиц на прекрасное, кроткое, задумчивое лицо твое, мечта! <...>

Мы только верим, мы только ждем. Вы, рожденные после нас, созидайте.

Затем следует описание королевства Ортруды, в котором Сологуб отталкивается от уже известного нам описания России, строит повествование по принципу контрапункта (уже не серая, не мгlistая страна — а *иная страна, далёкий край, и там синее море, голубое небо*). Серое противопоставлено яркому, цветному, не случайно в этой главе больше цветowych эпитетов.

В этих абзацах начинается информативный регистр и продолжается в последующих.

<...> Эта страна — Соединенные Острова, где царствовала Ортруда, рожденная, чтобы царствовать. Острова, где она наслаждалась счастьем, истомилась печальями, на страстные всходила костры и погибла.

<...>

Ортруда имела редкое счастье наследовать престол еще до своего появления на свет и родилась королевою. Ее отец, король Роланд Седьмой, умер за несколько недель до ее рождения.

Здесь мы находим сначала проспекцию (автор забегаёт вперёд, приоткрывая читателю будущую судьбу Ортруды), а далее видим довольно пространную ретроспекцию в информативно-повествовательном регистре, занимающую две главы (гл. 34, 35). В них рассказывается о детстве Ортруды, юности, о встрече с принцем Танкредом, её будущим мужем, о замужестве, о восшествии на пре-

стол и о том, как Королевство оказалось под угрозой извержения вулкана на острове Драгонера. Время в этом отрывке максимально сжато: в нём помещены события нескольких десятилетий и события далёкого прошлого. Постепенно мы приближаемся к настоящему времени и спускаемся с высоты панорамного обзора всего Королевства до конкретного локуса, где застаём королеву и где, собственно, начинается развитие событий.

В этой же точке берёт начало репродуктивный регистр, перемежающийся с информативным, который выражается вставками рефлексивного сознания.

В неисчислимой повторяемости скучных земных времен, *опять повторяясь* беспощадно, *длился* багряный, знойный, непонятно почему радостно-яркий день. Он *слепил* глаза и *знал* под соломенные желтые навесы полуобнаженных работников и работниц с полей и плантаций. На пыльных дорогах он *воздвигал* ярко-фиолетовые мароки, и они *стекались* к перекресткам, *махая* призрачными рукавами на бесплотных руках и *пугая* темноглазых ребятишек, зашлывшихся в поле, вдали от дома. Над яркою синевую лазурного моря он *поднимал* от мгlistого горизонта миражи белых башен, оранжевых равнин и стройных зелено-золотых пальм.

Только лес *хранил* прохладу, тишину и покой. Молодая женщина, очарованная его тишиною, уже давно шла одна в его задумчивых сеньях, улыбаясь чему-то и сладко мечтая.

Здесь на информативный регистр указывают слова с семантикой повторения: *в неисчислимой повторяемости, опять повторяясь, длился день*. С помощью сочетания лексем с семантикой повторяемости и имперфективных глаголов, с помощью регистровой неопределённости создаётся ощущение вечно длящегося дня, медленного, застывшего времени.

И только следующее предложение придаёт тексту временную определённость. Хотя и в нём есть элементы, ей препятствующие, например наречие *давно*.

Уже в этом абзаце можно заметить переключку с началом первой части. Во второй части трилогии, как и в первой, начало перемещения служит началом действия и происходит на фоне

пейзажа. И там, и там локусом является лес (имеющий мифопоэтическое значение: «писатель синонимизирует лес со сферой хтонических ужасов» [4: 82]). Причём во второй главе тоже происходит антропоморфизация леса, на что указывает, например, сочетание лексемы *лес* с глаголом *хранит*.

Как и в «российских» главах, пейзаж здесь динамичен, совмещён с перемещением героини в пространстве:

Узкая тропинка, то мягкая от ярко-зеленых мхов, то рассыпчато-сухая под ногами, вилась совсем, по-видимому, ненужными, слабыми извилинами ленивой змеи среди густого, темного, но и в прохладных мраках своих все же яркого леса. Порою она *выбегала* к подножиям белых и зеленых скал, *взбиралась* косо на их крутые склоны, то голые, то заросшие колючими, ветвистыми травами с багряными и фиолетовыми цветами, от которых пахло странно и душно, или хитрым ужом *вползала* в узкие расщелины скал и *скользила* на дне глубокого провала, сжатого теснотою темных и высоких стен. Порою тропинка почти совсем *терялась* в гуще диких зарослей, и молодой женщине приходилось пробираться с трудом, отстраняя руками от смуглого, прекрасного лица упрямые ветки буйных на воле кустарников. <...>

Когда ручей, возникший из плескучих струй, под скалою, раскрыл в бассейне из пестрых, золотистых кремней свое прозрачное зеркало, молодая женщина застоялась на его хрупком берегу, наклонившись к изображению своего прекрасного лица, улыбаясь, любясь яркими розами смуглых щек и улыбающихся нежно уст. <...>

Пошла дальше, за собою оставив звонкий смех холодных струй, мимоходом поцеловавших ее колени. Тропинка *подымалась* в гору. Все более редкими становились *обставшие* ее деревья. Все круче поднимались острые ребра молчаливых скал, из-за которых, казалось, кто-то чужой и равнодушно-суровый следил тяжелыми взорами за идущую беспечно и смело красавицею. <...>

Вдали, между деревьями и скалами, блеснуло голубую, узкою, но радостною ленточкою море. Впечатление исхода из иного, древнего и темного бытия к светлым, звучным очарованиям жизни неотразимо овладело молодою женщиною. <...> Она *пошла* прямо к морю, с привычною внимательностью выбирая путь.

Этот фрагмент является зеркальным отображением пейзажа, который мы видим в начале первой главы первой части: Ортруда, как и Елисавета с Еленой, тоже идёт по извилистой тропинке, тоже встречает овраг, переходит водную границу (ручей), струи которого *целуют её ноги*, как и струи реки — ноги сестёр Рамеевых. Происходит даже лексическая переключка с фрагментом первой части: *Все более редкими становились обставшие ее деревья* (ср. *Высокие сосны обстали вокруг этой лужайки*). В этом фрагменте природа также антропоморфна. Тропинка уподобляется змее, живому существу. Пространство тоже как будто обладает своей волей, на что указывают акциональные глаголы: *вилась, выбегала, взбиралась, вползала, скользила, терялась*. Когда тропинка теряется, королева Ортруда снова становится субъектом при акциональных глаголах: *женщина застоялась, пошла дальше*. Потом тропинка, видимо, снова возникает, и акциональные глаголы переходят к ней: *тропинка подымалась*. На одушевлённость пространства указывает и следующий отрывок: *казалось, кто-то чужой и равнодушно-суровый следил тяжёлыми взорами за идущей бесечно и смело красавицею*.

Итак, мы видим, что в двух частях трилогии «Творимая легенда» завязкой действия служит **перемещение героев в пространстве на фоне пейзажа**. Это позволяет сделать композицию более компактной и ёмкой, вводя описания по ходу движения персонажей, и позволяет сохранить динамику повествования, не замедляясь на длинные описания. Кроме того, это создаёт модусную перспективу (под которой мы понимаем взаимодействие разных модусов в пределах одного фрагмента текста), тесно связывая окружающую обстановку с внутренним миром персонажей, делая пейзаж более субъективно окрашенным. Это проявляется в акциональных предикатах, сочетающихся с неличными субъектами. Происходит перенос внутреннего состояния тревоги или заинтригованности персонажей на внешний мир, за счёт чего природа предстаёт загадочной и одушевлённой, живущей собственной жизнью. Во второй части («Королева Ортруда») совме-

щение пейзажа и перемещения имеет ещё одну функцию — связующую, отсылающую читателя к первой части, что позволяет реализовать идею контрапункта.

В обоих этих зачинах в миниатюре реализовано несколько общих принципов построения «Творимой легенды» — перемещение как движущий компонент сюжета, связь перемещения с пейзажем (а значит, и большая роль модусного плана в произведении, окрашивающая внешний мир в тона оценки и восприятия персонажей), модусная неопределённость, приём контрапункта в организации композиции, многорегистровость. В этих фрагментах содержатся зачатки не только структурных, но и ведущих идейных принципов произведения: непостижимость и загадочность окружающего мира и победа человека над хаосом природного, животного начала; преобразование старого мира и создание нового, гармоничного, в котором природа будет облагорожена человеческим разумом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Две вечные истины, два познания даны человеку.

Одна истина — понимание лирическое. Оно отрицает и разрушает здешний мир и на великолепных развалинах его строит новый. <...>

Другая истина — познание ироническое. Оно принимает мир до конца. Этим покорным принятием мира оно вскрывает роковые противоречия нашего мира, уравнивает их на дивных весах сверхчеловеческой справедливости и, так взвешенный, такой легкий, предает мир тому, кто его навсегда разрушит» (Сологуб Ф. Творимая легенда: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 20).

² Все цитаты даются по изданию: Сологуб Ф. Творимая легенда: В 2 т. М., 1991.

³ См. толкование в словаре Д. Н. Ушакова: ОБСТАТЬ — обстану, обстанешь, сов. (к обставать), кого-что (устар. поэт.). Окружить, обступить [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
2. Купина Н. А., Николина Н. А. Филологический анализ художественного текста. 2-е изд., стереотип. М., 2011.
3. Ломтев С. В. Проза русских символистов. Пособ. для учителей. М., 1994.
4. Львова М. А. «Творимая легенда» Ф. Сологуба: проблематика и поэтика: Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2000.

5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Справочное изд. / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 202.

6. Рублева Н. И. «Творимая легенда» Федора Сологуба как явление русского неореализма: Дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2002.

7. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М., 2001.

8. Сидорова М. Ю. К развитию четырехступенчатой модели анализа текста // *Gramatyka a tekst* / Под ред. Henryk Fontański, Jolanta Lubocha-Kruglik. Katowice, 2014. Т. 4. С. 6–29.

9. Сидорова М. Ю. Поле зрения и звука в репродуктивном пространстве текста // *Вопросы русского языкознания*. М., 2000.

10. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994.

11. Чумирина В. Е. Тактические приемы моделирования пространства в художественном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

12. Чумирина В. Е. Роль перцептивного модуса в тактике моделирования художественного пространства // *Вопр. русского языкознания. Грамматика и текст*. М., 2011. Вып. XIV. С. 541–553.

13. Чумирина В. Е. Субъект в пейзажных фрагментах художественной прозы // *Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста*. М., 2002. С. 461–470.

14. Masing-Delic I. Abolishing death. A salvation myth of Russian twentieth-century literature // *Fyodor Sologub. A legend in the making*. Stanford University Press, 1992. P. 155–195.

REFERENCES

- Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. (2004) *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow. (in Russian)
- Kupina N. A., Nikolina N. A. (2011) *Filologicheskii analiz khudozhestvennogo teksta* [Philological analysis of literary text], 2nd ed., stereotype, Moscow. (in Russian)
- Lomtev V. (1994) *Proza russkikh simvolistov* [Prose of the Russian symbolists]. A Handbook for teachers. Moscow. (in Russian)
- Lrova M. A. (2000) «*Tvorimaia legenda*» F. Sologuba: *problematika i poetika* [«A Legend In The Making» by F. Sologub: problematic and poetic] (Candidate's thesis, Philology), K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl. (in Russian)
- Apresyan V. Yu., Apresyan Yu. D., Babayeva, E. E. et al. (2003) *Novyi ob'iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo iazyka* [New explanatory dictionary of synonyms Russian language] A reference edition. 2nd ed. Moscow, p. 202. (in Russian)
- Rubleva N. I. (2002) «*Tvorimaya legenda*» Fedora Sologuba *kak yavlenie russkogo neorealizma* [«A Legend In The Making» by Fyodor Sologub as a phenomenon of Russian neo-realism] (Candidate's thesis, Philology), Volodga State Pedagogical University, Volodga. (in Russian)
- Sidorova M. Yu. (2001) *Grammatika khudozhestvennogo teksta* [Grammar of a literary text]. Moscow. (in Russian)
- Sidorova M. Yu. (2014) *K razvitiu chetyrehstupenchatoi modeli analiza teksta* [To develop four-stage model analysis of the text]. In: Fontański H., Lubocha-Kruglik J., eds. *Gramatyka a tekst* [Grammar and Text]. Oficyna Wydawnicza WW Katowice, vol. 4, pp. 6–29. (in Russian)
- Sidorova M. Yu. (2000) *Pole zreniya i zvuka v reproduktyvnom prostranstve teksta* [Field of sight and sound in the reproductive space of the text]. *Voprosy russkogo iazykoznanii* [Issues of Russian linguistics]. Moscow. (in Russian)
- Ushakov D. N. (1994) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of Russian language], in 4 vols. Moscow. (in Russian)
- Chumirina V. E. (2005) *Takticheskie priemy modelirovaniia prostranstva v khudozhestvennom tekste* [Tactical methods modeling of space in a literary text] (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow. (in Russian)
- Chumirina V. E. (2011) *Roľ' pertseptivnogo modusa v taktike modelirovaniia khudozhestvennogo prostranstva* [The role of perceptual modus in tactic simulation art space]. In: *Voprosy russkogo iazykoznanii. Grammatika i tekst* [Russian linguistics. Grammar and text], vol. 14, Moscow, pp. 541–553. (in Russian)
- Chumirina V. (2002) *Sub'ekt v peizazhnykh fragmentakh khudozhestvennoi prozy* [The subject in the scenery fragments of prose]. In: *Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta* [Communicative-semantic parameters and grammar of the text], Moscow, p. 461–470. (in Russian)
- Masing-Delic I. (1992) *Abolishing death. A salvation myth of Russian twentieth-century literature*. In: *Fyodor Sologub. A legend in the making*. Stanford University Press, pp. 155–195. (in English)

[хроника]

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ: КУЛЬТУРА МЫСЛИ И КУЛЬТУРА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

(Окончание. Начало на с. 25, 34, 52, 58)

ции «Традиционное и новое в практике преподавания русского языка как иностранного». Были рассмотрены технологии музейной педагогики при формировании у иностранных студентов различных видов коммуникации: межкультурной (Г. О. Дудина, Военная академия материально-технического обеспечения, Санкт-Петербург) и профессиональной (Е. С. Безбородкина, Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова, Санкт-Петербург; Ю. Д. Полякова, Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина, Москва). Участники конференции обратили внимание на образовательные возможности использования интернет-ресурсов при обучении языку специальности будущих инженеров (Е. В. Ермакова, Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина, Москва) и будущих артистов балета (Е. В. Соколова, Санкт-Петербург). При обсуждении лингвометодических вопросов коллеги из Санкт-Петербургского государственного университета пред-

ставили параметры системного лингводидактического описания уровней владения РКИ для продвинутого этапа (доцент Д. В. Колесова) и принципы разработки учебного комплекса для подготовки будущих преподавателей РКИ (профессор Н. Л. Федотова).

На мастер-классе профессора РГПУ им. А. И. Герцена К. П. Сидоренко «Заметки об интертекстовой рефлексии романов И. Ильфа и Е. Петрова (к вопросу об экологии языка)», который состоялся во второй день конференции, завершилось обсуждение лингво-экологической проблематики. При подведении итогов участники конференции в качестве одной из ведущих задач преподавателей филологических дисциплин назвали развитие у студентов культуры речевого общения.

Д. А. Шукина, д-р филол. наук, проф.,
зав. кафедрой русского языка и литературы
Санкт-Петербургского горного университета

НЕИСКОННО РУССКАЯ РЕЧЬ ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. ЧЕРНЯВСКОГО-ЧЕРНИГОВСКОГО «СЕМЬ ЛУН БЛАЖЕННОЙ БРИГИТТЫ»)

NATALIA V. TSHUIKINA

UNORIGINAL RUSSIAN SPEECH OF A LITERARY TEXT CHARACTER:
A CASE STUDY OF THE "SEVEN MOONS OF BRIGITTA THE BLESSED" NOVEL
BY ALEXANDER CHERNYAVSKY-CHERNIGOVSKY

**Наталья Владимировна
Чуйкина**

Кандидат филологических наук, лектор
Института гуманитарных исследований
Таллинский университет
Нарвское шоссе, д. 25,
Таллин, 10120, Эстония
► natalia.tshuikina@tlu.ee

Natalia V. Tshuikina
Tallinn University
25, Narva mnt.
Tallinn, 10120, Estonia

В статье рассматривается проблема функционирования неисконно русской речи на особом материале, а именно в ткани повествования художественного произведения. Проведенный анализ нестандартных, с точки зрения носителя русского языка, конструкций позволяет охарактеризовать образ речи инофона, существующий в обыденном языковом сознании носителя языка, отображенный в речи персонажа художественного текста. Для анализа речевого поведения персонажа применяются концепции изучения языковых явлений с точки зрения исследований в области эритажного (унаследованного) языка и русского как иностранного, а также установки для функционирования русского языка как лингва франка. Представленный материал демонстрирует определенные лингвистические стратегии, которые становятся способом характеристики действующего лица, и восприятие читателем полученного образа проецируется на общий смысл художественного произведения.

Ключевые слова: формы бытования языка; неисконно русская речь; эритажный язык; инофон; лингва франка; художественный текст.

The article analyses functions of unoriginal Russian speech (the speech of a foreigner) in a literary text. The analysis of constructions, which are non-standard from a native Russian speaker's point of view, gives grounds for describing an image of a foreigner's speech, which does exist in the mind of an ordinary Russian native speaker and is reflected in the linguistic behavior of the fictional character. The methods of studies of the 'heritage language' phenomena and of studies of Russian as a foreign language, as well as of the studies of a lingua franca communication have been applied for the analysis the character's linguistic behavior. As a result, the author demonstrates specific linguistic strategies, becoming the means of the hero's characterization. Reader's perception of the character's image is projected onto the whole meaning of the work of fiction.

Keywords: varieties of language existence; unoriginal Russian; heritage language; foreign language speaker; lingua franca; literary text.

Введение

Настоящая статья посвящена, с одной стороны, т. н. грамматике ошибок, а с другой — использованию приема организации неисконно русской речи персонажа в художественном тексте.

В последнее время в языкознании наблюдается повышенное внимание к формам бытования русского языка [4; 8; 10; 14] и в особенности к проблеме неисконно русской речи [13; 15; 19; 20], так как, по мнению исследователей-лингвистов, анализ примеров ошибочного речепорождения может способствовать не только практическому описанию «конкретной причины нарушения правильности в данной точке системы» [3: 7], но и выявлению общих лингвистических механизмов (стратегий) выбора языковых форм и конструкций.

Толчком к системному подходу в исследовании разных форм бытования русской речи стал программный доклад Ю. Н. Караулова «О состоянии русского языка современности», в котором он выделил восемь форм существования русского языка и представил их в рамках теории языковой личности [10]. Так, среди привычно выделяемых форм (язык древних памятников письменности; язык народных говоров, диалектов; письменный язык литературы, средств массовой информации и государственной документации; повседневный разговорный язык и просторечие; научно-технический и профессиональный язык; язык электронно-вычислительной среды) особое место занимают неисконно русская речь и язык русского зарубежья [6; 7; 9; 11].

Опубликованные в различных авторитетных изданиях работы по изучению корпуса текстов неносителей русского языка, а также носителей т.н. эритажного русского имеют своей целью структурировать накопленный за многие годы эмпирический материал, содержащий ошибки в применении русского языка, с целью заполнения лакун, существующих в правилах русской грамматики [16; 21; 22]. Собранные на данный момент контексты позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на черты сходства в языковом выражении носителей эритажного русского языка и инофонов, выражающиеся в принципе композициональности построения собственного текста, существуют различия между ними в том, как «неправильно» они вербализуют свои мысли. Если для изучавших русский язык как иностранный скорее свойственно использование большого

количества калек с родного языка в своей речи, то носители эритажного языка допускают такого рода ошибки в четыре раза реже — они применяют стратегию «изобретения» конструкций, отсутствующих в обоих языках, т.н. не-кальки [3].

С точки зрения практического применения любого иностранного языка, на наш взгляд, следует принимать во внимание те установки, которые выделяет в своей статье А. Мустайоки для лингва франка: концентрация на коммуникации, а не на средстве общения; языковое упрощение речи (в соответствии с системой языка); редукция целей коммуникации; применение надлежащего реципиент-дизайна [18].

То есть человек, для которого русский (любой) язык не является родным, для достижения целей коммуникации следует определенными стратегиями и тактиками для адекватного выражения своей мысли. Примеры А. Мустайоки по сути говорят о том, что инофон во избежание коммуникативной неудачи (miscommunication) не использует, как правило, проективные высказывания (на комплексность которых указывали в свое время [2]) и сложный синтаксис.

Теоретически можно предположить, что автором художественного текста избираются те же стратегии передачи неисконно русской речи своих иноязычных персонажей, а также носителя русского языка, выдающего себя за иностранца.

Цель

В ходе анализа текстового материала предстоит определить, за счет чего происходит авторская стилизация русского под нерусский, в какой мере преобразованная речь персонажа отвечает тем критериям, которые действительно свойственны речи инофона: т. е. что может быть в реальной ситуации применения неродного русского языка, а что окажется вымыслом автора произведения. Также необходимо выяснить, как соотносится прием стилизации и художественный замысел произведения.

Методы и материалы

Материалом для исследования послужил текст романа А. Чернявского-Черниговского «Семь

лун блаженной Бригитты», а именно реплики главного персонажа, имитирующего речь иностранца. Языковой материал был отобран методом сплошной выборки, при помощи описательного анализа репрезентируются основные черты представленных речевых нарушений, сравнительный анализ применялся для выяснения природы ошибочных конструкций, когнитивный анализ использован для выявления проекции отмеченных лингвистических явлений на смысл текста.

Результаты

Наблюдения за речевым материалом показали, что авторская стратегия стилизации речи персонажа под неисконно русскую не является последовательной с точки зрения реально возможных ошибок, присутствующих в речи инофонов. Однако набор выбранных писателем нарушений отражает представление носителя обыденного языкового сознания о речи иностранца на русском языке.

Обсуждение

В 2016 году вышел в свет (во второй раз, впервые издан в Таллинне в 1938 году) роман русского писателя и публициста-эмигранта А. Чернявского-Черниговского «Семь лун блаженной Бригитты», который повествует о деятельности торговой делегации Советской России в начале 1920 года в Таллинне (Ревеле), но в первую очередь о том, как ротмистр Василиск (от лица которого ведется повествование) с помощью своих соратников похищает реквизированные советской властью сокровища; цель поступка бывших офицеров Северо-Западной армии — передать ценности вдовствующей императрице Марии Федоровне для освобождения России от власти большевиков. Описанные события сопровождаются повествованием об авантюрных приключениях главного героя в Ревеле, их географию роман позволяет восстановить до мельчайших деталей. Основанный на реальных исторических событиях, происходивших в столице Эстонии в описываемое время, роман также не лишен мистических, романтических и даже эротических мотивов. Истории создания романа и его культуроло-

гическим корням посвящена монография Аурики Меймре «А. Чернявский и его роман „Семь лун блаженной Бригитты“. Комментарий» [12], сопровождающая переиздание самого произведения.

Роман А. Чернявского является лишь небольшой частью литературного наследия русской эмиграции 1918–1940 гг. в Эстонии, тем не менее он позволяет составить некоторое представление о жизни общины, которая не только стремилась сохранить национальные исторические ценности и передать их будущим поколениям, но и создавала новые произведения, отражающие особенности культурной и политической жизни русского зарубежья.

Одной из отличительных особенностей анализируемого произведения является исключительное многоголосие: представленное в виде записок ротмистра повествование от первого лица, включение в ткань романа большого количества интертекстов (подробнее об этом [5]), диалоги действующих лиц, речевые особенности которых становятся основным средством их характеристики. Автор тщательно «прописывает» черты речевых портретов своих персонажей через стилевые, диалектные особенности их речи, а также имитацию акцента, т. е. стремится использовать такие приемы речевой характеристики, которые отразили бы формы бытования русской речи, в т.ч. и за рубежом.

Рассмотрим пример авторской стилизации речи ротмистра Василиска. По-видимому, само имя главного героя романа выбрано не случайно: образ василиска в культуре (в первую очередь в мифологии) имеет длинную историю, описания его внешности противоречивы, а сущностные характеристики составляет представление о смертельной опасности для врагов.

Ротмистр становится случайным свидетелем ночного приезда в Ревель советской торговой делегации, которая испытывает трудности с поиском нужной гостиницы. Обнаружив, что в перевозимых мешках находятся сокровища Российской империи, и мгновенно выстроив план похищения ценностей, Василиск предлагает свою помощь, «замаскировавшись» под английского инженера Джефферсона.

Поскольку текст существует только в письменной форме, невозможно в полной мере оценить «истинность» фонетических особенностей речи инженера Джефферсона-Василиска, поэтому остановимся на тех способах стилизации, которые нашли отображение в романе.

В первую очередь персонаж демонстрирует владение якобы родным английским языком (ему надо ввести оппонентов в заблуждение!) и включает в свою речь непереуведенные элементы: «вэри-вэл», «рашенделегешен», «хозяин must come», «гуд бай», «гуд ивнинг» (с. 38–64) и другие простейшие английские высказывания, легко распознаваемые даже теми, кто совершенно не владеет английским языком.

С точки зрения т.н. системных ошибок (т. е. тех, которые совершаются инофонами по причине несовпадения двух лингвистических систем) вполне ожидаемыми оказываются случаи некорректного использования глагольного управления, а именно предложно-падежных форм. Англичанин Джефферсон, например, в одних случаях использует русский предлог, но ошибается в управляемом им падеже, вернее, использует именные части речи в исходной словарной форме:

С Лондон. Я говори на ваш рашен язык. Я делал война с рашен товарищи (с. 38).

Английский инженер. От майор Клазинг (с. 39).

Я думаю, что это он скоро... примет дела от мистер Чичерин (с. 88).

Но от моих скупщиков лен на Чудское озеро я узнал, Балахович не подчинился под мирный договор (с. 97).

Кто это из ваших историков написал про большую революцию, бывший в Россия после Иван Грозный? (с. 107)

Никогда не слышал о такой человек (с. 116).

То же можно сказать и о беспредложных вариантах русских падежей. Джефферсон намеренно пользуется этим приемом и вместо косвенных падежей употребляет именительный, см., например:

Мне нет с вам никакой разговор. Дайте пройти английский инженер (с. 70).

И положение мистер Красин тоже очень непрочный (с. 88).

Подобные ошибки определяются тем, что аналитический строй английского языка для управления использует систему предлогов с объектным падежом, который не имеет отдельной формы выражения для всех частей речи, кроме личного местоимения. В случаях же беспредложного управления важным становится порядок слов в предложении. Для инофона, ведущего разговор на русском языке, использование нормативного падежного окончания действительно представляет трудность, а на низком уровне владения русским языком англоговорящие иностранцы довольно часто обходятся лишь использованием предлога, что и демонстрируют приведенные выше примеры.

Лишь однажды Джефферсон-Василиск использует предлог там, где он должен быть в английской модели (по-видимому, *come under command*), но отсутствует в русской:

Но от моих скупщиков лен на Чудское озеро я узнал, Балахович не подчинился под мирный договор (с. 97).

Во всех остальных случаях мы видим, что англичанин Джефферсон прекрасно справляется с выбором управляемых предлогов, но не в полной мере овладел системой русских падежных окончаний. Интересно, что даже там, где употребление предлога в английском языке не предполагается, Джефферсон не пользуется калькой (*Я говори на ваш рашен язык* (с. 38) — *I speak your Russian language*) и не смешивает с употреблением наречного сочетания (*О, да! Экселенц, может быть гарантирован. Мои спутники ничего не понимают по-русски* (с. 88)), что весьма распространено среди реально существующих инофонов.

В своем стремлении быть убедительным, герой делает и другого рода ошибки, типичные для иностранцев вообще. Например, употребление глагола-связки «есть», которая в русском предложении эксплицируется в значении «наличие» в функции вспомогательного средства при выражении ремы (ср.: *в доме есть отопление, у Ивана есть сестра*):

Вообще, наш концерт есть к услугам вашим, экселенц. Всегда и во всем отношении (с. 92).

*Господин военный агент не должен это говорить, когда англичанин **есть** здесь* (с. 119).

В речи Джефферсона довольно много и других погрешностей, среди которых особое доверие вызывают формы глагола:

*Черт вас уברי, рашен товарищи. Революция — это вы, черти, **умеете** делай. А другой дел никакой **не умеет**. Оль райт. Вас сейчас **будут впустить**. Есть у вас эстонский деньга или английский фунты? Тут **плати надо**. Все деньга плати* (с. 38).

Уже этот небольшой отрывок широко демонстрирует палитру ошибок инофона в употреблении глагола: формы времени и лица, побудительные конструкции.

Как уже говорилось выше, ошибки в речи Джефферсона-Василиска представлены непосредственно. Отсутствие нарушений в области порядка слов и актуального членения предложения выдают в нем носителя русского языка. Даже если рассмотреть фразы, которые могут показаться не вполне русскими:

*Для этих джентльмен **реквизирован** правильство 25 номера* (с. 39).

С одной стороны, выбранная говорящим глагольная форма «намекает» на возможное английское происхождение этой ошибки. Еще П. Адамец [1: 64], разбирая такого типа примеры в русском языке (со ссылкой на замечание В. Матезиуса об использовании здесь пассива для английского высказывания), также подчеркивал пассивное значение линейно-динамической структуры с подобного типа дополнением-объектом (25 номеров). Но в английском предложении указанный объект не мог бы оказаться в конечной позиции в предложении.

Представленная ниже ремарка также вписывается в систему русского актуального членения предложения с общеинформативной функцией. Выражающее отрицательную модальность, такое предложение считается мало применимым, хотя и более распространенным в ситуации, когда дополнение-объект выражено личным местоимением [Там же: 61]:

Эти русские дела меня теперь совершенно не интересуют (с. 89).

Таким образом, исследуемый материал позволяет сделать вывод о том, что представленная в романе языковая личность инженера Джефферсона не могла бы существовать, так как набор его т.н. системных ошибок оказывается не всегда закономерным ни с точки зрения возможного калькирования с родного (английского) языка, ни с точки зрения «изобретения» новых речевых структур, что могло бы быть свойственно носителю эритажного языка — подобных моделей не было обнаружено.

Тем не менее носитель этого художественного акцента до определенного момента (саморазоблачения) следует стратегиям применения русского языка как лингва франка, т. е. языка международного общения. Если абстрагироваться от художественного замысла произведения и от истинных целей героя произведения, языковой материал первой встречи Джефферсона-Василиска с представителями делегации демонстрирует концентрацию на цели общения, которую он редуцирует как бы до минимума (представиться, оказать сильную помощь и т. д.), максимально упрощенную речь с ошибками, так как ему не важна грамотность. Приспособление же речевого поведения к ментальному миру собеседника (выбор реципиент-дизайна) прослеживается не только в репликах персонажа, но и в ремарках автора записок:

Цедя медленно, сквозь зубы, преувеличенно правильные грамматически русские фразы, я представил Гуковскому (председатель Торгделегации. — Н. Ч.) моих спутников. Язык разговора на приеме был у меня заранее тщательно психологически обдуман. Здесь, с интеллигентным человеком, игра в русское иностранца «из Парижа и Лондона» оказалась бы прямо нелепой. С простолюдинами и с пьяными (имеется в виду в первую очередь Рыкаткин, комендант штаба Торгделегации, посредник между Гуковским и поставщиками. — Н. Ч.) надо было коверкать русский язык. И чем беспардоннее, тем лучше. Но тут мой русский язык должен был быть правильным. И даже преувеличенно школьно правильным. Но в видах и залогах глаголов я намеренно ошибался (с. 86).

Приведем примеры, демонстрирующие коммуникативно-речевую установку говорящего:

Пока это мистер Чичерин. И мистер Красин. Но, пожалуй, ненадолго, так как оба они чужие для этой ...party (с. 88).

Но знаете ли вы, что настоящий Балахович действительно будет прийти сюда. Я думаю, что он сейчас скачет где-нибудь по дороге на Ямбург (с. 96).

Он думает отрезать рашен делегацию, которая здесь в Ревеле сидит. И хочет получить ваше золото и бриллианты. Балахович очень мало думает: дипломатическая неприкосновенность. Вам, джентльмены, грозит опасность. Будет нехорошо. Вы попадите в лапы Балахович (с. 97).

Вы сказали, что я могу вам помочь. И в чем есть мое дело? (с. 118).

Заключение

Конечно, создавая художественное произведение, автор не ставил своей целью точное воспроизведение неисконно русской речи и, тем более, соответствие стратегий говорящего персонажа стратегиям пользователей лингва франка. Подобное совпадение намерений говорит лишь о естественности процессов, происходящих в реальной коммуникации и произвольно отображенных в произведении первой половины XX века. Очевидно, что набор неправильностей речи Джефферсона-Василиска является стилизацией его речи под речь англичанина и автор не ставил своей целью отобразить эти особенности с лингвистической точностью. И тем не менее автор отразил представления об образе русского языка в сознании инофона, существующие в обыденном сознании носителя русского языка, в котором, по мнению Н. Л. Чулкиной [17], хранятся разнообразные по содержанию и значимости знания о мире. Образ неисконно русского языка складывается в виде определенного набора моделей и стереотипов: нестандартное произношение, ошибки в употреблении словоформ и заместительное использование слов родного языка.

Что касается самого приема стилизации речи персонажа под неисконно русскую в художественном тексте, то он формирует дополнительный смысловой пласт. А именно Джефферсон — это подделка, за которой скрываются истинные цели персонажа, ротмистра Василиска.

ИСТОЧНИК

Чернявский-Черниговский А. Семь лун блаженной Бригитты. Роман. М., 2016.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
3. Выренкова А. С., Полинская М. С., Рахилина Е. В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эригажный» («унаследованный») русский язык // Вопр. языкознания. 2014. № 3. С. 3–19.
4. Гловинская М. Я., Галанов Е. И., Ермакова О. П. и др. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008.
5. Данилевский А. «Чужое слово» в романе // Меймре А. А. Чернявский и его роман «Семь лун блаженной Бригитты». Комментарий. М., 2016. С. 139–153.
6. Земская Е. А. О языке русского зарубежья // Simpozij Obdobja 20: Slovenski knjižni jezik — aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje. Ljubljana, 2003. С. 95–106.
7. Земская Е. А., Гловинская М. Я., Бобрик М. А. Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты. М.; Вена, 2001.
8. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
9. Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья // Вопр. языкознания. 1992. № 6. С. 5–18.
10. Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. Докл. на конф. «Рус. яз. и современность. Пробл. и перспективы развития русистики» и матер. почт. дискус., в которой приняли участие Ю. Д. Апресян и др. М., 1991.
11. Костанди Е. И. Русская разговорная речь в условиях диаспоры: форма, содержание, прагматика (русская речь в Эстонии) // „Mówimy, jak mówimy...”. Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne. Źhismonograafia. Gdańsk, 2014. С. 256–270.
12. Меймре А. А. Чернявский и его роман «Семь лун блаженной Бригитты». Комментарий. М., 2016.
13. Моисеенко И. М., Замковая Н. В. Нарушение языковых норм в письменной русской речи двуязычных учащихся, получающих образование на эстонском языке // «Я» и «Другой», свое и чужое в культуре Эстонии. М., 2015. С. 132–143.
14. Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопр. языкознания. 2013. № 5. С. 3–27.
15. Протасова Е. Ю. Письменные тексты билингов // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. 2014. № 3 (56). С. 115–119.
16. Рахилина Е. В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Русский язык за рубежом. 2016. № 3. С. 20–25.
17. Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание. М., 2009.

18. Mustajoki A. Why is miscommunication more common in everyday life than in lingua franca communication? // *Current Issues in Intercultural Pragmatics*. John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 55–74.

19. Mustajoki A., Protasova E., Vakhtin N. (eds.) *Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approach to non-standard Russian* (Slavica Helsingiensia 40). Helsinki: Helsinki University Press, 2011.

20. Rakhilina E. V., Vyrenkova A. S. *Language Interference in Heritage Russian: Constructional Violations / Working papers by NRU HSE. Series WP BRP «Linguistics»*. 2014. N 11.

21. Vyrenkova A. S., Rakhilina E. V. *Learner corpora supporting lexical typology // XVII April International Academic Conference on Economic and Social Development: in 4 books / Ed.: E. G. Yasin, Vol. 4. M., 2017. P. 450–460.*

22. Zarifyan M., Melnik A. A., Vyrenkova A. S. *A case of using a Multilingual Database of synonyms for designing lexical drills // NRU HSE. Series WP BRP «Linguistics»*, 2016.

REFERENCES

1. Adamets P. (1966) *Poriadok slov v sovremennom russkom iazyke [The order of words in the modern Russian language]*. Prague. (in Russian)
2. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. (1990) *Iazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo [Language and culture: linguistic and cultural studies in teaching Russian as a foreign language]*. Moscow. (in Russian)
3. Vyrenkova A. S., Polinskaia M. S., Rakhilina E. V. (2014) *Grammatika oshibok i grammatika konstruktsii: «eritazhnyy» («unasledovannyy») russkii iazyk [Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык]. Voprosy iazykoznanii [Topics in the study of language]*, no. 3, pp. 3–19. (in Russian)
4. Glovinskaia M. Ia., Galanov E. I., Ermakova O. P. et al. (2008) *Sovremennyy russkii iazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov [Modern Russian: Active processes at the turn of XX–XXI centuries.]*. Moscow. (in Russian)
5. Danilevskii A. (2016) «Chuzhoe slovo» v romane [“Foreign word” in the novel]. In: Meimre A. A. *Cherniavskii i ego roman «Sem' lun blazhennoi Brigitty». Kommentarii [Cherniavsky and his novel “The Seven moons of the blessed Brigid”. Comment]*. Moscow, pp. 139–153. (in Russian)
6. Zemskaja E. A. (2003) *O iazyke russkogo zarubezh'ia [On the language of the Russian Diaspora]*. In: *Simpozij Obdobja 20: Slovenski knizni jezik — aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje [Simpozij Obdobja 20: Slovenian book language — current issues and historical experience]*. Ljubljana, pp. 95–106. (in Russian)

7. Zemskaja E. A., Glovinskaia M. Ia., Bobrik M. A. (2001) *Iazyk russkogo zarubezh'ia: obshchie protsessy i rechevye portrety [The language of Russian abroad: General processes and speech portraits]*. Moscow; Vienna. (in Russian)

8. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. (2004) *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka [Communicative grammar of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)

9. Karaulov Iu. N. (1992) *O russkom iazyke zarubezh'ia [On the Russian language abroad]. Voprosy iazykoznanii [Topics in the study of language]*, no. 6, pp. 5–18. (in Russian)

10. Karaulov Iu. N. (1991) *O sostoianii russkogo iazyka sovremenosti [On the state of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)

11. Kostandi E. I. (2014) *Russkaia razgovornaia rech' v usloviakh diaspory: forma, sodержanie, pragmatika (russkaia rech' v Estonii) [Russian speech in the Diaspora: form, content, pragmatics (Russian speech in Estonia)]*. In: „Móvimy, jak móvimy...”. *Kommunikacija w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne [„We say, how we say...”. Communication in spoken language: an interdisciplinary approach]*. Gdańsk, pp. 256–270. (in Russian)

12. Meimre A. A. (2016) *Cherniavskii i ego roman «Sem' lun blazhennoi Brigitty». Kommentarii [Cherniavsky and his novel “The Seven moons of the blessed Brigid”. Comment]*. Moscow. (in Russian)

13. Moiseenko I. M., Zamkovaia N. V. (2015) *Naruszenie iazykovykh norm v pis'mennoi russkoi rechi dvuiaznychnykh uchashchikhsia, poluchaiushchikh obrazovanie na estonskom iazyke [Violation of linguistic norms in written Russian speech of bilingual students who receive education in the Estonian language]*. In: «Ia» i «Drugoi», *svoe i chuzhoe v kul'ture Estonii [“I” and “The other”, its and someone else's in the culture of Estonia]*. Moscow, pp. 132–143. (in Russian)

14. Mustajoki A. (2013) *Raznovidnosti russkogo iazyka: analiz i klassifikatsiia [Varieties of the Russian language: analysis and classification]. Voprosy iazykoznanii [Topics in the study of language]*, no. 5, pp. 3–27. (in Russian)

15. Protasova E. Iu. (2014) *Pis'mennye teksty bilingvov [Written texts of bilingual children]. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Cherepovets state University]*, no. 3 (56), pp. 115–119. (in Russian)

16. Rakhilina E. V. (2016) *O novykh instrumentakh opisaniia russkoi grammatiki: korpus oshibok [On the new instruments for the description of Russian grammar: case of mistakes]. Russkii iazyk za rubezhom [Russian language abroad]*, no. 3, pp. 20–25. (in Russian)

17. Chul'kina N. L. (2009) *Mir povsednevnoi v iazykovom soznanii russkikh: Lingvokul'turologicheskoe opisanie [The world of everyday life in the linguistic consciousness of the Russian: Linguocultural description]*. Moscow. (in Russian)

18. Mustajoki A. (2017) *Why is miscommunication more common in everyday life than in lingua franca communication? In: Current Issues in Intercultural Pragmatics*, John Benjamins Publishing Company, pp. 55–74. (in English)

19. Mustajoki A., Protasova E., Vakhtin N., eds. (2011) *Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approach to non-standard Russian. Slavica Helsingiensia 40*, Helsinki. (in English)

20. Rakhilina E. V., Vyrenkova A. S. (2014) *Language Interference in Heritage Russian: Constructional Violations. Workingpapers by NRU HSE. Series WP BRP “Linguistics”*, no. 11. (in English)

21. Vyrenkova A. S., Rakhilina E. V. (2017) *Learner corpora supporting lexical typology. In: Yasin E. G., ed. XVII April International Academic Conference on Economic and Social Development*, in 4 vols., vol. 4, Moscow, pp. 450–460 (in English)

22. Zarifyan M., Melnik A. A., Vyrenkova A. S. (2016) *A case of using a Multilingual Database of synonyms for designing lexical drills. NRU HSE. Series WP BRP “Linguistics”* (in English)

[хроника]

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОЛИМПИАДА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ «МЫ ГОВОРИМ ПО-РУССКИ!»

(Продолжение на с. 93, 111)

С 14 по 16 декабря в Москве прошел финал Международной олимпиады по русскому языку в дистанционном формате «Мы говорим по-русски!». На заключительный этап в столицу России приехали 100 финалистов из 18 стран мира и национальных республик Российской Федерации.

Ведущим организатором Международной олимпиады по русскому языку в дистанционном формате выступил Башкирский государственный университет при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, МАПРЯЛ, РОПРЯЛ, фонда «Русский мир», Россотрудничества, Общественной палаты Российской Федерации, Общественной палаты Республики Башкортостан, Министерства образования Республики Башкортостан.

Особенностью проекта является его всеобъемлющий характер: конкурс проводился для детей-инофонов, для ко-

торых русский язык является иностранным, для детей-бilingvov, обучающихся в зарубежных школах, а также для российских школьников. Это дети из зарубежных стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), Стран Балтии, Европы, СНГ, российские школьники, обучающиеся в полиэтнических школах с родным (нерусским) и русским (неродным) языком обучения.

Как отмечают руководители проекта — Н. Галлямова и А. Ямалетдинова, возможность проведения олимпиады обусловлена огромным заделом, существующим в Башкирском государственном университете: это и разносторонняя международная деятельность университета, и научно-издательская деятельность преподавателей филологического факультета, работающих в области преподавания русского языка как неродного и иностранного. Необходимо отметить также научную лингводидактическую школу Л. Г. Саяховой «Лингвокультурологические основы формирования языко-

Д. Д. Васёва

ПОВЕСТВОВАНИЕ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ РАССКАЗЕ

DARIA D. VASEVA
FIRST-PERSON NARRATION IN MODERN FICTION

В статье рассматриваются особенности формы перволичного повествования в современном рассказе, в котором коммуникативная структура текста является базой формирования средств языкового выражения. Речь автора-рассказчика ориентирована на особенности речи повседневного общения и в конечном счёте становится средством к пониманию современного человека.

Ключевые слова: современный рассказ; повествование от первого лица; речь автора-рассказчика; речь повседневного общения.

The article explores the peculiarities of the first-person narration in modern fiction, where the communicative structure of the text is the base of language means' formation. The author-narrator's speech, being oriented to everyday communication features, becomes a key point for modern human being understanding.

Keywords: modern fiction; first-person narration; author-narrator speech; everyday communication.

Дарья Дмитриевна Васёва

Аспирант кафедры русского языка
как иностранного и методики
его преподавания

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► daria.vaseva@yandex.ru

Daria D. Vaseva

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

Научный руководитель:
канд. филол. наук, доцент
И. М. Вознесенская

Рождение персонажной формы повествования признаётся достижением реалистической литературы XIX века. Как отмечают исследователи, «в ней присутствие „автора“ минимизируется, нарратор маскирует свою функцию рассказывания, переносит точку зрения в один или последовательно в несколько персонажей» (см., напр., «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина и «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова) [5: 47]. В дальнейшем использование перволичной формы повествования усложняется, меняется характер взаимодействия голосов рассказчика и героя. Один из видов рассказчика — это участник повествуемых событий, хотя он и не является их главным героем. Такой рассказчик, как отмечает В. Шмид, подбирает элементы из описываемых событий, детализирует их, композиционно организует, оценивает, высказывает размышления по их поводу и, главное, отбирает средства языкового выражения [9]. Он получил название диегетического — активного нарратора, который повествует о самом себе, фигурируя в двух планах — и в повествовании (как его субъект), и в повествуемой истории (как объект).

Активная роль рассказчика отмечалась в русской прозе 20-х годов XX века, и, как показала Н. А. Кожевникова, в ней проявлялась «гипертрофия» двух противоположных стилевых тенденций — «ли-

тературности», проявляющейся больше всего в «орнаментальной» прозе, и «характерности», воплощающейся с наибольшей полнотой в сказе [3: 64–74]. Сегодня рассказ отмечен иными языковыми чертами, которые определяются прежде всего целеустремлениями самой литературы. Тексту становятся присущи, как отмечают критики, моментальность и непосредственность, непредустановочность и незавершенность, высказывание не позиционируется как главное, большое и окончательное. Современная литература зачастую выражает не итог размышлений, а «остроту непонятности жизни, удивление перед ней, благодаря чему становится возможной бесконечно открытая позиция писателя по отношению к реальности» — считает литературный критик В. Е. Пустовая (см.: [7]). Автор (в лице повествователя) сосредоточивается на повседневной жизни героя, его диалогах и записях, восстанавливая их контекст, заставляя заговорить упомянутых героем людей, мысленно переносясь в памятные для героя места, наконец, сливаясь с героем до полного неразличения художественного нарратива и дневниковой речи. Автор, таким образом, «присваивает» себе опыт чужой жизни: стилистически автономия героя разрушается — многоголосное повествование движется цельным монологом, утверждая неразложимое единство авторской мысли. Такой тип изложения в конечном счёте становится средством к пониманию современного человека.

Современный текст состоит преимущественно из фрагментов, потому что только фрагментарное, личное, тесно связанное с личностью пишущего, непосредственно пережитое может осознаваться писателем и читателем как художественная правда. В связи с этим, в качестве введения в лингвистический анализ современного рассказа можно выделить такие наиболее общие черты, как процессуальность, фрагментарность, открытость, особое внимание к повседневной жизни, включенность в неё повествователя, и как закономерное следствие появляется одна из наиболее ярких тенденций построения современного текста — ориентация на устную разговорную речь.

Использование элементов устной разговорной речи в художественном тексте — закономерное и хорошо изученное явление. В. В. Виноградов считал, что «устная» речь в литературе характеризуется сигналами, своеобразными знаками», а тип изложения, широко ориентированный на устный монолог, может быть назван сказом. По определению В. В. Виноградова, «сказ — это своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа, это — художественная имитация монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения» [2: 49]. Если раньше изучение разговорной речи в текстах художественной литературы и сводилось главным образом к систематизации «сигналов», как правило, присущих речи персонажей — носителей определённых социальных характеристик, то сегодня наблюдения показывают, что ситуация радикально меняется.

В качестве материала для наблюдений мы воспользовались рассказом С. В. Мосовой «Тётя Аня», где автор/рассказчик реализует себя как участник событий, который показывает их «изнутри». С. В. Мосова — яркий современный петербургский писатель, чьи рассказы соединяют в себе хороший добрый юмор, выразительную иронию и традиции классической литературы. Писательница концентрирует своё внимание на повседневной жизни, особенностях её проявления, предоставляя бытовым делам и разговорам основное место, что задает определенную структуру текста, хотя, отметим сразу, рассказы этого автора никогда не сводятся к бытописанию, всегда организуясь вокруг какой-то актуальной социокультурной проблемы.

Активно ведущееся в настоящее время изучение речи повседневного общения позволило выделить такие черты повседневности, как «самоочевидность, реальность (её. — Д. В.) мира для обыденного сознания», а также интерсубъективность (переживание реальности жизненного мира каждым отдельным человеком зиждется на том, что оно разделяется с другими). Н. Л. Чулкина, исследуя концептосферу русской повседневности, отмечает, что «субъективный

смысл (идиосмысл) формируется здесь на фоне некоторых единичных, специфических ситуаций, каждый раз требующих от языковой личности обращения к знаниям о мире и о языке, актуальным для данной ситуации» [8]. Ею выделены базовые концепты повседневности, и на их базе «выстраиваются микросферы: „слова-другие люди“; „слова-вещи“; „слова-ситуации“; „слова-отношения“. Они, как утверждают исследователи, продиктованы „логикой обыденного сознания“, или „здорового смысла“ рядового носителя языка. К тому же, концепты, входящие в названные микросферы, органично согласуются с выявленными „константами“ повседневности, особенно с ее стереотипностью и сценарно-ролевой структурированностью» [Там же]. Учёт этих положений позволяет начать анализ рассказа с рассмотрения его коммуникативной структуры как базы формирования средств языкового выражения.

Вот его начало:

Это маленькая история про Ирину историю, повествующую про историю Гали о некоей тете Ане, подруге Галиной мамы...

Еще пятнадцать минут назад в моей жизни не было ни Иры, ни Гали, ни Галиной мамы, ни тем более какой-то тети Ани, но вот вошла Ира — причем сразу, мощно, без предисловий («Слушай, давай на „ты“!»)...

История про Галя плывет легкой лодочкой среди бушующего моря голосов и звуков телестудии... (Ира. — Д. В.) перебивает её внезапными вопросами:

— Бумага нужна?

— Какая бумага?

— Писчая.

О, бумага нужна.

— На. Прячь. Блокноты нужны?

Нужны.

— А скрепки?

Я люблю скрепки. Бумагу, скрепки, блокноты — у меня слабость к канцелярским товарам. И Ира одаривает меня излишками, то исчезая в недрах шкафов, то вновь выныривая со скрепками и с бесценной историей про Галя — историю маленькая сама по себе, по жизни, но оказывается большой — и тоже по жизни.

Традиционный хронотоп (где, когда и кто), который позволяет читателю включиться в содер-

жание рассказа, представлен здесь в соответствии с правилами «повседневного общения»: «дело происходит среди бушующего моря голосов и звуков телестудии», во вспомогательном помещении, о чём сообщают «слова-вещи»: бумага, блокноты, скрепки, ситуация в котором характеризуется как уборка, которую ведёт Ира, «одаривая меня излишками, то исчезая в недрах шкафов, то вновь выныривая со скрепками».

По тому же принципу создан и образ Иры: включаются «слова-люди», представляющие речь и детали внешнего облика:

— Во, «Журнал для мужчин». Бери.

— Нет. Не нужен...

— Полистаешь.

Удачно пристроив журнал, Ира с головой ныряет в другой шкаф, брэнча браслетами.

— Красиво...

— Хочешь такие же? — решительно говорит Ира.

И я чувствую, что они у меня будут — такие же браслеты. И все будет. Рядом с Ирой. Сверкающая и блестящая, она возвращает мне вкус к жизни. Теперь у меня все будет: браслеты, скрепки и бумага — я напишу на ней мужской рассказ.

Параллельно складывается и образ рассказчицы-писательницы, ответные реплики которой окрашены чувством юмора.

Итак, на основе диалога выстраивается один из сюжетов рассказа «новое знакомство», построенный по законам повседневной речи: описана «единичная, специфическая ситуация», потребовавшая от читателя «обращения к знаниям о мире и о языке, актуальным для данной ситуации» (см. выше).

Но в первых строках рассказа обещана ещё одна история — о Гале, Галиной маме и её подруге тёте Ане. Подходы к рассказу Иры перебиваются вставками, обусловленными ведением первого сюжета, что усиливает интерес к рассказу:

— Так, значит, Галя. О, эт-та Галя!.. Галя из очень интеллигентной семьи — настоящей, петербургской. Я обязательно познакомлю тебя с ней — влюбишься. Так вот, у Галиной мамы была знакомая — тетя Аня, и эта тетя Аня иногда заходила в гости к Галиной маме — си-

дели, пили чай и разговаривали. И звали девочку Галю: «Галя, иди к нам!..» А Галя... Календари нужны? Бери. Бери, бери, у нас много. Так, значит, Галя, посиди с нами.

А Гале очень нужно сидеть с ними, когда народ на улице играет в мяч и в прятки!.. И Галя: нет, мол, не могу, уроки надо делать. И шмыг на улицу. И так все время: иди к нам, Галя, а Гали и след простыл!..

В тексте выдержаны все композиционные компоненты разговорного нарратива (см.: [1: 285]): есть зачин: — «Так, значит, Галя», за которым следует осложнение «Галя из очень интеллигентной семьи...», далее идёт экспозиция: «Так вот, у Галиной мамы была знакомая — тетя Аня», затем собственно рассказ о девочке-Гале и, наконец, развязка:

Так при чем тут тетя Аня? — я возвращаю Иру в питерский ноябрь.

— Так в этом-то все и дело!.. — вспоминает, вернувшись, Ира. — Тетя Аня, как то яичко, которое оказалось не простое, а золотое, точнее, серебряное!.. Как потом Гале не хватало этих посиделок с тетей Аней!.. Как она сокрушалась о них впоследствии!.. Сколько драгоценных слов она пропустила!.. Фамилия-то у тети Ани была — Ахматова!..

Оба сюжета объединяются в конце рассказа:

И история Гали уже упирается в мою историю, в мою жизнь, меняя ее течение... И если это не счастье, так что же это — в ноябре, под музыку и дождь, стоять на остановке, держа в руках «Мужской журнал», три пуда скрепок, тетю Аню (в уме) и Иру (в сердце)...

Диалогическая часть рассказа строится по стандартному типу обмена репликами. Однако она оставляет рассказчице возможность «прокомментировать» собственную реакцию, вводя элементы монологической речи и оставляя читателя в жанре рассказа:

— Во, «Журнал для мужчин». Бери.

— Нет. Не нужен.

— Бери, — твердо говорит Ира.

— Да зачем он мне?!

— Полистаешь.

Женщины время от времени мечтают писать мужские рассказы, а мужчины — женские,

с деталями. Но мужчины не могут — им нечем: нет этого инструмента. Только один мужчина смог написать изумительный женский рассказ — серебряный, из «серебряного века» — там героиню при роковой встрече с соперницей страшно мучает мысль, что в прошлый раз она (героиня) была в той же шляпке и с той же черной лисой на плече. (Это очень тонко.) А потом звучат выстрелы.

В краткую монологическую часть рассказчице удаётся включить элемент рассуждения с оценкой: изумительный женский рассказ («Случай из жизни», принадлежащий В. В. Набокову) — серебряный, из «серебряного века», сопровождая его языковой игрой (серебряный, из серебряного века) и подготавливая читателя к встрече с Ахматовой.

Рассказ о Гале и тёте Ане содержит перебивы, прямую речь персонажей описываемых событий, элементы описания, что не только в жизнь рассказчицы, но и читателя «вошли и расположились по-домашнему», «Галина мама и тетя Аня с чашечками чая в руках».

Структурная обусловленность рассказа, организованного по правилам диалога и монолога в сфере повседневного общения, открывает возможности речевой стилизации повествования, задаёт общий устный колорит, создаваемый широким использованием конструкций разговорной речи, формирует особую интонацию повествования, ощущение непрерывного разговора с читателем и, соответственно, достоверности рассказанного.

Авторская интенция в рассказе создаётся во многом включением дискурсивных слов — единиц, у которых отсутствует собственно «денотативное в общепринятом смысле» значение и которые устанавливают «отношения между двумя (или более) составляющими дискурса», указывая на то «как высказываемое соотносится с истинной», отражает процесс «взаимодействия говорящего и слушающего» и некоторые др. [4]. В рассказе это конструкции: «о, бумага», «во», «на»; вводные, по природе, слова: «в общем», «действительно», «значит», «слушай»; уточнения: «как известно», «конечно»; частицы: «же», «-то», «-нибудь» и лексика: «воленс-ноленс», «зябко», «лепо-

та-а». Постоянная парцелляция, дробление речи на более мелкие сегменты, уточняющие главную мысль, множественные повторы так же сближают письменное повествование с устным.

Таким образом, рассмотрение коммуникативной структуры текста, ориентированной на особенности речи повседневного общения, позволило выявить компоненты его композиции, объединённые установкой автора на целостность смысла. Эта коммуникативная структура определила органичность опоры средств языкового выражения на закономерности этого типа речи, среди которых ведущее место заняли дискурсивные слова. «Проконтролируйте, — пишет об этих словах В. А. Плунгян, — как вы общаетесь в естественной обстановке. Скорее всего, почти каждое предложение будет начинаться либо с „а“, либо с „ну“, либо с „вот“. Кажется бы, эти слова ничего не значат, но на самом деле у них огромный спектр значений, и эти значения очень важны» [6]. Заметим, что отсутствие таких слов в фрагментах текста анализируемого рассказа позволило выделить части собственно литературно-художественного повествования.

ИСТОЧНИК

Мосова С. В. Тётя Аня // Звезда. 2011. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/8/mo9.html>

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.
2. Виноградов В. В. Проблема сказа в стилистике // Виноградов В. В. Избр. работы. О языке художественной прозы. М., 1980.
3. Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М., 1994.
4. Малов Е. М., Горбова Е. В. Дискурсивные слова в русской разговорной речи (на матер. анализа спонтанной разговорной речи) // Первый междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи» АРЗ — 29.08.2007. СПИИРАН. СПб., 2007. С. 31–37.
5. Манн Ю. Об эволюции повествовательных форм (вторая половина XIX века) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1992. Т. 51. № 1. С. 40–59.
6. Плунгян В. А. Дискурсивные слова — последний бастион грамматики: труднопереводимые, маленькие, непохожие, но абсолютно необходимые // Новая газета. 2013. № 14, 8 февр. 2013. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/02/08/53442-postnauka-vypusk-12>

7. Пустовая В. Е. Долгое легкое дыхание (Современный роман в поисках жанра) // Знамя. 2016. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2016/1/dolgoe-legkoe-dyhanie-sovremennyj-roman-v-poiskah-zhanra.html>.

8. Чулкина Н. Л. Концептосфера русской повседневности как объект лингвокультурологии и лексикографии: Автореф. ... дис. д-ра филол. наук. М., 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/kontseptosfera-russkoy-povsednevnosti-kak-obekt-lingvokulturologii-i-leksikografii#ixzz4y3N4CbQD>.

9. Шмид В. *Нарратология*. М., 2003.

REFERENCES

1. Borisova I.N. (2001) *Russkii razgovornyi dialog: struktura i dinamika* [Russian oral speech dialog: structure and dynamic]. Ekaterinburg. (in Russian)
2. Vinogradov V. V. (1980) Problema skaza v stilistike [The problem of narration in first person in stylistics]. In: Vinogradov V. V. *Izbrannye raboty. O iazyke khudozhestvennoi prozy* [Selected texts. About fiction language]. Moscow. (in Russian)
3. Kozhevnikova N.A. (1994) *Tipy povestvovaniia v russkoi literature XIX—XX vv.* [Types of narrative in Russian literature of the XIX–XX centuries]. Moscow. (in Russian)
4. Malov E. M., Gorbova E. V. (2007) Diskursivnye slova v russkoi razgovornoj rechi (na materiale analiza spontannoi razgovornoj rechi) [Discursive words in Russian oral speech (based on analysis oral speech)]. Proceedings of the first interdisciplinary seminar «Analysis of Russian oral speech» (Russia, Saint-Petersburg, 29.08.2007). St. Petersburg, pp. 31–37. (in Russian)
5. Mann Ju. (1992) Ob evoliutsii povestvovatel'nykh form (vtoraiia polovina XIX veka) [About narrative forms evolution (mid-to-late of XIX century)]. *Izvestiia AN SSSR. Seriia literaturny i iazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Science. Language and literature section], vol. 51, no. 1, pp. 40–59. (in Russian)
6. Plungian V. A. (2013) Diskursivnye slova — poslednii bastion grammatiki: trudnoperenovodimye, malen'kie, nepokhozdie, no absolutno neobkhodimye [Discursive words — the last bastion of Grammar: hard-to-translate, little, different, but absolutely amazing]. *Novaya gazeta* [Present-day newspaper], no. 14. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/02/08/53442-postnauka-vypusk-12> (accessed 16.11.2017). (in Russian)
7. Pustovaia V. E. (2016) Dolgoe legkoe dykhanie (Sovremenny roman v poiskakh zhanra) [Long light breathing (Modern novel searching for genre)]. *Znamia* [Flag], no. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2016/1/dolgoe-legkoe-dyhanie-sovremennyj-roman-v-poiskah-zhanra.html> (accessed 10.10.2017). (in Russian)
8. Chulkina N. L. (2005) *Kontseptosfera russkoi povsednevnosti kak ob'ekt lingvokul'turologii i leksikografii* [Sphere of concepts Russian daily life as linguocultural and lexicography object]. (Extended abstract of Doctor's thesis, Russian language). University of People's Friendship, Moscow, 2005. (in Russian) Available at: <http://cheloveknauka.com/kontseptosfera-russkoy-povsednevnosti-kak-obekt-lingvokulturologii-i-leksikografii#ixzz4y3N4CbQD> (accessed 11.11.2017).
9. Shmid V. (2003) *Narratologia* [Narratology]. Moscow. (in Russian)

Н. В. Кулибина, Н. Б. Битехтина,
Н. В. Виноградова, Т. Н. Дьяченко,
В. Н. Климова, А. И. Ольховская

«ИНТЕРАКТИВНЫЕ АВТОРСКИЕ КУРСЫ ИНСТИТУТА ПУШКИНА»: ОТКРЫТАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК И ИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

NATALIA V. KULIBINA, NATALIA B. BITEKHTINA, NATALIA V. VINOGRADOVA,
TATIANA N. DIACHENKO, VALENTINA N. KLIMOVA, ALEXANDRA I. OLKHOVSKAYA
“PUSHKIN INSTITUTE INTERACTIVE AUTHOR’S COURSES”: OPEN EDUCATIONAL ENVIRONMENT
FOR RUSSIAN LANGUAGE STUDENTS AND THEIR TEACHERS

Наталья Владимировна Кулибина

Доктор педагогических наук, профессор,
начальник научно-методического
отдела по русскому языку
► NVKulibina@pushkin.institute

Наталья Борисовна Битехтина

Старший научный сотрудник научно-
методического отдела по русскому языку
► NBBitehtina@pushkin.institute

Наталья Владимировна Виноградова

Старший научный сотрудник научно-
методического отдела по русскому языку

Татьяна Николаевна Дьяченко

Ведущий специалист отдела инновационных
проектов в образовании

Валентина Николаевна Климова

Кандидат филологических наук, доцент,
зам. начальника научно-методического отдела
по русскому языку
► VNKlimova@pushkin.institute

Александра Игоревна Ольховская

Кандидат филологических наук, ведущий
научный сотрудник научно-исследовательской
лаборатории инновационных средств обучения
русскому языку
► AIOlhovskaya@pushkin.institute

*Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина*

ул. Волгина, д. 6, Москва, 117485, Россия

*Natalia V. Kulibina, Natalia B. Bitekhtina,
Natalia V. Vinogradova, Tatiana N. Diachenko,
Valentina N. Klimova, Alexandra I. Olkhovskaya*

*Pushkin State Russian Language Institute
6 ul. Volgina, Moscow, 117485, Russia*

В статье представлен инновационный проект «Интерактивные авторские курсы Института Пушкина». Описываются пять составляющих его курсов, задачи и структура каждого, целевая аудитория, используемая авторская методика, ее реализация в онлайн обучении и др.

Ключевые слова: открытая образовательная среда; онлайн-обучение; русский язык; авторская методика; интерактивные уроки.

The article presents the results of the research project “Pushkin Institute Interactive Author’s Courses” and describes five components of the courses, the goals and the structure of each course, their target audiences, author’s methodology and its implementation in online training, etc.

Keywords: open educational environment; online learning; Russian language; author’s methodology; interactive lessons.

Открытость и доступность как ключевые черты современного педагогического пространства позволяют обойти многие препоны, стоящие на пути личности к получению качественного образования. Нивелируются, в частности, особенности обучающихся, связанные с их возрастом, социальным статусом, финансовым положением, местом проживания и проч. Не последнюю роль в этом процессе играют современные цифровые технологии, которые предоставляют любому человеку возможность учиться у лучших преподавателей в ведущих образовательных центрах по самым современным и эффективным программам, не выходя при этом из дома, который может находиться в любой точке мира, для чего создаются образовательные платформы, и редкий вуз не разрабатывает MOOC — массовые открытые онлайн-курсы (англ. MOOCs — Massive Open Online Course).

Основной единицей учебного взаимодействия в рамках MOOK является традиционная лекция (как правило, состоящая из нескольких фрагментов по 10–15 минут). Для преподавания теоретических дисциплин того или иного научного профиля лекционная форма подачи материала вполне соответствует задачам обучения, привычна и удобна. Правда, в настоящее время в системе очного вузовского образования лекция всё чаще вытесняется другими формами занятий и/или самостоятельной работой. Для практического же овладения иностранным языком польза лекции более чем сомнительна. Здесь требуются иные формы, например *интерактивный урок*.

Интерактивные занятия могут как включать информационно-коммуникационную составляющую (использование компьютеров и других мультимедийных средств), так и быть реализованы без нее. Интерактивность в аудитории достигается особыми методическими приёмами: использованием диалогового взаимодействия, игровой деятельностью учащихся, вовлечением всех участников учебного процесса в решение поставленных задач, созданием атмосферы доверия и сотрудничества и т. п.

В инновационном проекте «Интерактивные авторские курсы Института Пушкина» (<https://ac.pushkininstitute.ru>) интерактивные (авторские!) методические приёмы находят подкрепление в возможностях современного электронного обучения и дистанционных онлайн-технологий. Все курсы посвящены различным аспектам практического курса русского языка как иностранного/неродного/родного.

Делясь своим «Авторитетным мнением» о проекте «Интерактивные авторские курсы Института Пушкина», В. Г. Костомаров говорит о «цифровой педагогике» как «начале новой эпохи» в образовательной деятельности, выделяет самое важное, с его точки зрения, что отличает онлайн-курсы, разрабатываемые в Институте Пушкина, а именно

их *интерактивность*, предоставляемую ими возможность активного «взаимодействия со студентом на расстоянии» (рис. 1).

В настоящее время в проекте пять интерактивных курсов (на 2018 год запланировано начало работы над ещё одним курсом), авторы которых не только реализуют собственные методические новации, но и по-своему отбирают, а также организуют учебный материал: каждый курс в полной мере отражает профессиональный портрет его создателя.

Интерактивный авторский курс Н. В. Кулибиной «Уроки чтения — праздник, который всегда с тобой» (<https://ac.pushkininstitute.ru/kulibina1.html>) представляет собой *единый* учебный комплекс, состоящий из тематических серий онлайн-уроков с использованием художественных текстов как классических, так и современных: для детей (от русской народной сказки «Рукавичка» до крохотки А. И. Солженицына «Утёнок») и взрослых (от стихотворения Г. Р. Державина до притчи Петра Бормора).

Каждый интерактивный онлайн-урок имеет своим прототипом реальное учебное занятие: обучаемым предьявляется аутентичный художественный текст и комплекс интерактивных заданий для пред-, при- и послетекстовой работы. Методический аппарат к художественному тек-

Рис. 1. Главная страница интерактивных курсов.

сту (стихотворение, рассказ, сказка и др.) разрабатывается таким образом, чтобы создать условия для «мыслительной деятельности читателя» (С. Л. Рубинштейн).

Вопросы и задания, представленные аудио или видео, даются в тестовом формате. Выбор ответов из набора предлагаемых или их поиск непосредственно в художественном тексте (фрагментах текста) позволяют контролировать правильность выполнения заданий и в конечном счёте адекватность понимания текста читателем. При необходимости даются гиперссылки, содержащие языковую, страноведческую или иную информацию. Чередуя видео- и аудиофрагменты, записанные одним преподавателем, обеспечивает единство всех компонентов и создает ощущение присутствия на реальном уроке

Гибкость авторской методики работы с текстом позволяет создавать методические разработки уроков не только для инофонов, но и для носителей русского языка, а также билингов. В аннотации конкретного урока указывается возраст потенциального читателя, а для инофонов — ещё и уровень владения русским языком. Навигация курса предлагает пользователям различные варианты доступа к урокам: через карту курса с указанием возраста и уровня владения русским языком потенциального читателя, алфавитный список авторов произведений, тематические серии уроков, а также через строку «К юбилеям», в которой указаны юбилейные даты текущего и следующего года. Полезным будет и знакомство с накопленной за 2 года практикой использования уроков курса в домашних условиях и в образовательных учреждениях России и за рубежом (разделы «Отзывы» и «Практика использования»).

Интерактивный авторский курс Н. Б. Битехтиной и В. Н. Климовой «Слушаем и понимаем русскую речь» (<http://ac.pushkininstitute.ru/course4.php>), как и другие курсы проекта, реализует стратегию обучения, нацеленную на взаимодействие с учащимся и формирование у него способности к самообучению. Данная стратегия обеспечивается в курсе благодаря объединению методического контента, представленного в видеозаписи урока, который ведет преподаватель,

и взаимодействия учащегося с электронной системой обучения.

Курс состоит из двух модулей. В первом, который адресован учащимся, владеющим русским языком в пределах уровня А2, основной акцент делается на развитии фонематического и интонационного слуха, активизации навыков сегментации речевой цепи, выявления выражаемых интонационно логико-смысловых связей в звучащей речи, а также на формировании аудитивных умений на уровне высказывания. Этот модуль состоит из семи дидактических блоков, каждый из которых включает урок с преподавателями и серию самостоятельных работ. Количество самостоятельных работ может варьироваться от урока к уроку в соответствии с методическими задачами разных дидактических блоков

Второй модуль курса предлагается учащимся, которые владеют русским языком на уровне В1. Он посвящен развитию навыков аудирования в разных сферах общения: обиходно-бытовой, социально-культурной, учебно-научной, официально-деловой.

Интерактивный авторский курс Н. В. Виноградовой «Волшебные русские слова» (<http://ac.pushkininstitute.ru/course3.php>) посвящён русскому речевому этикету.

Создание подобного курса представляется очень актуальным, т. к. в большинстве учебников и пособий по РКИ (особенно на начальном этапе) уделяется мало места правильному употреблению формул русского речевого этикета. Это приводит в дальнейшем к большому количеству ошибок в речи учащихся: смешиванию «ты» и «Вы»-форм, затруднениям в выборе форм обращения к людям и т. д. Речь студентов-иностранцев приобретает то слишком официальный, то слишком фамильярный характер, не соответствующий ситуации.

Наличие проблемы подтверждается востребованностью уже разработанных и выложенных на портале уроков.

Курс «Волшебные русские слова» состоит из двух частей:

- 1-я часть — уроки для уровня А1-А2, снабжённые переводом на иностранные языки, что дает

преподавателю дополнительные методические возможности;

- 2-я часть — уроки для уровня В2-С1, где даётся большой набор этикетных выражений, которые развёртывают реплику по горизонтали, например, за основным приветствием или вместо него возможны различные вопросы о жизни, делах, здоровье.

Во втором разделе уделяется внимание средствам невербальной коммуникации, например, использованию различных жестов при приветствии и прощании. Эпизоды из кинофильмов здесь не просто иллюстрируют объяснение, а подробно комментируются преподавателем.

Интерактивный авторский курс Т. Н. Дьяченко «Современная Россия в кино и музыке: смотрим, понимаем, обсуждаем» (<http://ac.pushkininstitute.ru/course2.php>) включает два модуля (блока). Уроки ориентированы на владеющих русским языком от А2 до С1.

Цель курса — обучение пониманию звучащего текста с опорой на зрительный ряд на материале современных российских художественных фильмов. В процессе работы у учащихся формируются навыки, необходимые для самостоятельного просмотра художественных фильмов.

Первый блок состоит из 8 занятий, включая уроки по фильмам «Легенда № 17» (2012), «Мы из будущего» (2008), «Экипаж» (2016), «Про любовь» (2010), мультфильм «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2006) и др.

Занятия второго блока знакомят учащихся с клипами на популярные российские песни.

Кинофильмы и видеоклипы помогают учащимся погрузиться не только в языковую, но и в культурную среду, что особенно важно при изучении русского языка за рубежом.

Интерактивный авторский курс А. И. Ольховской «Слова и словечки» (<http://ac.pushkininstitute.ru/course5.php>) ориентирован на обучение иностранных учащихся лексическим средствам русского языка. Целевая аудитория курса — иностранцы, осваивающие язык в объёме первого и второго сертификационных уровней (В1–В2).

Курс состоит из двух модулей — «В мире слов» и «Лексические семьи», — каждый из кото-

рых включает в себя четыре интерактивных урока. Единицей обучения первого модуля является слово как элемент тематической группы. Здесь затрагиваются максимально антропоцентрические темы: «Внешность человека», «Характер», «Эмоции и чувства» и «Человеческие отношения».

Единицей обучения во втором модуле служит слово как компонент лексической микросистемы. Каждый урок направлен на отработку одного вида системных отношений — синонимических, антонимических, паронимических и др.

В настоящий момент подготовлен макет по сценарию первого урока первого модуля. В уроке использована дидактическая оболочка учебного квеста с его отличительными чертами: особой игровой атмосферой, созданию которой способствуют обязательные элементы квеста — легенда, сюжет, система персонажей, задания игрового характера; системой «скаффолдов» — текстов-подсказок, из которых учащиеся могут извлечь необходимую информацию или руководство к действию, и др.

Разработка и реализация проекта «Интерактивные авторские курсы Института Пушкина» стали возможны благодаря уникальному авторскому коллективу, в который вошли филологи-русисты, имеющие большой опыт и собственные методики преподавания практического курса русского языка различным категориям учащихся, и профессиональная команда разработчиков (программисты, веб-дизайнеры, художники и др.), имеющих за плечами ряд успешных проектов в области создания электронных образовательных ресурсов.

Весьма существенной, с точки зрения авторов содержательного контента, является оценка проекта руководителем группы разработчиков — создателей электронного контента Е. Э. Залетаевой, которая, являясь активным участником проекта (с её помощью авторы реализовали свои интенции, намерения, задумки, идеи, мечты и то, о чём даже не мечталось), вместе с тем имеет возможность сравнить этот учебный комплекс со сделанным ранее в области создания электронных образовательных ресурсов.

По её мнению, настоящий проект отличает:

- во-первых, индивидуальность авторов курсов, сумевших выйти на широкую интернет-аудиторию в современном формате: ведущие специалисты Института не только специально для этого проекта разработали варианты авторских методик под возможности современных информационных технологий, но и сами ведут свои онлайн-уроки (люди ведь всегда идут на ЧЕЛОВЕКА: в театре или кино — на актёра/режиссёра, в образовании — на УЧИТЕЛЯ);
- во-вторых, уроки организованы так, что и преподаватель, и учащийся работают в привычной и комфортной для обеих сторон обстановке: каждый урок строится на аудиовизуализации разговора преподавателя со своим визави с постоянной активизацией внимания последнего и привлечением его к активным действиям, благодаря такому подходу создаётся и поддерживается атмосфера непосредственного общения педагога с учащимся, что и способствует в конечном итоге повышению эффективности обучения;
- в-третьих, следует отметить работоспособность онлайн-уроков проекта на широком спектре компьютерных устройств: стационарных и планшетных, смартфонах и смарт-ТВ, а также возможность подготовки на их основе уроков для использования в офлайн-режиме (мобильные приложения начнут создаваться в 2018 году).

Уроки проекта отличают высокие показатели, которыми принято оценивать качество электронных обучающих ресурсов: уровень ин-

терактивности (разнообразие способов взаимодействия пользователя с учебными материалами и организации обратной связи) и уровень мультимедийности (разнообразие методов представления объектов и процессов).

Учебный контент представлен широким спектром материалов разных видов и типов, а также их комбинациями и композициями: гипертекст, рисованная и реалистическая графика, видео и анимация, дикторская речь, аудиофрагменты музыкальных и литературных произведений, караоке и др.

В уроках широко используются активно-деятельностные формы взаимодействия учащегося с образовательным контентом, которые характеризуются: большим числом степеней свободы, выбором последовательности действий, ведущих к учебной цели, необходимостью анализа на каждом шаге и принятия решений в определенном множестве вариантов. Таким образом решается задача имитации реальных учебных занятий, послуживших прототипами для онлайн-уроков.

Проект «Интерактивные авторские курсы Института Пушкина» не имеет аналогов, является бесплатной открытой образовательной русскоязычной средой для всех желающих: как изучающих русский язык, так и их преподавателей.

На начало 2018 года статистика Яндекс.Метрика показывает, что Проект заинтересовал пользователей 131 страны мира и 84 (из 85) регионов России (рис. 2).

Рис. 2. Статистика посещений сайта на карте (Яндекс.Метрика).

Р. М. Теремова

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

RIMMA M. TEREMOVA
THE LINGUOCULTUROLOGY TEXTBOOK:
AN ATTEMPT OF CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Римма Михайловна Теремова

Доктор филологических наук, профессор
кафедры интенсивного обучения
русскому языку как иностранному

*Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена*

*Набережная реки Мойки, д. 48
Санкт-Петербург, 191186, Россия*

► teremova_2003@mail.ru

Rimma M. Teremova
*The Herzen State
Pedagogical University of Russia
48 naberezhnaya reki Moyki,
St. Petersburg, 191186, Russia*

В статье рассматривается концептуальная платформа учебного пособия по лингвокультурологии нового поколения «„Красуйся, град Петров“: лики Санкт-Петербурга», представляющая собой совокупность следующих составляющих: культурологический компонент, исторический контекст динамики культурной жизни Санкт-Петербурга и интерактивно-коммуникативная организация пособия. Использование в учебном процессе данного пособия позволяет иностранным учащимся познакомиться с культурно-историческим пространством Санкт-Петербурга, адекватно использовать полученные знания в межкультурной коммуникации, на основе материала культуроведческого характера активизировать навыки устной русской речи.

Ключевые слова: диалог культур; межкультурная коммуникация; культурное пространство Санкт-Петербурга; исторический контекст; принцип интерактивности.

The article is dedicated to the conceptual base of the new generation textbook on linguoculturology “City of Peter, Just You Shine”: the Views of Saint Petersburg”. This textbook combines the cultural component, historical context of Saint Petersburg cultural life’s dynamics, and interactive and communicative structure. The textbook gives the foreign students information on cultural and historical spaces of Saint Petersburg and gives a possibility to use the acquired knowledge in the process of intercultural communication, to activate conversational Russian language skills.

Keywords: dialogue of cultures; intercultural communication; cultural spaces of Saint Petersburg; historical context, interactive principle.

Коммуникативно-культуроведческая концепция преподавания русского языка как иностранного базируется на овладении учащимися-инофонами русским языком на основе усвоения фактов культуры. При данном подходе выделим регионоведческую культуру: обучаемые, знакомясь с культурой, традициями, историей конкретного региона, через регион познают культуру страны, русские культурные реалии в целом [3: 119]. Рассмотрим с этих позиций культурное пространство Санкт-Петербурга, «культурной столицы» России. Постижение культуры Санкт-Петербурга, культурной жизни города, его истории наиболее оптимально при условии обеспечения учебного процесса современными учебниками, выстроенными в интерактивно-коммуникативном режиме.

Для учебного пособия «„Красуйся, град Петров“: лики Санкт-Петербурга» характерна интерактивно-коммуникативная организация материала и наличие культурологического компонента. Лингвокультурологический потенциал пособия, выстроенного на материале реалий Санкт-Петербурга, обусловлен объемным представлением развития культуры Санкт-Петербурга: его архитектурного облика, монументальной скульптуры, музеев, природного и культурно-географического ландшафта (белые ночи, реки, каналы, мосты, парковые ансамбли, сады, скверы). При этом достаточно полно характеризуются основные направления в разных сферах культуры, определяется роль известных архитекторов, скульпторов и художников в создании города на Неве.

Культурная среда Санкт-Петербурга создавалась при участии иностранных мастеров, это позволяет проводить параллели с культурой других стран. Факты сопоставления с реалиями родной страны обучаемых, а также внимание к личности иностранных архитекторов, скульпторов, художников (Доменико Трезини, Джакомо Кваренги, Карл Росси, Огюст Монферран, Франческо Бартоломео Растрелли, Этьен Фальконе и др.) создают положительный эмоциональный фон обучения, активизируют познавательные интересы обучаемых и в целом являются серьезным мотивирующим фактором.

Для пособия характерно обращение к ранее изученным артефактам, что позволяет выявить разные грани культурных явлений (Зимний дворец, Летний дворец, Казанский и Исаакиевский соборы и др.), по-новому осмыслить и оценить их. Например, Зимний дворец дан на историческом фоне, с учетом этапов его создания, в плане художественного оформления, в ракурсе архитектурного облика Дворцовой площади.

Культурная палитра Санкт-Петербурга дополняется учебным материалом, представляющим оценку Санкт-Петербурга в сравнении с Москвой, выявляющим отношение русских и иностранцев к городу («О, город мой! Непостижим твой гений!», «Знаете ли вы Санкт-Петербург?», «Иностранцы в Петербурге и о Петербурге», «Я люблю этот город...»).

Культурологическое наполнение пособия выдержано в ракурсе исторического осмысления культурного пространства Санкт-Петербурга: обращение к фактам истории Санкт-Петербурга и истории России в целом, к характеристике исторических личностей, деятелей русской культуры и науки, определявших лицо эпохи (Петр I, Екатерина II, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, М. В. Ломоносов, И. И. Бецкой), мотивировано тем, что историческая реальность порождает определенные культурные реалии. Реализуемая в пособии культурно-историческая перспектива дает представление о меняющейся картине мира, о смене исторических эпох, художественных течений, направлений. При этом некоторые главы (II и III) ориентированы на исторические периоды, в других же — культурные факты представлены на фоне исторических этапов развития города.

Значительную роль в культурно-исторической характеристике Санкт-Петербурга играют комментарии двух типов. Исторические комментарии представляют факты истории и легенды, связанные с Северной войной со шведами, основанием Петербурга, правлением Петра I («Петровские ассамблеи»), Елизаветы Петровны («При Елизавете Петровне»), Екатерины II («Екатерина II и ее подданные»). Культурологические комментарии знакомят с жизнью и творчеством архитекторов, скульпторов, создававших и украшавших Санкт-Петербург («Первый архитектор Санкт-Петербурга Доменико Трезини», «Главный архитектор Адмиралтейства», «Бартоломео Франческо Растрелли» и др.).

Учебное пособие «„Красуйся, град Петров“: лики Санкт-Петербурга» включает 10 разделов, объединенных сюжетной линией: иностранные студенты проходят стажировку в Санкт-Петербурге. Коммуникативно-интерактивная организация пособия характеризует современное понимание учебного процесса. Принцип интерактивности рассматривается как взаимодействие автора учебника и иностранных учащихся: воздействие автора на обучаемых (прямое обращение к обучаемым и опосредованное — через межперсонажную коммуникацию героев учебника, каждый из которых — представитель своей куль-

туры, что дает возможность инофонам «входить в роль» персонажей, идентифицировать себя с героями учебника, а автору учебника — через них осуществлять «диалог» с обучаемыми) и косвенное воздействие обучаемых на автора учебника, проявляющееся в учете автором национально-культурных особенностей обучаемых [1: 157].

Динамика взаимодействия автора и обучаемых прослеживается на протяжении всей книги: прямое обращение автора к обучаемым в преамбулах; диалогичные формулировки заданий, интерактивная функция которых сводится к организации взаимодействия коммуникантов; монологи, в которых автор представлен в двух ролях (лицо говорящее и лицо воспринимающее). Опосредованное воздействие автора на инофонов осуществляется через монолог, речь экскурсовода, героя учебника, с элементами общения с экскурсантами («Летний дворец»), монологический текст информативного характера («Гуляю по Летнему саду»), диалоги, полилоги, монолог-письмо, когда главный герой учебника пишет письма на родину. В эпистолярном дискурсе интерактивный аспект реализуется как в обращении к адресату письма, с имитацией непосредственного речевого общения (наличие формул, устанавливающих контакт: *помнишь, знаешь, ты согласна со мной* и др., элементов живой разговорной речи: *не так ли, разве не так* и др.), так и в интерактивно-культурологическом его содержании.

Интерактивный характер форм и прямого, и опосредованного воздействия автора на обучаемых формируется рядом языковых средств, эксплицирующих как адресанта (личные местоимения и глагольные формы первого лица, притяжательные местоимения *мой, наш*, вводно-модальные конструкции, выражающие различную степень достоверности высказываемого, указывающие на источник высказывания), так и адресата (личные местоимения и глагольные формы второго лица, притяжательные местоимения *ваши*, побудительные конструкции) [2: 163]. Диалогичность таких текстов обеспечивается также введением в них различных форм выражения согласия или несогласия (*да, нет, конечно, разумеется, правильно* и др.), повторов «выска-

зываний адресата» и реакций на них адресанта, обнаруживающих сам акт «беседы»: «Вы обратили внимание на фонари, украшающие мост? Нет?! Тогда оглянитесь и полюбуйтесь ими».

Содержательное пространство учебного пособия «„Красуйся, град Петров“: лики Санкт-Петербурга» формируется текстами, которые с позиций современной лингвистики определяются как дискурс, коммуникативное событие интерактивного характера [4: 288]. Методический инструментарий учебного пособия весьма многообразен, с преобладанием творческих заданий интерактивного характера. В пособии представлены диалоги, полилоги («Чтобы помнили, чтобы поняли, чтобы знали»), клубы, социологические опросы, блиц-опросы («Чем Петербург отличается от Москвы?»), экспресс-интервью, круглые столы («Петровский Петербург»), ролевые игры, дискуссии («Москва и Санкт-Петербург — в зеркале истории и культуры России»), телепередачи («История и культура Санкт-Петербурга в XIX веке»), конкурсы («Мой Санкт-Петербург»), праздники («Праздник мостов»).

Учебные задания сопровождаются представленными в таблицах комментариями лексического и лексико-грамматического характера, когда ключевые слова («парк, сад, сквер», «река», «мост», «решетка») «обрастают» грамматически организованной лексикой, обеспечивая высокую степень овладения инофонами лексикой и грамматикой. Большую роль в организации учебного материала в пособии играет иллюстративный материал (схемы, таблицы, фотографии, рисунки), дополняющий информацию задания, а также характеризующий то или иное культурное явление.

Отличительной особенностью учебного пособия «„Красуйся, град Петров“: лики Санкт-Петербурга» является тесная связь основных составляющих концептуальной платформы: варианты воздействия автора на обучаемых, направленного на активизацию познания культуры Санкт-Петербурга и овладение русским языком, накладываются на представленную в пособии динамику культурной жизни Санкт-Петербурга. Именно это взаимодействие обеспечивает создание единой, целостной картины культурно-

исторического пространства Санкт-Петербурга и адекватное восприятие ее иностранными учащимися.

Являясь сценарием учебного дискурса, пособие проецируется на учебный процесс: организует речевую деятельность учащихся, погружает в концептосферу русского языка и культуры, обеспечивает интерактивный режим обучения. Использование в учебном процессе пособия «„Красуйся, град Петров“: лики Санкт-Петербурга» дает возможность расширить представление иностранцев о культуре Санкт-Петербурга, обеспечить адекватное использование данной информации в межкультурном общении, сформировать билингвальные языковые личности, готовые к активному и полноценному сотрудничеству в современном поликультурном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теремова Р. М. Интерактивно-коммуникативный потенциал учеб. пособия «„Поговорим о вашей внешности“: это и актуально, и интересно» // Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Современная лингвистика и проблемы преподавания русского языка в техническом вузе». 25–26 окт. 2012 года. Уфимский гос. нефтяной тех. ун.т. Уфа, 2012.

2. Теремова Р. М. Лингвокультурологический текст и интерактивная коммуникация // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. 25–27 апр. 2002 г. СПб., 2003.

3. Теремова Р. М. Роль регионоведческого компонента в успешной межкультурной коммуникации иностранных учащихся // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. 11–13 апр. 2007 г. СПб., 2007.

4. Теремова Р. М. Дискурс в учебнике по русскому языку как иностранному: проблемы построения и типологии // Русское слово и русский текст: история и современность: Сб. науч. ст., посв. чл.-кор. РАО, проф. В. А. Козыреву. СПб., 2007.

REFERENCES

1. Teremova R. M. (2012) Interaktivno-kommunikativnyi potentsial uchebnogo posobiia «Pogovorim o vashei vneshnosti»: eto i aktual'no, i interesno» [Interactive and communicative potential of the textbook "Let's talk about your appearance": it is both relevant and interesting]. Proceedings of the International Conference "Sovremennaiia lingvistika i problemy prepodavaniia russkogo iazyka v tekhnicheskome vuze" [Modern linguistics and problems of Russian language teaching at technical University] (Ufa, 25–26.10.2012). Ufa. (in Russian)

2. Teremova R. M. (2003) Lingvokulturologicheskii tekst i interaktivnaia kommunikatsiia [Linguoculturological text and interactive communication]. Proceedings of the International Conference "Iazyk, kul'tura, mentalitet: problemy izucheniia v inostrannoii auditorii" [Language, culture, mentality: problems of studying in a foreign audience] (St. Petersburg, 25–27.04.2002). St. Petersburg. (in Russian)

3. Teremova R. M. (2007) Rol' regionovedcheskogo komponenta v uspekhnoi mezhkul'turnoi kommunikatsii inostrannykh uchashchikhsia [The role of the regional component in the successful intercultural communication of foreign students]. Proceedings of the 6th International Conference "Iazyk, kul'tura, mentalitet: problemy izucheniia v inostrannoii auditorii" [Language, culture, mentality: problems of studying in a foreign audience] (St. Petersburg, 11–13.04.2007). St. Petersburg. (in Russian)

4. Teremova R. M. (2007) Diskurs v uchebnike po russkomu iazyku kak inostrannomu: problemy postroeniia i tipologii [Discourse in the textbook on Russian as a foreign language: problems of construction and typology]. In: *Russkoe slovo i russkii tekst: istoriia i sovremennost'* [Russian word and Russian text: history and modernity]. St. Petersburg. (in Russian)

[хроника]

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОЛИМПИАДА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ...

(Начало на с. 79. Окончание на с. 111)

вой личности в межкультурной коммуникации» (1995–2017), в рамках которой разрабатываются проблемы обучения русскому языку как неродному и иностранному. Авторским коллективом разработаны линии учебников, учебно-методических пособий, словарей — более 68 наименований! — для изучающих русский язык как неродной, иностранный на основе лингвокультурологической концепции. Научно-образовательный проект «Лингвокультурологическая концепция обучения русскому языку в полиэтнической среде: методология, методическая система, технологии внедрения» под руководством Л. Г. Саяховой в 2013 году был удостоен Премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Международная олимпиада состояла из трёх этапов — двух заочных и заключительного очного. На сайте олимпиады mo-russ.bashedu.ru зарегистрировалось более 800 участников из 18 стран: Японии, Италии, Болгарии, Сербии, Словении, Молдовы, Хорватии, Македонии, Польши, Эстонии, Армении, Грузии, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Адыгеи, Дагестана, Ингушетии,

Карачаево-Черкесии, Республики Башкортостан, Республики Татарстан и др.

По результатам двух дистанционных туров были определены финалисты — участники очного тура, который проходил в Москве.

Программа очного этапа олимпиады была интенсивной. Участникам за два дня предстояло пройти сложнейшие испытания: первый день — основные конкурсные задания, второй — дополнительные творческие задания и тест на говорение.

Проживание и конкурсная программа олимпиады в течение двух дней проходили в гостиничном комплексе «Измайлово». Незамедлительно после заселения, завтрака и регистрации участников начался очный творческий этап. Нельзя не восхититься стойкостью ребят, которые сразу после долгого перелета, дороги до места проживания и множества организационных моментов смогли сконцентрироваться и максимально качественно выполнить задания. Работа шла до позднего вечера. Напряженный день завершился экскурсией в историко-архитектурный и культурно-развле-

Н. Л. Федотова, А. В. Васильева

СИМВОЛИЧЕСКОЕ И НЕСИМВОЛИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ КРАТКОСРОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (УРОВЕНЬ В1)

NINA L. FEDOTOVA, ANASTASIYA V. VASILIEVA

SYMBOLIC AND NON-SYMBOLIC INTERACTION OF EDUCATIONAL PROCESS SUBJECTS
UNDER CONDITIONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (B1) SHORT-TERM LEARNING

Статья посвящена проблеме организации символического и несимволического взаимодействия иностранных учащихся при обучении русскому языку на краткосрочных курсах. Авторами разработано учебное пособие «Что если...?», задания которого позволяют вырабатывать непосредственные реакции собеседников друг на друга и обмениваться информацией в различных формах.

Ключевые слова: интеракция; пособие «Что если...?»; интерактивные упражнения; русский язык как иностранный; краткосрочные формы обучения.

The article is devoted to the problem of organizing symbolic and non-symbolic interaction of foreign students in the process of studying Russian at short-time courses. The textbook “What if...?”, developed by the authors, offers training exercises, allowing the interlocutors to develop direct reactions to each other’s speeches, and to exchange information in various forms.

Keywords: interaction; “What if...?” textbook; interactive exercises; Russian as a foreign language; short-term courses.

Нина Леонидовна Федотова

Доктор педагогических наук,
профессор кафедры
русского языка как иностранного
и методики его преподавания

► n.fedotova@spbu.ru

**Анастасия Владимировна
Васильева**

Аспирант кафедры русского языка
как иностранного и методики
его преподавания

► littlegenius@yandex.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

Nina L. Fedotova, Anastasiya V. Vasilieva

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

Как известно, в основе интерактивного обучения лежит понятие «взаимодействие», т. е. интеракция (interaction), являющееся базовым понятием символического интеракционизма. Е. А. Капранова отмечает, что символический интеракционизм основывается на следующих положениях:

- природа человека социальна;
- социализация и самоопределение личности зависят прежде всего от ближайшего социального окружения, от первичных социальных групп, внутри которых человек пребывает;
- взаимопонимание во взаимодействии личности с другими людьми зависит от знания языковых и поведенческих символов, принятых в данной социальной среде;
- отношение личности к другому человеку предопределяется не тем, чем тот является на самом деле, а образом другого, представлением о нем, живущем в сознании этой личности;
- взаимопонимание обусловлено взаимодействием воображаемых фигур, живущих в сознании каждого;
- воображаемое оказывается не менее важным для взаимодействия, чем реальное, и даже зачастую важнее его [4: 36–37].

На наш взгляд, при разработке модели интерактивного обучения иностранному языку следует исходить из понятий, предложенных американским философом, социологом и психологом Дж. Г. Мидом, «*межиндивидуальное взаимодействие*» и «*социальный акт*», понимаемый как диалог между индивидами, постоянный непрерывающийся обмен установками и действиями [11]. Другими словами, социальный акт — это взаимодействие, которое может быть несимволическим (имеется в виду непосредственная реакция людей друг на друга) и символическим (обмен информацией в различных формах, в первую очередь вербальной, и может выступать как жестовая, письменная, вербальная формы коммуникации).

В социальном акте Дж. Г. Мид выделил 4 стадии:

- импульс (побуждение к действию);
- восприятие (формирование представления об объекте будущего действия);
- манипуляция (процесс взаимодействия субъекта и объекта);
- консуммация (получение пользы от объекта взаимодействия и ее оценка) [Там же].

Проходя перечисленные стадии взаимодействия, каждый участник коммуникации стимулирует речевое поведение партнера, т. е. происходит «перенимание ролей» [4: 37]. Таким образом передается определенная социально значимая информация, и, следовательно, согласно точке зрения Дж. Г. Мида, межиндивидуальное взаимодействие всегда обусловлено социальными фактами. Иначе говоря, характер восприятия окружающей действительности индивидуумом детерминирован опытом его общения с другими людьми и способностью воспринимать мир и себя так, как этот мир видят другие и как это выражено символами (язык и жесты) [11].

Последователь идей Дж. Г. Мида Г. Блумер также признавал существование двух типов взаимодействия: символического и несимволического. «В несимволическом взаимодействии человеческие существа непосредственно реагируют на жесты и действия друг друга, в символическом взаимодействии они интерпретируют жесты друг друга и действуют на основе значений, полученных

в процессе интеракции» [9: 112]. Г. Блумер считал, что значение любого понятия (объекта) возникает в социальном взаимодействии, поэтому, чтобы понять жизнь группы, нужно как бы перевести мир ее объектов в термины значений этой группы: «...значения, которые определяют действия, вытекают из контекста интеракции: в большинстве ситуаций, в которых люди общаются друг с другом, они уже заранее имеют представления, как себя вести и как будут действовать другие» [1: 168].

Основываясь на идеях интеракционизма и концепции стадильности педагогического взаимодействия [5], мы предприняли попытку создать оптимальную систему упражнений для обучения РКИ, в которых отражено соотношение символического и несимволического взаимодействия субъектов учебного процесса.

Практический курс по русскому языку как иностранному «Что если...?» разработан в рамках коммуникативного подхода и реализуется с помощью интерактивных методов. Задача курса — активизация и развитие умений устного речевого общения в обиходно-бытовой сфере (уровень B1).

Курс состоит из 10 уроков, которые основаны на ситуациях, максимально приближенных к реальной жизни иностранцев в России. Интерактивный курс включает следующие темы: «*Хочешь со мной поужинать?*», «*Отдыхаем по полной!*», «*А у меня сегодня день рождения...*», «*Жить здорово и здорово!*», «*Куда поедет?*». Уроки организованы по модульному принципу: они не связаны друг с другом и, следовательно, могут использоваться в произвольном порядке в зависимости от потребностей учащихся, а также сроков и времени обучения.

Каждый урок (одна тема) рассчитан на 4 академических часа и содержит определенный набор учебно-речевых задач, которые учащиеся решают путем совершения заданной продуктивной деятельности, предполагающей обязательное использование изучаемого языка для достижения совместного результата.

Структурной единицей организации общения и взаимодействия на уроке выступают интерактивные упражнения, объединенные в 8 групп по виду педагогического взаимодействия: *фо-*

нетические интерактивного типа, вводно-дискуссионные, оценочно-ознакомительные, мотивирующие, интериоризированные деятельностно-мыслительные, экстериоризированные, активно-деятельностные и сотворческие. Они представляют строгую систему, выстроенную по принципу постепенного усложнения, начиная с обращения к собственному опыту студента и заканчивая полным погружением в реальную языковую среду. Согласно данной системе интерактивные упражнения предполагают несколько этапов деятельности, каждый из которых имеет свой промежуточный результат, ведущий к конечной цели урока.

Реализация этой цели, а также стимулирование речевой деятельности и поддержание интереса студентов в естественно-мотивированном общении на изучаемом языке достигается путем выполнения интерактивных заданий: обсуждение проблемных вопросов; прослушивание аудиотекстов; составление диалогов; просмотр видеосюжетов; работа над мини-проектами, создание презентаций, ролевые игры и т. п. Следовательно, интерактивные задания предполагают не только индивидуальную работу студентов, но и работу в парах, мини-группах и группе, где общение приближено к социальному взаимодействию.

Фонетические упражнения интерактивного типа предназначены для коррекции слухо-произносительных навыков на лексическом материале, связанном с коммуникативной темой урока. Так, в уроке «Хочешь со мной поужинать?» предлагается следующее упражнение для коррекции навыков произнесения гласного /ы/: преподаватель показывает фото овощей и фруктов (изображение нескольких предметов) и спрашивает студентов «Помидор?», учащиеся должны дать форму мн. ч. «Помидоры». Возможно использование мини-текстов, например, для коррекции артикуляции звуков /п/-/б/: *Бродбутер наоборот — получится бутерброд* [10: 13]. *А уэйсаб наоборот? А бургергам? Гербур?* и т. д.

В зависимости от темы урока система интерактивных упражнений может расширяться. По форме организации взаимодействия задания разделяются на две большие подгруппы:

- 1) интерактивные задания, основанные на имитационных формах организации взаимодействия;
- 2) задания, цель которых — организация реального взаимодействия с носителями русского языка и погружение в языковую среду, например, использование сайтов Рунета непосредственно на уроке (поиск информации о российских фирмах, компаниях), реальные звонки в различные организации и «русскому другу».

Для обеспечения принципа интерактивности при выполнении ряда заданий используются диктофоны и камеры мобильных телефонов, выполняющие в данном курсе функцию интерактивных средств обучения. Их применение значительно повышает интерес учащихся к заданиям, способствует развитию навыков самостоятельной работы, делает урок информативно более насыщенным, а также позволяет регулировать интенсивность, ход урока и способы организации взаимодействия.

Иностранцам студентам, приезжающим в страну изучаемого языка, зачастую сложно преодолеть не только языковой барьер, но и психологический барьер, который в условиях языковой среды является причиной торможения коммуникативной активности в устной речи. С целью преодоления такого барьера каждый урок начинается с установочной фразы «Что если...?» («Что если я проведу все каникулы на диване перед телевизором?» или «Что если с завтрашнего дня я буду есть только фаст-фуд?» и др.), которая в прямом смысле служит «точкой отсчета» или «стартовой чертой» для дальнейшего взаимодействия на уроке. Во-первых, этот посыл нацеливает студентов на тему занятия, во-вторых, благодаря иронично-проблемной формулировке психологически раскрепощает учащихся, позволяя им с первых минут вступить в активное речевое общение и настраивая на доверительные отношения с преподавателем.

Высказывание «Что если...?» стимулирует выполнение вводно-дискуссионных интерактивных упражнений, содержащих вопросы для обсуждения, которые предполагают обращение к жизненному опыту и фоновым знаниям обучающегося (например: *Что обычно желают в день*

рождения в Вашей стране?, Что такое, по Вашему мнению, «активный отдых»? Где в Вашем родном городе можно дешево поесть?, На каком транспорте Вы любите путешествовать больше всего? Почему? и т. п.). Благодаря таким вопросам во взаимодействие непроизвольно включается личность учащегося, осуществляется активизация сформированных ранее речевых навыков и умений, преодолевается боязнь «быть не понятым» носителями изучаемого языка, а также развиваются умения, которые необходимы для выхода в реальное общение, а именно — умения вступить в общение, поддержать общение, представить собственную точку зрения по обсуждаемой теме.

Создание и воссоздание в учебном процессе ситуаций, максимально приближенных к реальной жизни в стране изучаемого языка, достигается посредством использования аутентичных диалогов и видеосюжетов. В разработанном нами курсе они приобретают интерактивный характер, поскольку способствуют организации разных форм взаимодействия, положительно воздействуют на учащихся и побуждают их к коммуникации (анализу, обсуждению, сопоставлению, дискуссии). Кроме того, такие тексты предъявляются как сценарии реального общения, отражающие лингвосоциокультурные стереотипы. Привлекая видеосюжеты, мы исходили из того, что «поиск способов оптимальной подачи информации в последнее время привел к своего рода взрыву визуальных практик, в которых визуальный образ доминирует над вербализованными способами передачи информации» [2: 62]. С психологической точки зрения, «чем больше анализаторов участвует в процессе восприятия, тем больше образуется в коре головного мозга временных нервных связей, тем больше создается условий для более прочного запечатления образа в памяти» [3: 11]. Можно привести и другие аргументы: «...информация, содержащаяся непосредственно в текстовом сообщении, усваивается лишь на 7%, голосовые характеристики способствуют усвоению 38% информации, тогда как наличие визуального образа заметно повышает восприятие — до 55%» [8].

Пребывание в естественной среде изучаемого языка требует от иностранных учащихся бы-

стро и правильного восприятия устной информации и адекватного реагирования. Использование различного рода видеосюжетов помогает активизировать слуховые каналы восприятия иноязычной речи путем устного предъявления материала без опоры на письменный текст.

Аутентичные видеотексты, использованные в курсе «Что если...», являются проблемными (например: «Про здоровый образ жизни», «Почему нельзя отмечать 40 лет?», «10 странных русских блюд, непонятных для иностранцев» и т. п.). Они не только развивают аудитивные умения при восприятии живой речи носителей языка, но и позволяют усваивать экстралингвистические и культурологические элементы коммуникации, тем самым включая учащихся в социокультурное окружение, а также мотивируют обучающихся к общению и обсуждению, т. е. выполняют информативную и коммуникативную функции. Задания, построенные на их основе, образуют оценочно-ознакомительную группу интерактивных упражнений, содержат проблемные вопросы и акцентируют внимание на предмете речевой деятельности, освоение которой происходит в ходе работы с диалогами.

В каждом уроке даны 2 типа диалогов, относящихся к обиходно-бытовой сфере общения. В диалогах представлена проблемная ситуация и один из способов решения проблемы. Такая ситуация соотносится с условиями реального общения носителей изучаемого языка, поэтому тексты диалогов воспринимаются студентами как аутентичные.

Диалоги первого типа, включенные в группу мотивирующих интерактивных упражнений, используются для развития языковой догадки, языкового «чутья» и умений антиципации (по мнению студентов, этот вид работы оказался самым сложным). В диалогах воспроизводятся ситуации общения двух людей, выполняющих определенные социальные роли (покупатель — продавец, официант — посетитель, доктор — пациент, работник службы сервиса — турист и т. п.). Пример задания к диалогу в уроке «Жить здорово и здорово!»: *Посмотрите карточки, расставьте номера реплик. Составьте диалог «На приеме у врача». Запишите диалог на диктофон мобильного телефона.*

Второй вид диалогов — телефонный разговор друзей, обсуждающих ту или иную проблему (*куда поехать на выходные, где лучшие отметить день рождения, в какой ресторан сходить пообедать* и т. п.). В печатном тексте диалогов имеются пропуски, которые студенты восстанавливают при прослушивании.

Материалы, использованные в диалоге при обсуждении той или иной проблемы, имеют аутентичные источники и «добываются» самими студентами в Интернете (например: *расписание электричек, адреса, телефоны, цены* и т. п.).

Диалоги, в которых представлены сценарии русского коммуникативного поведения и стереотипы речевого взаимодействия, смоделированы таким образом, чтобы впоследствии иностранные студенты могли использовать языковые средства в беседе по телефону с реальным «русским другом». Благодаря этому развиваются речевые умения в говорении и аудировании, преодолеваются языковая и психологический барьеры в общении с носителями изучаемого языка, осуществляется перенос сформированных коммуникативных умений на типичные ситуации в обиходно-бытовой сфере.

Активизация умений естественно-мотивированного общения осуществляется посредством выполнения деятельностно-мыслительных упражнений, активно-деятельностных упражнений и сотворческих упражнений, предполагающих коллективные формы работы. Благодаря им на занятии создается естественная речевая ситуация, и говорящий включается в обсуждение по собственной инициативе. При выполнении заданий упомянутых групп использование языка становится не целью, а средством достижения результатов при осуществлении практической деятельности. Примерами являются такие задания, как «*Придумайте название для своего ресторана. Представьте свой ресторан. Составьте меню русской кухни*» или «*Посоветуйте: Как ухаживать за зубами? Какие продукты полезны для зубов? Какие продукты не рекомендуются? Какие привычки вредны для зубов? Как часто нужно ходить к стоматологу? Оформите плакат под названием «Береги зубы смолоду»* и т. п.

Кульминационным этапом всего урока становятся сотворческие задания: все студенты принимают участие в создании общего значимого для всех результата (например, ролевая игра «*Фирменное блюдо ресторана*»: *Распределите роли: репортер, оператор, шеф-повар, поварá. Снимите на телефон репортаж о приготовлении салата*). Такое задание, соотносимое по функциям и по форме с ролевой игрой, стимулирует учащихся к активной деятельности, к свободному использованию изученного материала и способствует развитию умений спонтанной речи, что важно для решения коммуникативных задач в реальном общении [6]. М. А. Петренко и Е. А. Баталина видят преимущество ролевых игр в том, что они позволяют «ощутить неподдельные эмоции и прочувствовать определенные состояния, что, несомненно, пробудит еще больший интерес и мотивацию к учению» [7: 175].

После апробации пособия «Что если...?» было проведено анонимное анкетирование студентов, которые обучались по данному интерактивному курсу. Все информанты считают, что занятия были не скучными, одновременно и развлекательными, и познавательными; задания оказались очень полезными, интересными и порой даже смешными.

В анкетах было отмечено, что на занятиях можно было выполнять разные действия, при этом приходилось быстро думать и отвечать, находиться в повышенном эмоциональном тоне, это позволяло «не выключаться» из учебного процесса, концентрироваться и импровизировать.

Особенно понравились студентам задания: *готовить вместе русское блюдо, звонить по телефону друзьям и в ресторан, создавать меню, делать рекламные плакаты, придумывать тосты* и др., т. к. они помогают легко запоминать новую лексику и грамматические конструкции.

87% студентов считают, что видеосюжеты не только вызывают интерес, но и полезны для аудирования и помогают понимать поведение носителей русского языка. Хотя прослушивание диалогов без опоры на печатный текст представляло некоторые трудности, все же они необходимы для развития фонетических, лексических

и грамматических навыков как компонентов умений в этом виде речевой деятельности.

Все информанты подчеркнули коллективно-образующую роль курса: задания позволяют всем быть активными, поскольку каждый может высказать свою точку зрения.

Студенты видят главные преимущества курса «Что если...?» в том, что была предоставлена возможность использовать русский язык для реального общения с русскоязычными, благодаря чему это были не просто уроки, но подлинная разговорная практика.

Таким образом, символическое и несимволическое взаимодействие субъектов учебного процесса, реализованное в интерактивном курсе по РКИ «Что если...?», поддерживает мотивационную готовность к активному овладению языковым материалом на иностранном языке и значительно активизирует деятельность учащихся, мобилизуя зрительные и слуховые каналы восприятия языковых единиц. Благодаря частой смене деятельности и использованию интерактивных методов преодолеваются языковой и психологический барьеры и обеспечивается органичный перенос речевых умений из аудиторного в неаудиторное общение с носителями изучаемого языка.

Как показал методический эксперимент, разработанный интерактивный курс

- создает условия для продуктивного коммуникативного взаимодействия между студентами и при общении в диаде студент — преподаватель;
- непосредственно на уроке выводит в реальную коммуникацию с носителями русского языка;
- соответствует коммуникативным потребностям иностранных учащихся, изучающих русский язык в России;
- способствует эффективному развитию языковой, лингвосоциокультурной и прагматической компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блумер Г. Коллективное поведение // Психология масс. Хрестоматия / [Под ред. Д. Я. Райгородского]. Самара, 1998. С. 535–565.
2. Гончар И. А. Вербализация инфографики: специфика текстообразования (на матер. видеogramм «Россия в цифрах») // Филологический класс. 2015. № 2. С. 62–65.
3. Зимняя И. А. Психологические особенности восприятия лекций в аудитории. М., 1970.
4. Капранова Е. А. Интерактивное обучение: концептуальные основания и подходы // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. Е. Педагогические науки. 2012. № 7. С. 36–41.
5. Коротаева Е. В. Некоторые вопросы интерактивного обучения // Научный диалог. 2012. Вып. 5. Педагогика. С. 100–111.
6. Орлова Е. В. Обучающие ролевые игры на занятиях по русскому языку // Инновационные проекты и программы в образовании: журн. для педагогов и руководителей инновационных образовательных учреждений. № 1 (55). 2018. С. 40–45.
7. Петренко М. А., Баталина Е. А. Интерактивные методы обучения на уроке иностранного языка // Образование и наука в современных условиях: матер. VII Междунар. научно-практ. конф. (Чебоксары, 22 мая 2016 г.): В 2 т. Т. 1. Редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары, 2016. № 2–1 (7). С. 173–176.
8. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М., 2004.
9. Символический интеракционизм: основные принципы // Современные социологические теории. 5-е изд. / Пер. с англ. А. Бойкова, А. Лисицыной. СПб., 2002. С. 62–63.
10. Федотова Н. Л. Если сказал [а] ... Пособие по фонетике русского языка. Тверь, 1999.
11. Mead G. H. Mind, self, and society: from the Standpoint of a social behaviorist / Ed. and with an introduction by C. W. Morris. Chicago; London, 1992.

REFERENCES

1. Blumer G. (1998) Kollektivnoe povedenie [Collective behavior]. In: Raygorodskii D. Ya., ed. *Psikhologiya mass. Khrestomatia [Psychology of the masses. A reader]*. Samara, pp. 535–565. (in Russian)
2. Gonchar I. A. (2015) Verbalizatsiia infografiki: spetsifika tekstoobrazovaniia (na materiale videogramm «Rossiia v tsifrah») [Verbalization infographic: the specificity of text formation (on the material of videograms «Russia in figures»)]. *Filologicheskii klass [Philological class]*, no. 2, pp. 62–65. (in Russian)
3. Zimnyaya I. A. (1970) *Psikhologicheskie osobennosti vospriiatia lektzii v auditorii [Psychological peculiarities of perception of the lectures in the classroom]*. Moscow. (in Russian)
4. Kapranova E. A. (2012) Interaktivnoe obuchenie: kontseptual'nye osnovaniia i podkhody [Interactive learning: conceptual foundations and approaches] *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Polotsk state University]*. Serie E. Pedagogical Sciences, no. 7, pp. 36–41. (in Russian)
5. Korotaeva E. V. (2012) Nekotorye voprosy interaktivnogo obucheniia [Some interactive learning issues]. *Nauchnyy dialog [Scientific dialogue]*, iss. 5: Pedagogy, pp. 100–111. (in Russian)
6. Orlova E. V. (2018) Obuchaiushchie rolevye igry na zaniatiakh po russkomu iazyku [Educational role-playing games in the classroom in the Russian language]. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii: zhurnal dlia pedagogov i rukovoditelei innovatsionnykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii [Innovative projects and programs in education: journal for teachers and leaders of innovative educational institutions]*, no. 1 (55), pp. 40–45. (in Russian)
7. Petrenko M. A., Batalina E. A. (2016) Interaktivnye metody obucheniia na uroke inostrannogo iazyka [Interactive methods of teaching a foreign language lesson]. Proceedings of the 7th International Conference "Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviakh" [Education and science in modern conditions] (Ed. board: O. N. Shirokov et al.) (Cheboksary, 22.05.2016), in 2 vols, vol. 1, no. 2–1 (7), pp. 173–176. (in Russian)
8. Pocheptsov G. G. (2004) *Teoriia kommunikatsii [Communication theory]*. Moscow. (in Russian)
9. Simvolicheskii interakcionizm: osnovnye principy [Symbolic interactionism: the basic principles] (2002). In: *Sovremennye sotsiologicheskie teorii [Modern sociological theories]*, 5th ed. St. Petersburg, pp. 62–63. (in Russian)
10. Fedotova N. L. (1999) *Esli skazal [a] ... Posobie po fonetike russkogo iazyka [If you said [a]... Handbook on phonetics of the Russian language]*. Tver. (in Russian)
11. Mead G. H. (1992) *Mind, self, and society: from the Standpoint of a social behaviorist*. Chicago; London. (in English)

С. М. Пронченко

ФОЛЬКЛОРНО-ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ НОВОЗЫБКОВСКОГО РАЙОНА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

SERGEY M. PRONCHENKO

FOLKLORE AND DIALECTOLOGICAL MATERIAL FROM NOVOZYBKOVSKY DISTRICT (BRYANSK PROVINCE)
IN RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE TEACHING PRACTICE

**Сергей Михайлович
Пронченко**

Кандидат филологических наук, доцент
кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Брянский государственный университет
им. акад. И. Г. Петровского,
филиал в г. Новозыбкове
ул. Советская, д. 9,
г. Новозыбков, Брянская обл.,
243020, Россия
► s.m.pronchenko@yandex.ru

Sergey M. Pronchenko
Bryansk State Academician I.G. Petrovski
University, Branch in Novozybkov
9, Sovetskaya str.,
Novozybkov, 243020, Russia

В настоящей статье раскрываются методические возможности фольклорно-диалектологического материала Новозыбковского района Брянской области. Показывается, что он может служить в качестве дидактической единицы на уроках русского языка и литературы, позволяя, с одной стороны, изучать региональные языковые особенности на примере произведений устного народного творчества, знакомить школьников с содержанием «Брянского областного словаря», с другой — расширять и углублять представления учащихся о фольклорных жанрах, народных и христианских праздниках.

Ключевые слова: диалектные особенности; фольклор; Новозыбковский район Брянской области; дидактическая единица; лингвофольклористика.

The article reveals methodical potential of folklore and dialectological material from Novozybkovsky District (Bryansk Province), and shows that it can be used in the process of teaching at the lessons of Russian language and literature, allowing the high school students to study the regional language features on the example of works of folklore, to get acquainted with the “Bryansk Province Dictionary”, and to expand and deepen their ideas of folklore genres, national and Christian holidays.

Keywords: dialect features; folklore; Novozybkovsky district (Bryansk Province); didactic unit; linguistics and folklore.

В сёлах Новозыбковского района Брянской области действуют фольклорные коллективы, представители которых исполняют произведения устного народного творчества на региональном языке. Специфика этого языка обусловлена приграничным расположением Брянщины относительно Беларуси и Украины. Лирические и прозаические фольклорные произведения приграничного с Беларусью Новозыбковского района насыщены диалектизмами, что для методики обучения русскому языку является значимым, поскольку в преподавании языка следует учитывать языковую самобытность родного края.

Фольклорно-диалектологический материал, привлекаемый в данной статье, был собран и расшифрован её автором и учителем русского языка и литературы М. А. Мухиной в период реализации в 2010 году международного гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) — Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) «Формирование и функционирование традицион-

ной культуры на территории русско-белорусского пограничья: межкультурное взаимодействие в диахронии и синхронии». Результаты работы над грантом отражены в книге [1].

Фольклорно-диалектологический материал юго-запада Брянской области обладает значительным методическим потенциалом и может служить дидактической единицей, например, на интегрированном уроке русского языка и литературы.

Для определения места такого урока в школьном обучении были проанализированы действующие рабочие программы для 5–9-х классов по русскому языку (предметная линия учебников Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова, Л. А. Тростенцовой и др.) и литературе (предметная линия учебников под ред. В. Я. Коровиной). Целесообразно провести такой урок в 8-м классе в начале учебного года, когда по русскому языку проводится «Повторение изученного в 5–7 классах» (авторы программы отводят на изучение этой темы 5 часов + 2 часа на развитие речи), по литературе же осваивается тема «Устное народное творчество» (авторы программы выделяют на изучение этой темы 2 часа и предлагают расширять представления учащихся о лирических и исторических народных песнях, частушках и народных преданиях).

Начать интегрированное занятие возможно с прослушивания учащимися песни «А ў лузі, ў лузі Василь сено кося...»*, которую исполняет жительница деревни Вихолки Новозыбковского района Брянской области Нина Ивановна Пастушенко 1931 г. р.

А ў лузі, ў лузі Васіль сэна кося,
А яму даяўчына дитяці прынося:
«Васільку, Васільку, вазьмі свайго сынку,
А не вазьмиш сыну — на пакосі кінну».
Бросіў Васіль косу, да ўзяў ён сына,
Дай панёс да дому.
«Мáти, мая мáти, вот такá причíна:
Ў лузі, на пакосе, ляжала дятíна» —
«Милый мой сынóчик, так нихáй нам б́удя,
Чэрыс уóдик, чэрыс два забáвачка б́удя» —
«Милая мамáша, есь дру́га причíна:
В сэнцах, за двяры́ми, стаіт там даяўчы́на» —
«Милый мой сынóчик, дак вядí да хáты.

Няхáй ана б́удя яму рóднай мáты».
Ў лу́зі, ў лу́зі расцвяла́ кали́на,
Вот так и жани́ла ма́ти свайго́ сы́на.

После песни проводится *беседа учителя со школьниками*. Приведем возможные вопросы учителя:

- *Что необычного вы можете отметить? (Учащиеся указывают на особенности произношения, непонятные слова.)*
- *Мы прослушали песню, записанную в Новозыбковском районе Брянской области. Так говорят на Брянщине. Эти особенности наиболее заметны в речи сельских старожилков. Вспомните, как называют особое произношение, особенности речи? (Говор). Назовите раздел языкознания, изучающий говоры (Диалектология). К какому разделу литературоведения относится прозвучавшая песня? (Устное народное творчество).*

На этапе усвоения новых знаний и способов действия предлагается рассмотрение на интерактивной доске таблицы «Языковые особенности брянских говоров» (после анализа она чертится в рабочих тетрадях). Эта таблица состоит из двух колонок. Первая колонка называется «Основные черты» (с её содержанием учащиеся работают на данном этапе), вторая колонка — «Примеры из фольклорно-диалектологического материала» (к ней школьники обратятся на следующем этапе урока при закреплении изученного). Опишем языковые особенности говора, на которые необходимо обратить внимание учащихся.

И. Фонетика

- В первом предударном и первом заударном слогах на месте орфографических *e, a, и* — *я* (яканье): *зяме́лька, ляте́ла, прынясу́, разбяра́ть, сямна́ццать, тябе́, яны́; бе́лянький, во́сьмь, ка́мянь, па́рянь, па́сяка* (пасека), *по́лдянь, че́рыс* и др.
- На месте приставки и предлога *с* — [з]: *звэ́рьху, звя́жать, з бау́тага рóду, з ёй* (с ней), *з лицá, злóжынае* (сложненное), *з на́мы, з рабо́ты, зра́зу, зняла́* и др.
- Г фрикативный (обозначается *ʎ*): *бяуóм* (бегом), *уарбу́с* (тыква), *уаршо́к, улаубо́ить* (говорить), *уляди́, уука́ть* (звать), *друуáя, дру́гий рас, з зяле́нага лу́у, ляула́, нямно́ча, сядьмо́ча, чяуó, яуó* и др.

- Вставки звуков или отсутствие звуков: *вбзяра* (озеро), *вбчи* (глаза), *вуубл* (угол), *вблачка* (улочка), *вузёл* (узел), *вбмная*, *дахббджу* (дохожу), *ишла*, *прибавбтки*, *Вбблбуа* (Ольга); *ампбр* (вампир), *кала* (около), *ни днауб* (ни одного), *Ражаствб* (Рождество), *Ляксббй* (Алексей) и др.
- Буква *ф* представлена [хв], [кв], [х], [к]: *бухвбт*, *урахвбнчик*, *канхвбтачки*, *Хведббра* (Федора), *квасббля* (фасоль), *кбхве*, *кбхта*, *кухвбйка*, *прахвбссия*, *тбхли*, *хвбртук* и др.
- Наличие у неслогового (обозначается *ў*), который произносится на месте орфографических *у*, *в*, *л* в знаменательных и служебных частях речи: *дблаў*, *ишбў* (шёл), *павярнуўся*, *ў ўбради*, *ўзьяў*, *ў лясў*, *ўнбк*, *ўрбди* (вроде), *ўсб*, *ўсяудб*, *ў адбнаццб* *цб* *чясбў* и др.
- Твёрдый [р] перед [э] и [ы]: *на дярбўни*, *пауарбэла*, *рбчка*, *сярбнь*, *трбттий*, *ўрбмя*, *хрбст* (крест); *урббб*, *крянбца*, *крянчяла*, *прывязлб*, *трактарбст*, *трбццб*, *шбрык*, *Екатярубна*, *Хрбстбна* (Кристина) и др.
- Произнесение долгих согласных на месте орфографических *ь*, *и*: *Блауавбщяння* (Благовещение), *варбння*, *крблля*, *пячбнне* (печенье), *плбтня*, *Хрящбння* (Крещение) и др.
- В окончаниях глагольных форм — [т']: *ббуаць*, *бярбтб*, *уарбтб*, *дблбць*, *бздбць*, *жывбтб*, *пябтб* (поёт) и др.

II. Лексика и фразеология

- Употребление диалектных лексем и устойчивых сочетаний слов: *Адбрушка* (ум.-ласкат. от Дарья), *Нбпа*, *Нбля* и *Нбня* (ум.-ласкат. от Анастасия), *атчинбтб* (открыть), *ббчбтб* (видеть), *вячбря* (ужин), *забжбтб* (захотеть), *закутбтб* и *замыкбтб* (закрывать на замок), *заплюснубтб* (закрывать, о глазах: *заплюснубтб вбчи*), *нбдачка* (падчерица), *пасбстра* (двоюродная сестра), *снбдбтб* (завтракать); *стрбвы* (еда, блюда), *хрбзьбины* (крестины), *уаманб(б)тб* (разговаривать) и др.; *кбзабам дивбццб* (недовольно смотреть), *маскб завязбтб* (забыть), *шбпка вблиццб* (страшно), *убдб дблбся* (неожиданно пропали), *дбтб рбду* (навести порядок) и др.

III. Словообразование

- Отсутствие в глагольных формах суффиксов *-ева-*, *-ива-*, *-ыва-*: *выскбкбця*, *дауавбрюяццб*, *закрубчбуб*, *надябубтб*, *пакбзуя*, *перячбсуяць*, *раскбзуяць*, *спрбшуя* и др.

IV. Грамматика

- Глаголы I спряжения в форме 3 л. мн. ч. — с окончаниями II спряжения: *аббяснбяць*, *аткбжбць*, *вбзбмбць*, *звбзубць*, *знбяць*, *наряжбяць*, *раббббць*, *разбвббць* и др.
- В глагольных формах замена постфикса *-сь* на *-ся*: *вярнблася*, *даждбся*, *зауарблася*, *пакбтблася*, *пасялблася*, *удивлблася* и др.
- В глагольных формах 3 л. ед. ч. отсутствуют литературные окончания *-ет*, *-ит*: *ббчб* (видит), *бярб* (берёт), *выхбдя*, *улаубля* (говорит), *уубкб* (зовёт), *бздб*, *кбня*, *мбжа*, *плбчб*, *прбдя*, *рве*, *хбдя* и др.
- В именах существительных и местоимениях во мн. ч. вместо окончаний Д. п. — окончания II. п.: (читать) *па ббквбх*, *па канбвбх*, *па нбжбчкбх*, *па хбтбх*; *па бтбх* и др.
- В формах имён существительных и местоимений мн. ч. Т. п. — окончание *-амы*: *урбббамы*, *двбмы* (двумя) *рукбамы*, *дбткамы*, *дрбвбамы*, *пбснямы*, *пат Катбчбамы* (Катбчи — село в Новозыбковском районе), *санбямы*, *сапаубамы*, *яубадбамы*; *з нбамы* и др.
- В количественно-именных словосочетаниях формы имён существительных мн. ч. Р. п. — с окончанием *-ы* вместо литературного *-а*: *двб уадб*, *двб дварб*, *двб салдбты*, *двб хлбпцы*, *двб швы*, *трб клбсы*, *трб рбзы*, *трб сталбб*, *трб сынб*, *чятбры чясб* и др.
- Изменение грамматического рода имён существительных: *ббнак* (м. р., литературная форма — банка), *бех саббкб* (м. р.), *залатбй вядбрка* (м. р., литературная форма — ведёрко), *лбвачбк* (м. р., литературная форма — лавочка), *нбсып* (м. р., литературная форма — насыпь), *свбдьбб ббб* (м. р.), *ббб ярмалак* (м. р., литературная форма — ярмарка) и др.
- Особые формы местоимений под влиянием имён прилагательных: *бтбй*, *тбя*, *тбуб*, *тбй*, *тбя*, *бтбя* и др.

На этапе закрепления могут быть предложены следующие виды деятельности школьников.

1. Лингвистический анализ фольклорно-диалектологического материала. Учащиеся работают с колонкой «Примеры из фольклорно-диалектологического материала» уже известной им таблицы.

На интерактивной доске — образцы песен, рассказов и частушек для лингвистического анализа.

№ 1

Ой, як пасэяли дэўки бэлы лэн.
 Лэли-лэли, дэўки бэлы лэн.
 Ой, у дэвачки уража́й ня уради́ў.
 Лэли-лэли, уража́й ня уради́ў.
 Ой, па́рянь ик дэвачки ў сва́ты прыхади́ў.
 Лэли-лэли, ў сва́ты прыхади́ў.
 «Ой, ти по́йдиш ты, дэўка, за мяне́?
 Лэли-лэли, дэўка, за мяне́?» —
 «Ой, чу́ла ш я сла́вачку ш, сла́ву пра тябе́.
 Лэли-лэли, сла́ву пра тябе́».

(Исполняют жительницы села Новые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области Ольга Фёдоровна Ерошенко 1933 г. р. и Татьяна Афанасьевна Пастухова 1934 г. р.)

№ 2

На Ива́на <...> на Купа́ла хо́дять, сабира́-
 ять тра́вы фсы́кие ляче́бные. Ну пра́знуять
 ўся́уда́ жэ. <...> Май́ жэ вон сажа́ять на пя-
 рэ́дний день. Ну во пе́рят Тро́йцэ́й... Дух
 и Тро́йца. Зна́иш? Да́-а. Ну... Во ш вясно́й.
 Дак во лама́ять во... аси́ну. Май́ называ́ец-
 ца. Та май́. На́лама́ывают. Абяза́тильна на́да ў
 ха́ти па́тырка́ть. Ў ха́ти и на дварэ́. Да, и арэ́-
 шник, а аси́ну абиза́тельна на́да.

(Записано от жительницы села Каташин Новозыбковского района Брянской области Юлии Фёдоровны Злобовой 1930 г. р.)

Як Тро́йца, сабира́яцца ўсе́ насяле́ние, ха-
 равот во́дять, уармо́шки, та́нцы... Тро́йца —
 трое́ су́так щита́йца́ э́та пра́зник. <...>
 Вот ще́ есть Вазнясе́ние. Э́та ра́ньшы зва́-
 лась Ўше́стя. Ат Па́ски шэ́сть няде́ль. Э́та
 Вазнясе́ние. уаспо́ть ще́ хади́л па зямле́,
 а па́том ужэ́ на неба́сах.

(Записано от жительницы села Старый Кривец Новозыбковского района Брянской области Анастасии Андриановны Попковой 1929 г. р.)

№ 3

Ой, сидэ́ла Ма́шынька с кра́я аконца́, э́й-э-э,
 Дажыда́ла Ма́шынька че́рна, ой, мо́рца.
 Чернамóрец, Ма́шынька, чернамóрец
 Вы́виў ми́не бо́сую на маро́зец.
 Вы́виў ми́не бо́сую, ще́ пыта́я:
 «Ти́ есть маро́с, дэўчи́на, ти́ не ма́е?» —
 «Ой, ни́ма маро́зичку, то́льки ро́са».
 А я ш маладе́шынька стаю́ бо́са.
 Праста́яла но́чиньку да́ и пайдú́ жэ.
 А я чернамóрчичка́ люблю́ дú́жа.

***

На у́рянóй няде́ли
 Руса́лки сядэ́ли
 На крыва́ой бяре́зе,
 Па пра́мо́й даро́зи, у-у-у.

***

А па́люби́ла уарма́ниста́ —
 Заруу́ала ми́ня ма́ть.
 Ах, ни руу́ай-ка ми́ня, ма́ти:
 Развясэ́лый бу́дя зя́ть!

***

А уде́ ма́йх сямна́ццать лет?
 уде́ ма́я тужу́рачка?
 уде́ ма́йх тры́ ухажо́ра:
 Пе́тя, Во́ва, Шу́рачка?

***

Разда́йся, на́рот!
 Ми́ня пля́ска берэ́т!
 Пайдú́, па́пляшú́
 Да на на́рот пау́ляжú́.

(Исполняет жительница деревни Вихолки Новозыбковского района Брянской области Нина Ивановна Пастушенко 1931 г. р.)

Этап закрепления изученного прерывается *беседой учителя со школьниками о фольклорных жанрах и о праздниках:*

– *Фольклор юго-запада Брянщины, который мы проанализировали, представлен песнями, рассказами и частушками. Попытаемся дать определения этим трём жанрам фольклора.*

В ходе эвристической беседы учащиеся дают свои определения. После беседы учителем предлагаются дефиниции, которые записываются в рабочие тетради.

Песня — поэтический жанр фольклора, в котором отражены народные традиции и обычаи, бытовые и исторические события. Песни, сопровождающие обряды и праздники, называют *обрядовыми*.

Рассказ — прозаический фольклорный жанр, в котором запечатлены народные представления о каких-либо событиях. *Мифологические рассказы* повествуют о фантастических событиях.

Частушка — жанр фольклора напевно-рециативного характера, для которого характерна злободневность, афористичность, народный юмор.

– Какие темы характерны для проанализированных произведений устного народного творчества? (Сватовство и любовь, особенности празднования Троицы, Гряной недели, Ивана Купалы.)

Троица — христианский праздник, который в православии отмечается в воскресенье, на пятидесятый день после Пасхи. У него несколько названий: *День Святой Троицы, Пятидесятница, Духов день*. Троица указывает на тройственность Бога (Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух). На этот праздник принято украшать своё жилище ветками деревьев, цветами и травами. В Новозыбковском районе распространён обычай украшать дом аиром.

Гря(е)ная неделя — обычно это неделя, на которой празднуют Троицу, время пребывания на земле покойников (людей, умерших неестественной смертью), вышедших из воды русалок. Употребляются и другие её названия: *Русальная неделя, Троицкая неделя, Проводы русалок* и др. Названия *Гря(е)ная неделя, Вредная и Кривая неделя* бытуют на территории Восточного Полесья, куда входит и Новозыбковский район Брянской области. В это время прощаются с весной, помнят умерших, в конце недели провожают в мир иной русалок.

Народный праздник *Иван Купала* отмечают 7 июля. Он посвящён летнему солнцестоянию, расцвету природы. У него есть и другие названия: др.-рус. *Крес*, рус. *Иванов день, Купальская ночь* и др. Особенно значима ночь накануне этого праздника, когда купаются, плетут венки, разжигают костры, водят вокруг них хороводы и прыгают через них, поют, гадают, ищут цветок папоротника. По народным поверьям, костёр на Ивана Купалу обладает очищающими качествами, а вода — чудодейственными и магическими свойствами.

Далее учитель со школьниками возвращается к закреплению изученного.

2. Вторую часть закрепления занимает работа с «Брянским областным словарём», которая проводится совместно с учителем. Каждый ряд учащихся получает отрывки фольклорно-диалектологического материала (отображаются на интерактивной доске). Посредством «Брянского областного словаря» школьники определяют лексическое значение подчёркнутых диалектизмов.

На интерактивной доске:

І ряд

Чюю, чюю, чюю: уудочки уудуть. / Навёрна, нявэсту вяньчяцца вязуць. (Из песни)

Я битон припаднiлá — там вуш извёрнутый... Бох яуб зная, ти ён ахраняет, ти, мбжа, шкóду якую дэлая. (Из рассказа)

Парá, мáти, жы́та жáти: / Каласок склани́лся, у-у-у. (Из песни)

ІІ ряд

«Ой, давóльна табé, дéвка, дóктаря ж дай дуры́ть. / Ой, парá ж табé, дéвка, сы́на радiть». (Из песни)

А тады́ ўдóвы пóйдим нóччю, кóлики па-вы́рвем да завáлим пря́сла. А то даждя́ ня б́удя. (Из рассказа)

«...Ты схавáйся ў стресé, ў стресé. / Метéлица занесé, занесé». (Из песни)

ІІІ ряд

На балóте дом стая́ў, яліна схилiлася. / Ой, ель, маé ёляўца да кудря́вая дэряўцо. (Из песни)

Нямно́га зуадя́, захо́жу знóў ў хáту. Сядiть ў хáте тярэ́шка вот такáя здарóвая, чёрная, на тiули. (Из рассказа)

Прывязлi скры́ню, пыры́ню. / Ще маладúю княўiню, у-у-у. (Из песни)

Ответы. І ряд: *чюю* от *чу́ять* — ‘слышать’, *шкóда* — в первом значении ‘вред, убыток, порча’, *жы́та* (жито) — ‘рожь’; **ІІ ряд:** *дуры́ть* (дурить) — ‘обманывать, дурачить, морочить голову’, *пря́сла* — ‘изгородь, забор’, *схавáйся* (пов. накл.) от *сховáться* — ‘спрятаться’; **ІІІ ряд:** *схилiлася* от *схилiться* — ‘склониться, наклониться’, *тярэ́шка* — ‘бабочка’, *скры́ня* (скры́нка) — в третьем значении ‘сундук для вещей’.

3. Последней частью этапа закрепления может быть индивидуальная работа по карточкам.

Карточка № 1

Задание. Найдите и выпишите из фольклорного текста диалектизмы с фонетическими, лексическими, фразеологическими, словообразовательными или грамматическими особенностями. Подчеркните эти особенности.

Колыбельная

Баю-баюшки-баю,

Ни лажы́ся на краю́.

Пры́дя сёрэнький валчэк,

Схв́а́тя Дёньку за бачёк
И па́тяня ў лясо́к.

(Записано от жительницы села Верещаки Новозыбковского района Брянской области Нины Макаровны Елисеенко 1937 г. р.)

Карточка № 2

Задание. Найдите и выпишите из фольклорного текста диалектизмы с фонетическими, лексическими, фразеологическими, словообразовательными или грамматическими особенностями. Подчеркните эти особенности.

Песня «Посеял урочки...»

Пасея́л уу́рочки,
Бли́зка над вадо́ю.
Сама́ бу́ду палива́ти дробна́ю слязо́й.
Сама́ бу́ду палива́ти дробна́ю слязо́й.
Расцвеле́и уу́рочки,
Четы́ри листоч́ки.
Ни ба́чила ми́линькауа́ четы́ры уадо́чки.
Ни ба́чила ми́ленькауа́ чты́ры уадо́чки. <...>

(Исполняют жительницы села Каташин Новозыбковского района Брянской области Юлия Фёдоровна Злобова 1930 г. р. и Елена Макаровна Злобова 1941 г. р.)

Карточка № 3

Задание. Найдите и выпишите из фольклорного текста диалектизмы с фонетическими, лексическими, фразеологическими, словообразовательными или грамматическими особенностями. Подчеркните эти особенности.

Колыбельная

Хо́дя Кот кала́ варо́т,
Кача́йица, валя́йица,
Стару́шак пыта́йица, а-а-а-а.
Баю́-баюшки, ба́й-бай,
Паскаре́е засыпа́й.
«Пусти́те ш ми́ня начева́ть.
Я бу́ду Ко́лю калыха́ть.
Калышу́ Ко́лю, калышу́.
Нава́рим бо́рщику и куляшу́».
А ката́, ката́, ката́,
На Ко́лячку — сон, дрямата́.
На ко́тика — плахага́.
А-а-а, ба́й-бай.
Паскаре́е засыпа́й.

(Исполняет жительница деревни Вихолки Новозыбковского района Брянской области Нина Ивановна Пастушенко 1931 г. р.)

На этапе подведения итогов урока учитель задаёт следующие вопросы школьникам.

- Соответствуют ли нормам современного русского литературного языка рассмотренные диалектные особенности в фольклорных произведениях? (Нет, не соответствуют.)
- Какие языковые особенности фольклорно-диалектологического материала вы можете назвать? (Учащиеся перечисляют фонетические, лексические, фразеологические, словообразовательные, грамматические черты, приводят примеры.) Всегда ли последовательно они представлены в произведениях устного народного творчества? (Нет, не всегда: в этих произведениях встречаются языковые формы, соответствующие нормам современного русского литературного языка.)
- В каких жанрах фольклора мы проанализировали языковые особенности? (В песнях, рассказах и частушках.)
- Что такое песня, рассказ, частушка?
- Назовите темы проанализированных произведений устного народного творчества. (Любовь, женитьба, разлука, народные и церковные праздники, случаи из жизни.)
- Когда отмечается Троица, Грязная неделя, Иван Купала? Какие особенности характерны для этих праздников?

Домашнее задание даётся дифференцированно.

1. Выписать в рабочую тетрадь 10 диалектных фразеологизмов вместе с их значениями из «Брянского областного словаря».
2. Выписать в рабочую тетрадь 15 диалектных лексем вместе с их значениями из «Брянского областного словаря».
3. Написать рассказ (на любую тему), включив в него 10 диалектных лексем, изученных на данном занятии.
4. Произвести лингвистический анализ фольклорно-диалектологического материала (см. табл. «Языковые особенности брянских говоров») (материал раздаётся учащимся).

Итак, фольклорно-диалектологический материал обладает значительным методическим потенциалом: он разнообразит обучение русскому языку и литературе, углубляет и расширяет знания учащихся о русской народно-речевой

культуре, жанрах устного народного творчества и их языковой специфике, народных и христианских праздниках. Представляется целесообразным его изучение на уроках русского языка и литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В статье фольклорно-диалектологический материал подаётся по фонетическому принципу, способом малограмотного письма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пронченко С. М., Мухина М. А. Фольклор и язык приграничных с Беларусью Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области: Сборник материалов полевых исследований. СПб., 2016.

REFERENCES

1. Pronchenko S. M., Mukhina M. A. (2016) *Fol'klor i iazyk prigranichnykh s Belarus'iu Novozybkovskogo i Zlynkovskogo raionov Bryanskoi oblasti [Folklore and language of the border with Belarus area, Novozybkovsky and Zlynkovsky districts of Bryansk region]: Collection of materials of field studies*. St. Petersburg. (in Russian)

[хроника]

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

В Дагестанском научно-исследовательском институте педагогики им. А. А. Тахо-Годи 7–8 ноября 2017 года сектором русского языка и литературы была организована и проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Взаимодействие языков и культур при изучении русского языка как неродного: опыт и перспективы» в рамках реализации федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы.

В работе конференции приняло участие 150 ученых, педагогических работников и сотрудников муниципальных органов управления образованием, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов профессионального образования, представляющих научные и высшие учебные заведения Москвы, Махачкалы, Белгорода, Владикавказа, Волхова (Ленинградская область), Карачаевска, Краснодара, Липецка, Уфы, Черкесска, Кемниц (ФРГ), Караганды (Казахстан), Прешов (Словакия), Ташкента (Узбекистан) и др.

Особое внимание было уделено проблеме функционирования русского языка в Дагестане. Так, директор Института языка, литературы и искусств Дагестанского научного центра РАН доктор филологических наук, профессор М. И. Магомедов выступил на пленарном заседании с докладом «Взаимодействие русского и дагестанских языков: опыт и перспективы». В докладе прозвучала мысль о том, что русский язык, функционирующий в дагестанском социуме как средство межнационального общения, как доминирующий компонент дагестанско-русского двуязычия, как язык, обслуживающий большинство социальных сфер, служит важнейшим фактором интеллектуального и эстетического развития носителя национально-русского двуязычия. Сегодня трудноразрешимой проблемой является раннее приобщение детей к русскому языку. И попытки, и прецеденты ввода обучения русско-

му языку в дошкольных учреждениях продиктованы желанием родителей, чтобы их дети хорошо учились в школе. Об особенностях же обучения русскому языку в школах Дагестана рассказала С. П. Новодворская — учитель русского языка и литературы, заместитель директора по научно-методической работе МБОУ «Многопрофильная гимназия № 38» г. Махачкалы. Ряд докладов был посвящен проблеме проведения ГИА в регионе.

В ходе работы конференции участники обсудили следующие вопросы: возможности и перспективы билингвального образования; этнолингвокультурологический подход в преподавании русского языка и литературы в полиэтничном регионе; инновационные и традиционные методы и приемы преподавания русского языка как родного и неродного и литературы; русский язык как язык межнационального общения: особенности функционирования в полиэтничном регионе; изучение литературы и фольклора в контексте диалога культур; измерение эффективности обучения русскому языку как неродному; обеспечение учебного процесса преподавания русского языка как неродного и литературы; вопросы истории методики преподавания русского языка как неродного.

Участники конференции отметили важность проведенного мероприятия, нацеленного на установление диалога между учеными-методистами и учителями, студентами и магистрантами, предоставление возможности перенимать опыт ведущих учителей и ученых, что способствует профессиональному росту участников дискуссии, объединению научного потенциала для решения актуальных проблем методики преподавания русского языка как неродного.

Эльдарова Н. М., канд. пед. наук,
с. н. с. ДНИИП им. А. А. Тахо-Годи

50-ЛЕТИЕ МАПРЯЛ

КРУГЛЫЙ СТОЛ «НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ УЧЕБНИК ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ: ОТ ЗАМЫСЛА К ВОПЛОЩЕНИЮ»

Модераторами круглого стола, прошедшего в рамках расширенного заседания Президиума МАПРЯЛ в Париже, выступили председатель Эстонской ассоциации преподавателей русского языка и литературы Инга Мангус и президент Вьетнамской ассоциации преподавателей русского языка и литературы Фунг Чонг Тоан. На круглом столе прозвучали выступления представителей национальных объединений русистов Эстонии, Вьетнама, Германии, Польши, Словакии, России, Таджикистана. Проходившие в рамках встречи дискуссии затрагивали вопросы, связанные с ролью и местом электронных приложений в процессе обучения, реализацией этнокультурного компонента в структуре учебника, подходами к адаптации имеющихся российских учебников для новых типов аудиторий.

Открыла работу Круглого стола презентация представителя Эстонии И. Мангус, в которой руководитель ЭСТАПРЯЛ представила современные подходы к развитию учебниковедения в этой Балтийской стране. На примере учебника русского языка как иностранного «Давай!» для начального уровня И. Мангус продемонстрировала примеры интеграции традиционного бумажного издания с электронными ресурсами: все словари, контрольные работы, грамматические справки представлены в цифровом виде и доступны для скачивания на мобильные устройства по гиперссылкам и QR-кодам.

Преимущество применяемого подхода состоит в мобильности предлагаемого решения: все задания на аудирование учащихся может хранить у себя на телефоне, учебник сопровождают более 100 разнообразных цифровых заданий, в том числе игрового формата. Настоящим «подарком для учителя», по мнению эстонского русиста, является такая функция, как «электронная контрольная работа» — школьник, изучающий русский язык, выполняет упражнение, отправляет его учителю, а учитель сразу видит, какие ошибки допущены, в каком количестве и процентном отношении.

Предлагаемые в учебнике уроки видеограмматики, подготовленные на языке учащегося, позволяют педагогу организовать изучение собственно языкового материала учениками дома, а занятия высвободить для отработки языковых знаний в речи и совместного разбора языковых трудностей. Каждый урок сопровождается презентациями для ученика и для учителя, что позволяет последнему экономить время на подготовку к уроку. Таким образом, учебник становится новой организующей основой, позволяющей коренным образом трансформировать и оптимизировать процесс обучения русскому языку в эстонской школе.

«Это наш сегодняшний день в Эстонии, — подытожила свое выступление И. Мангус. — Конечно, за этим продуктом стоит большая команда педагогов, IT-специалистов, операторов, сценаристов. Мы создали целую лабораторию учебника, в нее входят и учителя, которые консультируют, и даже учащиеся, психологи, которые определяют, какого цвета должен быть учебник, чтобы он успокаивал, чтобы картинки соответствовали возрасту».

Если представитель Эстонии в своем выступлении сделала акцент на возможностях технологического совершенствования процесса обучения, то её вьетнамский коллега представил историческую ретроспективу учебно-методического взаимодействия СССР и Вьетнама и рассказал о новом импульсе к изучению русского языка, который связан с законодательными новациями в этом государстве Юго-Восточной Азии.

Президент Вьетнамской ассоциации преподавателей русского языка и литературы Фунг Чонг Тоан отметил, что с 1982 по 1986 год в рамках межгосударственного сотрудничества советско-вьетнамским авторским коллективом были созданы целые линейки учебников для школьников, студентов-филологов и нефилологов, однако с распадом СССР эта грандиозная работа была прекращена. Последние 15 лет почти во всех вузах Вьетнама обучение велось по широко известному в России и за ее пределами учебному комплексу «Дорога в Россию» (авторы В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, А. А. Толстых), однако последние 2 года наметилась отчетливая тенденция отказа от его использования либо его частичного замещения более современными разработками других российских авторов. По мнению Фунг Чонг Тоана, причиной отказа является отсутствие ориентации учебного материала на национальную вьетнамскую аудиторию, а также современную практику общения русских и вьетнамцев.

Вьетнамский ученый подчеркнул, что в настоящее время складываются исключительно благоприятные предпосылки для разработки принципиально новых учебников и учебных пособий силами совместных авторских коллективов России и Вьетнама. В настоящее время во Вьетнаме осуществляется реформа образования, которая существенно расширяет возможности школ по выбору иностранных языков для обучения: стартовой точкой для начала языкового обучения станет не девятый класс, как это было прежде, а третий, что даст возможность детям изучать английский, китайский или русский языки в рамках десятилетнего курса. С одной стороны, проводимая реформа даст мощный толчок процессу подготовки педагогических кадров, в том числе русистов в вузах

Вьетнама, с другой — обострит конкуренцию между языками в образовательной сфере. Такое положение дел говорит о необходимости быстрого реагирования сообщества русистов, в том числе в области учебно-методического обеспечения.

«Мы решили обратить внимание на русский для студентов-нефилологов, так как отношения между Вьетнамом и Россией выходят на новый уровень стратегического партнерства, и на недавней встрече между главами наших государств была поставлена задача, что к 2020 году товарооборот между Вьетнамом и Россией достигнет 10 миллиардов долларов. Конечно, для этих отношений нужен язык», — отметил Фунг Чонг Тоан. Глава вьетнамских русистов подчеркнул, что поскольку Вьетнам посещает почти полмиллиона русских туристов, Вьетнамская ассоциация преподавателей русского языка и литературы приступила к разработке учебников для сферы туризма, для персонала гостиниц и ресторанов. Чтобы создавать учебники более высокого уровня, русистам Вьетнама необходимо содействие со стороны России.

Дальнейшая дискуссия затрагивала преимущественно содержательные аспекты разработки учебников. Прежде всего, коллеги делились опытом реализации национально-специфического и регионального компонента. Так, президент Польской ассоциации учителей и преподавателей русского языка Л. Шипелевич рассказала, что вновь создаваемые в Польше учебники по русскому языку будут ориентироваться не только на сведения о географии и достопримечательностях региона, где проживает учащийся. Такой же подход практикуется в Германии: по словам профессора Грайфсвальдского университета Х. Вальтера, в каждой федеральной земле Германии есть свое законодательство об образовании, поэтому учебник, который выпускается на севере Германии, не подходит в Баварии. *«Каждая школа и каждый учитель в каждой из земель выбирает тот учебник, с которым он хочет работать»*, — подчеркнул Х. Вальтер.

Рассуждая о лакунах в учебно-методическом обеспечении немецкой русистики, ученый отметил нехватку учебников для взрослой аудитории. Вместе с тем он подчеркнул, что практика создания учебника для пенсионеров, путешествующих за рубеж, себя не оправдала: туристический рынок России пока недостаточно привлекателен для этой категории учащихся, в то время как учебники французского, испанского, английского языков пенсионерами из Германии достаточно востребованы.

Мнение о широкомасштабном представлении в учебнике разнообразных явлений русской культуры — музыкальных, театральных, литературных — высказала президент Ассоциации русистов Словакии, профессор Э. Колларова.

Оживленную реакцию участников мероприятия вызвало выступление доцента кафедры фонети-

ки и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета Ю. В. Меньшиковой, затронувшей в своем сообщении проблемы студентов и аспирантов, обучающихся русистике на филологических факультетах в вузах разных стран. Эти учащиеся, а также их преподаватели испытывают необходимость в учебниках, отражающих современный уровень развития русистики.

Санкт-Петербургский государственный университет выпустил линейку учебников, включающую 11 учебно-методических комплексов, охватывающие все разделы языкознания, от синтаксиса до истории языка. Все эти учебники получили гриф Министерства образования и науки России и рекомендованы к обучению по филологическим специальностям в вузах страны, однако работа с ними вызывала ряд затруднений в других государствах, что и стало основой проекта по их адаптации. На данный момент коллектив авторов СПбГУ вместе с коллегами из Пекинского государственного университета заканчивает работу по адаптации учебно-методического комплекса по морфемике и словообразованию для китайских студентов-филологов, на очереди — комплексы по морфологии и синтаксису.

В завершение дискуссии прозвучало выступление заведующей кафедрой русской филологии Таджикского государственного национального университета М. Б. Нагзибековой, которая рассказала собравшимся о реализованном совместно с МАПРЯЛ, издательством «Просвещение» и фондом «Русский мир» проекте по адаптации линейки учебников по русской литературе для 6–9-х классов русскоязычных школ Республики Таджикистан. Учебники, изначально предназначенные для российской школы, были дополнены сведениями о писателях и поэтах Таджикистана, текстами об истории и обычаях этой страны. Примечательно, что учебники не только получили гриф Министерства образования и науки этой страны, но и легли в основу национальных рабочих программ и стандартов.

На круглом столе неоднократно высказывалась мысль о необходимости создания под эгидой МАПРЯЛ Международной лаборатории учебника русского языка как иностранного. Такая лаборатория должна объединить сообщество авторов учебников, международный исследовательский коллектив, в задачи которого будет входить тиражирование имеющегося опыта и реализация совместных задач по разработке национально ориентированных учебников. Участники встречи сошлись во мнении, что насущной необходимостью также является создание открытой национальной мультимедийной платформы, аналогичной по структуре сервису «learning apps». Такая платформа станет своеобразным «лингвометодическим конструктором», из которого каждый методист мог бы создавать в Интернете нужные именно ему упражнения, задания, контрольные работы.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XXI ВЕКА КАК МОТИВИРУЮЩАЯ СИЛА К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА»

Круглый стол вели: проректор Московского государственного университета — начальник Управления профессиональной ориентации и работы с талантливой молодежью, профессор Татьяна Владимировна Кортава, а также профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета, литературный критик, писатель и переводчик Андрей Дмитриевич Степанов.

Дискуссии в рамках круглого стола затрагивали самые различные — как содержательные, так и организационно-методические — аспекты работы с русским художественным текстом за рубежом. Докладчики и участники дискуссий обсуждали такие вопросы, как исследование языка современной художественной прозы, особенности мотивации иностранных читателей и издателей, психолингвистические подходы к отбору и анализу текстов. Французские коллеги рассказали собравшимся о тех мероприятиях по распространению русского литературного наследия, которые проводятся во Франции, а также о имеющихся и перспективных направлениях гуманитарного сотрудничества.

Открыло работу круглого стола выступление руководителя научно-исследовательской группы «Славистика, кавказология и типология языков» отделения славянской филологии Гранадского университета, профессора Рафаэля Гусмана Тирадо. Испанский литературовед и переводчик обозначил основные причины, которые, по его мнению, делают современную русскую литературу интересной европейскому читателю: она дает ключ к пониманию современных реалий русской жизни, помогает понять сложность нашего противоречивого современного мира, открывает читателю новые имена писателей, творящих в условиях полной творческой свободы. Кроме того, подчеркнул профессор Тирадо, проводимые русскими авторами эксперименты намечают перспективы развития литературы XXI века, поскольку в центре создаваемых ими текстов оказываются значимые нравственно-филологические проблемы.

Положительно оценив работу созданного в Москве 6 лет назад Института перевода, Рафаэль Гусман Тирадо рассказал о своей работе над романом Евгения Водолазкина «Авиатор». *«В языке его произведений мои студенты обнаружат следы классической прозы: например, мастера деталей Антона Чехова, мастера описаний Льва Толстого, мастера сюжетной интриги Федора Достоевского — мастеров, так узнаваемых в Европе. Так же, как и они, Водолазкин пишет о фундаментальных вещах и ценностях, которые определяют нашу жизнь и востребованы всегда: о преданности, о любви, о возможности жертвовать собой ради другого»,* — подчеркнул докладчик.

Испанский русист критически оценил стремление некоторых современных авторов к использованию в текстах жаргона, просторечий и вульгаризмов. Реплика вызвала замечание профессора А. Д. Степанова, отметившего, что в романе Евгения Водолазкина «Лавр» используется, наряду с древнерусским языком, также и современный язык с вкраплениями жаргонизмов и просторечий, однако мотивировка отбора такой лексики, по мнению профессора СПбГУ, остается неясной.

Рассуждая о своеобразии языка современной художественной прозы, А. Д. Степанов обратил внимание собравшихся на творческий опыт Алексея Иванова: *«Мне представляется, что это самый интересный в языковом отношении писатель. Это единственный русский писатель, который пользуется словарями, причем словарями самыми разными».* В подтверждение сказанному он привел пример романа А. Иванова «Сердце Пармы», художественное пространство которого включает, наряду с диалектами русского языка XVI века, мансийский язык, который приводится без каких-либо комментариев, но постепенно «раскрывается» читателем в процессе развития сюжета. Яркая палитра языковых средств отличает и другие романы А. Иванова — например, «Золото Бунта» о Пугачевском восстании или роман «Комьюнити» о влиянии социальных сетей на молодежную культуру.

Председатель Румынской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, профессор Бухарестского университета А. Красовски подтвердила, что произведения современных российских авторов пользуются большим интересом читающей молодежи. Трансферу русской культуры в Румынию способствуют и встречи с писателями, которые проводятся в Бухарестском университете при активном участии издательств. А. Красовски отметила, что прочтение русской книги в переводе на румынский язык побуждает многих молодых людей и девушек прочесть этот же текст на русском, что во многом формирует мотивацию к поступлению на русское отделение, конкурс на которое в 2017 году достиг 14 человек на место. Еще одним интересным жанром проводимых в Румынии мероприятий являются литературные «дуэли», проводимые между книгами на звание «книга» месяца, «книга года». Так, в мае этого года победителем была признана книга Владимира Набокова «Письма к вере», потом состоялась «дуэль» между книгой Андрея Макина «Архипелаг другой жизни» и Евгения Водолазкина «Авиатор».

Развивая вопрос об изучении читательской мотивации учащихся, профессор Т. В. Кортава напомнила собравшимся о научном наследии создателя библиопсихологии Н. А. Рубакина, утверждавшего, что нет постоянного художественного текста, и каждый читатель воспринимает одно и то же произведение неодинаково, а следо-

вательно, и содержание произведения непостоянно. Этот тезис, по мнению Т. В. Кортова, может стать отправной точкой для перспективных исследований в области художественного текста.

В продолжение затронутой темы директор секретариата МАПРЯЛ А. В. Коротышев рассказал об использовании подхода Н. А. Рубакина, В. П. Белянина и других психолингвистов при адаптации современных художественных текстов: опора на классификацию текстов в зависимости от преобладающих в них акцентуаций позволяет адресовать иностранным учащимся именно те произведения, которые они захотят прочитать и понять. По мнению докладчика, еще одним прочным критерием при отборе текстов в условиях информационного хаоса и «литературного перепроизводства» является их облигаторность: особое внимание при внедрении в учебный процесс должно уделяться тем произведениям современной литературы, которые были верифицированы профессиональным сообществом и вошли в шорт-листы литературных премий: например, «Национальный бестселлер», «Русский букер», «Большая книга», «Дебют».

Об опыте организации встреч российских авторов с французскими читателями подробно рассказал в своем выступлении Д. де Кошко. Французский журналист, общественный деятель, президент ассоциации «Франция-Урал» обратил внимание участников круглого стола на особую роль русского языка как одного из «языков-мостов», связывающих разные культуры: по его мнению, русский язык является языком различных наций, общин, культур и должен восприниматься как способ передачи людьми разных культур, которые иным способом не могли бы выйти на мировую арену. Такое понимание объединяющей роли русского языка привело организаторов ассоциации к созданию премии «Русофония» за лучший перевод русских авторов на французский язык. *«Созданием премии мы ставили перед собой две цели: во-первых, дать людям мотивацию, которая является основной при изучении русского языка, — это знакомство с литературой. Во-вторых, мы знаем, что в области литературы все шаблоны, в том числе политические, русофобские, отсутствуют или стерты в определенном интересе к определенному творчеству. Тут есть и философско-человеческий, и просто развлекательный подход»*, — отметил Д. де Кошко.

По словам Д. де Кошко, премия «Русофония» стала значимым литературным событием не только для русскоязычной общины, но и для широкой французской публики: премия проводилась и в рамках выставки «Exprolangue», и на городском фестивале «Kremlin-Bicetre», и в одном из самых престижных мест Парижа — Латинском квартале 5-го округа Парижа. Примечательно, что в 2015 году проводимый в рамках премии круглый стол «Современность и славянофильство», в котором уча-

ствовали Захар Прилепин, Сергей Шаргунов и Владимир Познер, собрал 550 участников.

По словам французских докладчиков, русская литература во Франции пользуется большим спросом, до недавнего времени на французский переводилось примерно 50 новых изданий российских авторов ежегодно, сегодня же эта цифра опустилась до трех десятков книг. *«В русскоязычной литературе французский читатель находит определенное количество экзотики, экстремальных событий, типично русских, но в общем-то, и интересную глубину мышления, которую он не находит в англоязычной литературе и даже в современной французской, с некоторыми исключениями. Это сильная мотивация»*, — резюмировал Дмитрий де Кошко.

О значимости произведений современной русской литературы, в том числе в практике преподавания русского языка взрослым учащимся, говорил в своем выступлении и Игорь Жуковский, председатель Комиссии по развитию русского языка Координационного совета российских соотечественников во Франции, преподаватель ассоциации «Россия — Аквитания». *«И если на каких-то этапах мы знакомим взрослых с русской классической литературой, то современной русской литературы действительно не хватает. Здесь читают по-французски и Достоевского, и Толстого, но чем живет Россия сейчас, что ее беспокоит?»* — задал вопрос И. В. Жуковский. В заключение своего выступления педагог-русист выступил с предложением создать хрестоматию современных литературных текстов, которые могут быть адресованы французским учащимся.

Коллега Игоря Жуковского Мария Налле обратила внимание собравшихся на острую методическую проблему, возникающую при изучении русской литературы учащимися французских гимназий: молодежь не воспринимает реалии русской жизни, причем как при чтении современной, так и классической литературы. Участники дискуссии признали, что необходимы дополнительные усилия методистов, русистов и литературоведов по организации комментированного чтения, созданию справочно-информационных ресурсов и проведению просветительских мероприятий в области художественного слова.

Рассуждая о новых горизонтах преподавания и популяризации русской литературы в Европе, участники круглого стола пришли к выводу, что одним из перспективных направлений может стать рассмотрение роли русской литературы в развитии европейской общественной мысли.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОЛИМПИАДА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ...

(Окончание. Начало на с. 79, 93)

кательный комплекс «Измайловский кремль». А тщательная проверка работ членами жюри продолжалась до глубокой ночи. На следующий день с раннего утра начался второй тур. Зарубежные школьники проходили тест на говорение, а российские — дополнительное творческое задание.

Какое впечатление сложилось у конкурсной комиссии в ходе проверки работ? Однозначным было мнение, что на очный этап прошли сильнейшие. Лексико-грамматические задания были выполнены на высоком уровне. Творческие задания показали оригинальность, неклишированность, самостоятельность мышления школьников. Мы с большим удовольствием отметили, что зарубежные школьники в процессе говорения логично, образно и практически без ошибок выстраивают свою речь. А в своих сочинениях учащиеся точно отвечают на поставленные вопросы и грамотно используют художественные элементы. Так, например, одна из учащихся зарубежных школ, анализируя отрывок из сказки Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц», замечательно написала: «Мы „приручаем“ к себе кого-то, становясь „прирученными“, это меняет нашу жизнь. Этот самый особенный человек меняет твой взгляд на мир, на людей. А иногда кажется, что на земле тебя держит не гравитация, а этот человек, животное или цветок. Каждый миг, проведённый с этим существом, — неповторимое событие, а все же это нельзя увидеть глазами, можно лишь чувствовать сердцем. Любя, ты становишься лучшей версией себя, прекраснее и мудрее».

Нетрудно предположить, что при таком раскладе определить победителей было крайне сложно. Но конкурс есть конкурс, и объективный, многократно проверенный выбор был сделан...

Награждение

Церемония награждения победителей олимпиады прошла в Общественной палате Российской Федерации. Почетными гостями праздника стали доктор философских наук, профессор, депутат Государственной думы РФ З. Я. Рахматуллина, д-р биол. наук, проф., проректор по учебной работе Башкирского гос. ун-та Ю. А. Янбаев, генеральный секретарь МАПРЯЛ, исполнительный директор РОПРЯЛ Н. В. Брунова. Гости поздравили финалистов олимпиады с участием в таком престижном конкурсе и единогласно отметили, что сегодня русский язык играет связующую роль в мировом пространстве.

Напутственное слово высказали сопредседатели олимпиады, лауреаты Премии Правительства Российской Федерации в области образования канд. пед. наук, доц., декан филол. ф-та БашГУ, вице-президент РОПРЯЛ А. М. Ямалетдинова и канд. пед. наук, доц., начальник Регионального центра тестирования граждан зарубежных стран, заведующий подготовительным отделением для иностранных граждан ИНО БашГУ Н. Ш. Галлямова.

21 хрустальная статуэтка победителя олимпиады была вручена представителям разных стран. Победителями олимпиады стали:

Категория «Ученики зарубежных школ, изучающих русский язык как иностранный»

Уровень В1

1. Бояна Спасоевич (Сербия)
2. Стефан Зарковски (Македония)
3. Мана Ивата (Япония)

Уровень В2

1. Мария Мангасарян (Армения)
2. Нилуфар Ходжиматова (Таджикистан)
3. Шахло Ахмедова (Узбекистан)

Уровень С1–С2

1. Кирилл Соловей (Молдова)
2. Аделина Бескиеру (Молдова)
3. Ильяс Юсупжанов (Казахстан)

Категория «Билингвы»

1. Сабина Ахметжан (Казахстан)
2. Вера Эрор (Хорватия)
3. Айгельди Эминова (Киргизия)

Категория «Ученики российских полиэтнических школ»

9-й класс

1. Дарья Рыбченко (РБ)
2. Регина Сабитова (РБ)
3. Юлия Гайнуллина (РТ)

10-й класс

1. Елена Сайбель (РТ)
2. Диана Губеева (РБ)
3. Миляуша Галлямова (РТ)

11-й класс

1. Лиана Баталова (РБ)
2. Софья Лордкипанидзе (Адыгея)
3. Александра Кудрявцева (РТ)

После конкурса

После награждения, фотосессии, неформального общения и множества слов благодарности от участников состоялась автобусная экскурсия по центру Москвы. Вечерняя столица с бесконечной вереницей огней, праздничных ёлок и необыкновенных по красоте пешеходных улиц дополнила ощущение праздника. Но и на следующий день финалистов олимпиады не спешили отпускать. Ребята посетили Музей Космонавтики на ВДНХ. Количество эмоций от конкурса и внеконкурсной программы, конечно, было большим. Но самым важным событием, как нам кажется, несомненно, стал сам факт встречи, общения и объединения школьников со всего мира ради одной прекрасной, смелой и достойной цели — познание и совершенствование знания русского языка!

*Нурия Галлямова, Альмира Ямалетдинова,
Гузель Узбекова, БашГУ*

РУДЯКОВ А. Н. ГЕОРУСИСТИКА: РУССКИЙ ЯЗЫК В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: МОНОГРАФИЯ. —

М.: Лекрус, 2016. — 320 с.

Автор рецензируемой монографии — известный лингвист, руководитель Крымской функциональной школы лингвистики. В данной монографии (как и в других своих трудах) А. Н. Рудяков объясняет, отстаивает введенный им в научный обиход, принципиальный для развиваемой в монографии концепции, термин «георусистика». Данным термином автор монографии обозначил русистику, объектом которой является глобальное русскоязычное пространство.

Важнейшее различие между русистикой и георусистикой, по мнению А. Н. Рудякова, заключается в том, что первая традиционно сосредоточена на исследовании русского языка как феномена, противопоставленного иным «нерусским» языкам; главное для второй — взаимодействие глобального русскоязычного мира с другими «языковыми мирами».

Основной задачей георусистики в современной ситуации ускорения темпов социального взаимодействия автор книги видит в попытке проектировать это взаимодействие и использовать его для совершенствования русскоязычного мира.

Ввиду этого в центре внимания георусистики оказывается «активно взаимодействующий с собратьями русский языковой мир, составными частями которого являются российский русский (несомненно, наиважнейший, но не единственный компонент этой метасистемы), а также другие разнообразные, функционально тождественные варианты русского языка, закономерно возникающие во всех тех ситуациях, когда русский язык вынужден обеспечивать потребность в социальном взаимодействии своих носителей, оказывающихся в особых территориальных, социальных, государственных и прочих образованиях.

Автором вводится и другое, принципиальное для его концепции понятие, предлагаемое им для определения русскоязычного мира, — «Русофония». Русофония, по словам автора монографии, — это особый, объективно существующий, надгосударственный, наднациональный, надкультурный, надконфессиональный языковой коллектив, это сложная система, представляющая

собой общность людей, использующих русский язык для осуществления социального взаимодействия. Географические границы Русофонии автор определяет только одним фактором — использованием русского языка в качестве средства социального взаимодействия. А. Н. Рудяков разрабатывает структуру этого сложного концепта, подчеркивая, что в разных подсистемах Русофонии интенсивность использования русского языка варьируется: где-то — это главное и единственное средство коммуникации, что свойственно центру системы, где-то — главное, но не единственное, что свойственно ядру системы, а где-то — неглавное и неединственное, что свойственно ее периферии.

Автором разрабатывается и модель описания глобального русскоязычного мира, которая включает в себя: описание всех компонентов структуры русского языкового мира; максимально-подробное описание форм взаимодействия русского языка с языками-партнерами; классификацию языков-партнеров с точки зрения того, является ли он «языком-конкурентом», «языком-союзником», «языком-попутчиком» и др. В соответствии с данной моделью в монографии описываются функциональные варианты русского языка и особенно подробно рассматриваются особенности украинского варианта русского литературного языка.

Рецензируемая монография раскрывает новую авторскую концепцию, позволяющую читателям задуматься о принципах осуществления не только внутренней, но и «внешней языковой политики», способствующей совершенствованию и укреплению позиций русского языка и русскоязычного мира.

Книга будет интересна для специалистов по общему языкознанию, теории языка, социолингвистике, проблематике «нормы и вариантов» русского литературного языка, а также по межкультурной коммуникации.

*Васильева Г. М., д-р филол. наук,
проф. РГПУ им. А. И. Герцена;*

Шукина Д. А., д-р филол. наук, проф.,

зав. каф. русского языка и литературы СПб Горного ун-та

В номере журнала, посвященном 50-летию юбилею МАПРЯЛ, предлагаем читателям несколько материалов о людях, которые через свою литературную деятельность, музыкальное творчество и культурные проекты рассказывают миру о том, чем вдохновляется и о чем думает Россия.

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В МИРЕ

RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE IN THE WORLD.
INTERVIEWS WITH DENIS MATSUEV, EVGENY VODOLAZKIN, JOSÉ MARÍA LUNA AGUILAR

ДЕНИС МАЦУЕВ:

**«СВОЮ ЗАДАЧУ Я ВИЖУ В ТОМ, ЧТОБЫ ЧЕРЕЗ МУЗЫКУ
ЗНАКОМИТЬ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ ЛЮДЕЙ С РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ И ЯЗЫКОМ»**

Денис Леонидович Мацуев — выдающийся пианист-виртуоз и общественный деятель, широко известный как в России, так и за ее пределами. Известность Мацуеву принесла победа на XI Международном конкурсе П. И. Чайковского в 1998 году, когда выпускнику Московской государственной консерватории было всего 23 года. Сегодня Денис Мацуев — один из самых популярных пианистов современности, который совмещает в своих музыкальных произведениях новаторство и традиции русской фортепианной школы. Почетный профессор МГУ, арт-директор фонда имени Сергея Рахманинова, член Совета по культуре и искусству при Президенте России поделился своими наблюдениями о функционировании русского языка за рубежом и рассказал о том, как он занимается продвижением русского слова.

— Вы много бываете с концертами за пределами нашей страны. Каковы, на Ваш взгляд, основные «точки роста» для распространения русского языка за рубежом? Какой поддержки не хватает русскому языку?

— Музыканты разговаривают с публикой на универсальном языке — языке музыки, который не требует перевода, но именно благодаря языку музыки мы рассказываем о русской культуре, о её идеях, музыкой Рахманинова, Чайковского, Прокофьева и Шостаковича. Кроме того, в каждой программке концерта слушатели могут прочитать и о композиторе, и о произведении, и о времени, когда оно создавалось. Это всё вместе создаёт для аудитории особую атмосферу

и позволяет целиком погрузиться в русскую культуру, понять движения русской души.

Как музыкант, играющий 245 концертов в год, могу с полной уверенностью утверждать, что все больше людей в мире говорят на русском языке. В первую очередь благодаря тому, что россияне начали очень активно путешествовать по миру за последние 25 лет. В странах, где много русских туристов (например, в Чехии, Финляндии, Швеции), русский язык можно услышать очень часто. Навигация в аэропортах — на русском. В Чехии, например, в любом ресторане, музее, в других общественных местах на трёх языках надписи — на чешском, английском и русском языке. В целом в мире интерес к русскому языку огромен. Я вообще считаю, что будущее за английским, китайским, испанским, русским, французским и немецким языками.

Во Франции очень большой интерес к русскому языку и культуре в силу исторических событий, в том числе массовой эмиграции начала XX века. В США только в Нью-Йорке миллион русскоговорящих жителей. В том же XX веке в Америку приехали из Советской России самые лучшие композиторы, художники, писатели. Основными действующими лицами в культуре XX века были русские гении. Американцы даже считают Рахманинова американским пианистом и композитором, хотя это, конечно, не так. В Израиле русский стал практически вторым государственным языком. В Азии интерес к рус-

скому очень большой: в Японии, Китае, Корее. Вот интересное наблюдение: большое количество моих поклонников из Азии, которые хотят со мной общаться, например, в социальных сетях, делают это на русском, а не английском языке. То есть специально начинают учить русский язык, чтобы общаться. Это очень впечатляет и вдохновляет, тем более что язык у нас непростой.

Мне очень больно от того, что русский язык при этом уходит из наших бывших союзных республик, его перестают учить в школе, создаются, конечно, отдельные центры и школы, где его можно учить, но это всё-таки немного не то. Ведь, как не крути, мы соседи, у нас давние культурные, исторические, родственные связи. И очень важно, чтобы эти связи не прервались с уходом старшего поколения. И свою задачу я вижу в том, чтобы через музыку знакомить как можно больше людей с русской культурой и языком и укреплять уже существующие «ниточки» общего культурного пространства. Чем больше будет акций, связанных с русским искусством и культурой (выставки художников, гастроли театров, симфонических оркестров, солистов), тем проще будет нам найти общий язык с нашими замечательными соседями.

— **Широко известны слова Генри Лонгфелло, назвавшего музыку «универсальным языком человечества». Как Вы считаете, может ли русская классическая музыка стать мотивирующей силой к изучению русского языка? Известны ли Вам подобные примеры?**

— Я бы сказал, что опера — прекрасный пример того, как можно приобщать людей к русской культуре и русскому языку. В ней поют на языке оригинала, и только титры идут на английском. «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» — самые популярные русские оперы во всем мире, наряду с симфониями и фортепианными концертами П. И. Чайковского. Это гарантия аншлага в любом зале мира. Валерий Гергиев, к примеру, исполнил за границей все русские оперы за последние 25 лет в Метрополитен-Опера. Оперное русское искусство — это такой оригинальный ключ к тому, чтобы люди с интересом начали изучать русский язык и культуру.

— **Что бы Вы сделали в первую очередь, если бы занимались продвижением русского языка?**

— Я могу сказать, что уже активно занимаюсь продвижением русского языка. Любое мое появление, к примеру в Карнеги-Холле (это уже около 30 концертов в общей сложности), это возможность рассказать публике о русской культуре. 60 % моих программ здесь составляет музыка русских композиторов. Я являюсь артистическим директором фонда С. В. Рахманинова, одной из наших главных задач здесь является популяризация творчества Сергея Васильевича в мире, а через это и популяризация языка, на котором говорил композитор. Я провожу детские конкурсы в России, Казахстане, планирую организовать такие же конкурсы и творческие отборы в Молдавии и Беларуси. Ребята, которые съезжаются на эти конкурсы со всего мира, погружаются в русскую культуру и начинают общаться друг с другом и организаторами на русском языке. Лауреаты благотворительного фонда «Новые имена», которых мы отбираем по всей России и которые получают возможность в юном возрасте гастролировать и давать концерты в лучших залах мира, тоже становятся послами русского языка и культуры. И они с лёгкостью завоёвывают сердца даже самой скептически настроенной аудитории.

Если посмотреть на этот вопрос шире, то я бы предложил, во-первых, систематизировать и объединить через единую стратегию все уже существующие программы, связанные с популяризацией русского языка. Во-вторых, уделить особое внимание продвижению культурных порталов, передач, проектов, концертов, спектаклей, книг на русском языке. В своё время, когда я учил английский язык, я очень много слушал радио. Это один из самых недооценённых каналов коммуникации с точки зрения продвижения русского языка, на мой взгляд. Есть ведь огромное количество записанных профессиональными актёрами радиоспектаклей, экскурсий по городам России, сказок, есть легендарные записи опер, голосов наших знаменитых соотечественников, воспоминаний. Думаю, это было бы интересно.

Беседовал А. Коротышев

**ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН:
«ЕСЛИ ВОЙДЕШЬ В РУССКУЮ КУЛЬТУРУ И ПОЙМЕШЬ ЕЕ —
В НЕЙ И ОСТАНЕШЬСЯ, ИНАЧЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ»**

Евгений Германович Водолазкин — известный российский писатель, доктор филологических наук, автор работ по древнерусской литературе, ученик академика Д. С. Лихачева. Признание читателей в России и далеко за ее пределами писателю принесли романы «Лавр», «Соловьев и Ларионов», «Авиатор», сборники

рассказов. Книги Евгения Водолазкина удостоены многочисленных литературных премий, в числе которых — «Большая книга», «Ясная Поляна», «Милован Видакович» (Сербия), «Премия Горького» (Италия-Россия). В интервью журналу «Русский язык за рубежом» Евгений Германович рассказал об особенностях восприятия русского языка в Европе и Америке, о первостепенных задачах поддержки русского языка за рубежом, а также поделился собственным опытом преподавания русского языка иностранцам.

— В Вашем рассказе «Служба попутчика» немецкий водитель уточняет у вашего лирического героя, русский ли он, и добавляет, что спрашивает об этом «в хорошем смысле». Как, по Вашему мнению, меняется представление о русской цивилизации за рубежом в последние годы? С какими «вызовами», как принято сейчас говорить, сталкивается русский язык за рубежом?

— Да, я думаю, что представление меняется, меня этот вопрос тоже волнует. И знаете, что меня удивило? Сейчас, несмотря на довольно сложное международное и политическое положение, интерес к русскому языку растет. Я разговаривал с польскими профессорами, и они говорят, что такого количества магистрантов на русских отделениях у них не было никогда. Потом, когда я встречался со студентами в Польше, в частности в Варшавском университете, меня приятно поразили их интерес к русской культуре, прекрасное знание современной русской литературы и очень хорошее владение русским языком. Встреча проходила без переводчика, я говорил по-русски, и они на хорошем русском языке задавали мне вопросы, делились своими мнениями.

Второе впечатление связано с Чехией. Я выступал в Праге, в Брно и заметил, что в со-

временной Чехии, во-первых, очень высок интерес к русской культуре в целом и русскому языку в частности, и во-вторых, этот интерес доброжелательный. Может быть, у восточных европейцев ушло из сознания то предубеждение в отношении русского языка, которое было в советское время, когда он был обязательным для изучения. Вместе с тем я знаю людей, которые учили русский язык с любовью, несмотря на обязательность: они понимали, что политика политикой, а русский язык здесь ни при чем, это язык, на котором существует великая литература. По словам моих чешских коллег, внимание к русскому языку сразу после падения Советского Союза снизилось, все бросились учить английский, а потом этот спад сменился определенным подъемом, и сейчас рост интереса продолжается.

Я спрашивал у студентов и в Польше, и в Чехии, зачем они учат русский язык. Я ожидал ответов о том, что экономика России начинает подниматься и изучение языка имеет экономические мотивы, но ошибался: студенты выразили желание читать в оригинале Достоевского, Чехова и Толстого. У меня своя точка зрения на чтение этой великой тройки, и я боюсь, что потеря в понимании при недостаточно хорошем знании русского будет больше, чем при переводе, что называется, «lost in translation». И если не знаешь русский в совершенстве, может быть, преждевременно читать в оригинале Толстого и Достоевского, но само стремление вызывает уважение.

К сожалению, во многих странах, входивших в так называемый «Восточный блок» во главе с СССР, русский язык воспринимался как «средство оккупации». При этом наиболее глубокие люди не смешивали язык и политику. Так, например, одна моя подруга из бывшей ГДР ходила на русский как на праздник, хотя была при этом достаточно оппозиционной девушкой. Но она абсолютно не переносила своего негативного отношения к СССР на русский язык — наоборот, русский язык она обожала. До сих пор она говорит по-русски без акцента.

Еще один пример из бывшего социалистического лагеря — Румыния, где долгое время отношение к русскому языку было весьма сдержанным. За последний год я посещал эту страну трижды. Недавно у меня прошло 3 встречи с румынскими читателями, на которые в общей сложности пришло 1500 человек. Я получил звание почетного доктора Бухарестского университета, и на церемонии вручения услышал немало теплых откликов о русской культуре. Только что там вышел «Авиатор», и среди книг, переведенных на румынский, он был признан «книгой месяца»; очень популярен у них роман «Лавр». Меня все это по-настоящему тронуло.

— **Продвижением русского языка, в той или иной степени, сейчас занимаются многие: политики, дипломаты, общественные деятели, представители международных служб университетов. Какую роль играет в этой команде педагог-русист?**

— Педагог играет первостепенную роль, в этом сомнений нет. От педагога зависит интерес к предмету, особенно к языковому предмету. Ведь язык — это не просто какая-то абстрактная знаковая система, это живой организм. Можно преподавать русский как латынь или греческий, как мертвый язык, как свод правил и парадигм, и тогда живой человек не захочет его изучать. Но если ты покажешь богатство русского языка, его удивительную гибкость, то я думаю, что никто перед ним не устоит — достаточно прочесть вслух Пушкина, Блока, Тютчева. Знаете, мне одна чешка сказала: несомненно, из славянских языков русский — самый красивый. Поэзия в первую очередь служит таким вот доказательством красоты языка.

— **Каких мер, на Ваш взгляд, не хватает для поддержки и продвижения русского языка за рубежом?**

— В первую очередь России нужен аналог немецкого Гете-института. У нас есть какие-то формы преподавания русского, вполне достойная система Россотрудничества, которое проводит русские вечера и другие мероприятия. Но нужно сосредоточиться на языке, нужна мощная структура, которая бы обучала не на эпизодической основе, а так, как это делают немцы, «gründlich»,

основательно, — во всех странах, население которых желает учить русский, или в тех государствах, с которыми мы сотрудничаем наиболее активно.

Здесь не нужно жалеть денег — я понимаю, что это вещь затратная, но когда знакомишь иностранца с русским языком, он начнет читать русских писателей (даже не обязательно в подлиннике), а это важная дверь в русскую цивилизацию. И когда язык не навязывают, по выражению Пастернака, «как картофель при Екатерине», когда он по свободному выбору изучается, то он, безусловно, человека вводит в мир русской культуры. А если войдешь в русскую культуру и поймешь ее — в ней и останешься, иначе быть не может. Ведь русская культура не изоляционистская по своему типу, об этом прекрасно говорил Достоевский. Русская культура открытая, внимательно слушает другие культуры, охотно отражает другие цивилизации. Возьмем для сравнения английскую культуру. Я слышал вопросы англичан, не знающих русского: «Зачем нужны Пушкин и Лермонтов, если есть Байрон?» Читая по-английски Пушкина и Лермонтова, англоязычные читатели получают превратное представление, что это обратный перевод Байрона. А это совершенно не так, и чтобы это понять, им нужно прочесть Пушкина или Лермонтова по-русски. Когда они осознают, что русский язык — совершенно самобытное явление, то полюбят его.

Кроме того, за границей необходимо продвигать литературу на русском языке. Литература не ангажирована, не вызывает подозрений в пропагандистском уклоне. На литературу люди откликаются очень живо. Успех «Лавра» за границей (среди прочего — в Соединенных Штатах) показал мне, что иностранцы понимают, что мы такие же, как они. Я убежден: нынешние сложности на мировой арене — временные и наносные.

Выступая в Швеции, в Гетеборге, я сказал: «Время выключить телевизор, отключить Интернет и открыть книгу. Если вы хотите что-то понять о России, читайте ее литературу. Все остальное несущественно». Мне кажется, что эти слова были услышаны.

— **Помимо писательской карьеры, Вы занимаетесь исследованиями в области древне-**

русской литературы, выступаете с лекциями за границей. А доводилось ли Вам преподавать русский язык иностранцам?

— Да, я преподавал его несколько лет студентам-иностранцам частным образом. Я изучал самостоятельно методики — и был в каком-то смысле автодидактом. Я очень многому научился у своих учеников. Меня удивляло то, что самое сложное в русском языке — это вид глагола. Говоря по-русски, я этого не осознавал, а для нем-

цев и французов это безумно сложная вещь. Они с большим трудом постигали тот факт, что действие может быть не просто законченным или незаконченным, а еще и повторяющимся. И я многое понял в родном языке, почувствовал себя месье Жорденом, который не осознавал, что 40 лет говорит прозой. И я не знал, что так прекрасно владею видом глагола!

Беседовал А. Коротышев

ИНТЕРВЬЮ С ХОСЕ МАРИЕЙ ЛУНА АГИЛАР

Хосе Мария Луна Агилар — директор филиала Русского музея в г. Малага, директор филиала Центра Помпиду в г. Малага, директор центра Пабло Пикассо в г. Малага (Испания).

— Вы помните, как произошла Ваша первая встреча с русской культурой?

— Если мне память не изменяет, то первая встреча с русской культурой у меня произошла в студенческие годы, когда я впервые познакомился с произведениями Достоевского и Толстого.

— Какие чувства Вы в тот момент испытали?

— Знакомство с шедеврами русской литературы заставило меня открыть для себя близкий, но в то же время далекий мир. Эта близость стала более очевидной благодаря тесному общению с русской культурой и народом.

— Какую роль, по Вашему мнению, играет русский язык в культурном сотрудничестве России и Испании?

— По моему мнению, как русские, так и испанцы должны делать усилие над тем, чтобы лучше знать наши языки, что будет способствовать улучшению коммуникации между собой. Однако, несмотря на языковой барьер, мы и сейчас хорошо понимаем друг друга.

— Как влияет деятельность филиала Русского музея на распространение русского языка в Испании?

— Несмотря на то, что это не является нашей основной целью, Коллекция Русского музея в Малаге выполняет очень важную роль в распространении и продвижении русской культуры.

— С какой целью Вы стали изучать русский язык?

— Цель в том, чтобы свободно общаться с моими русскими друзьями и лучше понимать их культуру.

— Какую роль, по Вашему мнению, играет русский язык в современном мире?

— Я думаю, что для русского языка все еще впереди, и что в будущем он сможет занять соответствующее место благодаря своей истории и актуальности в настоящий момент.

— Что бы Вы сделали в первую очередь, если бы занимались продвижением русского языка?

— Мне кажется, самое главное — это поддерживать развитие русских культурных центров за границей, которые работали бы не только над распространением русской культуры, но также через нее над ее традициями и богатейшей социально-культурной деятельностью русского народа.

Беседовал и перевел с испанского Рафаэль Гусман Тирадо

Фото Д. Л. Мацуева, Е. Г. Водолазкина, Х. М. Луна Агилара — из архива респондентов

ЮБИЛЕЙ ДЮЛЫ СВАКА

GYULA SZVÁK'S ANNIVERSARY

18 февраля 2018 года профессор **Дюла Свак**, доктор исторических наук, почетный доктор РАН, основатель и руководитель Центра русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвёша, председатель Венгерско-российской комиссии историков, председатель «Фонда развития русского языка и культуры», председатель Общества венгерско-российской дружбы (2009–2015) отмечает свой юбилей.

В рамках юбилейных ритуалов перечисление всех титулов Дюлы Свака, всех ипостасей его активной и талантливой личности (среди которых, например, успешная издательская деятельность), а также наград (назовем только орден «Золотой крест» Венгерской республики «за выдающуюся деятельность в области науки и просвещения» и медаль Пушкина «за большой вклад в сближение и взаимообогащение культур») выглядит логично.

Но, как мне кажется, порой титулы, факты и цифры заслоняют суть событий, составляющих биографию человека. А мне, когда я пишу о своем старинном друге, именно «до самой сути» «хочется дойти». Возможно потому, что, как Дюла Свак писал в одном из своих эссе, наше «поколение еще умеет играть на „инструменте ностальгии“», а возможно мне хочется последовать еще одному его совету: «раздвинуть жанровые границы» и позволить себе некоторые «лирические отступления».

Мы познакомились в студенческие годы, одновременно учились в аспирантуре Ленинградского государственного университета, почти в один день защитили кандидатские диссертации (Дюла писал ее под руководством профессора Р. Г. Скрынникова, с которым сохранил дружбу на всю жизнь), параллельно начали преподавательскую деятельность и, разделенные историческими событиями, бурлившими как в Венгрии, так и в России, снова встретились лишь в конце 90-х. И эта встреча была празд-

ником, и этот праздник остался со мной!

Дюла Свак стал крупным ученым (автором 18 монографий и около 200 статей), успешным бизнесменом, общественным деятелем (курировавшим сезоны Венгерской культуры в России в 2005 году), создателем и организатором Центра русистики. Позднее (осенью 2010 года) сумел создать при Будапештском университете магистратуру и докторантуру по русистике (единственную в Венгрии), обеспечив и организационную, и интеллектуальную инфраструктуру.

Не так уж много времени прошло, внешние условия были совсем не благоприятными, сферы деятельности отнюдь не родственными, а результаты удивительными.

В 2005 году журнал «Огонек», освещая сезон венгерской культуры в России, поместил две фотографии: всемирно известного венгерского режиссера Иштвана Сабо и главного куратора сезона — Дюлы Свака. В этом совпадении был глубокий смысл. В фильме Иштвана Сабо «Милая Эмма, дорогая Бебе» была показана трагическая судьба преподавателей русского языка в период стремительной и болезненной смены режима. Дюла Свак был в числе тех, кто разрабатывал и создавал «защитные механизмы», позволяющие сохранить опыт венгерской русистики.

В чем же феномен человека, называющего себя «нерусским русофилом»?

Думаю, что на первом месте здесь будут слова «любовь» и «память». Любовь 10-летнего мальчика (чьи родители работали в Монголии вместе с коллегами из Советского Союза и поэтому он два года провел в русскоязычной среде), сохранившего эту любовь к русскому языку, русской культуре и русским людям на всю жизнь.

К этому слову можно добавить слово «преданность». Преданность своим учителям, о которых Дюла Свак много пишет, и «субъективные

портреты» которых автор справедливо считает притчами о Человеке. Ибо для него «истории с большой буквы не существует, есть только история людей».

Рассказывая о себе, Дюла Свак признается, что хотел быть журналистом, но не стал, «потому что в этом случае не мог быть таким основательным человеком, каким я хотел быть». Основательность, ответственность, поиск истины, «потребность в передаче объективных знаний», непредвзятое открытое мышление — вот ценности, которые он передает свои студентам. И добавляет: «Русистика — лишь средство для

этого, если бы я выбрал другую специальность, мое кредо было бы точно таким же».

Насколько Дюла Свак как историк воспитан художественной литературой, художественным словом и как он умеет использовать возможности образного слова, дает представление рассказ, любезно предоставленный автором.

ПРИМЕЧАНИЕ

*Здесь и далее даются ссылки на очерки Дьюлы Свак в книгах: *Свак Д.* 1) Русская парадигма (русифобские заметки русофила). СПб., 2010; 2) На службе у Клио и у власть предержащих (Этюды по руссиеведению) // *Russica Pannonicana*, 2014.

Н. М. Филиппова, канд. филол. наук, доц.

1944, ТЫ — ЗВЕЗДА *

I. KVAS. 1944, YOU ARE A STAR

Енё Хирш не принадлежал к числу людей, которые охотно ходят на кладбище. Не то чтобы ему нужно было долго добираться до него, но он всегда боялся пропустить нужный ему перекресток. Правда, позже перекресток был значительно расширен, а на углу поставили фонарь, но добраться туда все равно было непросто. Обочины дороги заросли высокой травой, с годами покрывшей трамвайные рельсы, а кладбищенские ворота так успешно спрятались в обступившем их огромном беспорядке, что отыскать их было весьма затруднительно. К тому же справа по-прежнему подъезжали трамваи, неожиданно застывавшие на месте перед входом на кладбище. А Енё Хирш, по правде говоря, боялся трамваев, ведь они были сильнее и в довершение всего нападали с правой стороны.

Возможно, все это было для него лишь отговоркой. Он не был верующим, но при входе на кладбище и ему для приличия следовало бы надевать какую-нибудь шляпу, чего он, конечно, всячески избегал, но чувствовал при этом некоторую неловкость. На соседнем кладбище таких забот у него быть не могло, да и дорога там была получше, а вид выстроившихся на тротуаре цветочных лавок почти заставлял человека забыть о том, зачем он приехал на машине в это богом забытое место.

Енё Хирш уже давно не навещал могилу своего умершего отца, зато приходил на могилу

матери на другое кладбище. И все же надгробный памятник он заказал там, где лежал его отец, так как хорошо запомнил вечную истину, сообщенную ему многоопытным приятелем-частником: заходи лишь в те придорожные буфеты, стоянки у которых переполнены до отказа! Так вот, в то время как перед христианским кладбищем, протянувшимся по одну сторону улицы, выстроился целый ряд мастерских по изготовлению надгробий, на другой, еврейской стороне их было всего две или три, к тому же и цены в них были высоковаты. Ничего не поделаешь, — таково неизбежное следствие монопольного положения. И добро бы хоть памятники были покрасивее, но нет, наоборот, предлагаемые здесь товары получились невзрачными. В молодости Енё Хирш не придал бы этому особого значения, ведь эстетичность надгробий уже вряд ли может улучшить настроение отошедших в лучший мир, но с годами он стал менее склонен рассматривать мистику вечного упокоения с рациональной точки зрения.

И Енё Хирш отправился заказывать надгробие матери у «потусторонних» мастеров. Выбор у них был самый разнообразный: предлагались памятники для членов ордена витязей, камни с изображением ангелочков и крестов, к которым он по понятным причинам прицениваться не стал, зато вид зеленого, как будто пораженного молнией мрамора был неотразим. К слову сказать, Енё Хирш вовсе не был уверен в том,

что мемориальные предметы такого рода обязательно должны охватывать все жизнь человека, к тому же он хорошо знал, что Эльза немедленно отбросила бы такую идею, но все же, хотя бы отдавая дань чувству собственного достоинства, нельзя было не добавить к символике смерти Освенцим. Ведь несмотря на то, что беременной Эльзе удалось вырваться из клещей врача-мясника по имени Менгеле, удалось выжить и вернуться домой, обзавестись новой семьей и родить детей, которые дали ей множество внуков, выпавшая на ее долю жизнь лучше выражалась образом разбитого молнией дерева, чем, скажем, образом оазиса с пальмовыми садами.

Можно сказать, что Енё Хирш задумал все это для успокоения своей совести, а главное — ради своих детей: раз уж они не приходят или редко приходят к земляному холмику, где лежит их бабушка, то пусть ее память увековечит хотя бы камень. И вот он заказал, оплатил, перевез расщепленную гранитную плиту от конкурентов на кладбище матери и не мог нарадоваться, глядя на нее. С тех пор он стал приходить к матери чаще и, хотя и не оставался у могилы больше 5–10 минут, но с удовлетворением смотрел, как среди других надгробий, видневшихся по краю кладбищенской аллеи, позвывает и расколотый надвое памятник его родной матери. Правда, имена погибших членов его семьи уже были выгравированы на мемориальных досках как на его родине, так и на месте злодеяния, однако Енё Хирш не доверял официальным мемориалам.

Ему казалось, что он один способен запечатлеть память о своей матери. От этого он почувствовал умиротворение и, приходя на могилу с цветком в руке, всегда испытывал неожиданно охватывавшее его спокойствие. Он действовал быстро и целеустремленно: ставил цветок в каменную вазу, затем, постоянно забывая взять с собой какие-нибудь средства для уборки, руками счищал, даже скорее бережными глядящими движениями удалял налипшую на могилу грязь и опавшие листья и шел к крану с водой, установленному в конце аллеи. Там он останавливался, скамейки не было, поэтому он просто стоял и издали смотрел на Эльзу. Ему было грустно,

да и как ему было не грустить? И в то же время душа его была охвачена счастьем из-за того, что его мать не дождала до того, что происходило теперь. Если уже одно имя впавшего в юдофобию писателя-толстяка настолько раздражало ее, что она отказывалась его произносить, то как бы она отнеслась к распространяющемуся исподволь обыкновенному фашизму или к нацистскому памятнику, который планировалось установить рядом с памятником Хорти? Пусть лучше будет так, как есть. Самому Енё Хиршу это ничем помочь не могло, зато по крайней мере его матери покой был обеспечен, хотя бы даже и в земле.

Вообще-то он никогда не упоминал об истории своей семьи. Он, можно сказать, привык к тому, что ему не довелось знать ни бабушку с дедушкой со стороны матери, ни двух теток и дядей, которых он никогда и не мог представить в этой роли, поскольку Вере было только восемь, а Йожи одиннадцать лет. Быть может, именно поэтому он и попросил выгравировать имена всех шестерых вместе с датами рождения и смерти на надгробном камне матери. Пусть от всей погибшей семьи Хиршей останется хотя бы это и хотя бы только в его памяти, — несколько имен и дат, выгравированных на камне.

И Енё Хирш вполне удовлетворился бы этим. Его вовсе не интересовали извинения от имени нации, он не ждал всеобщего покаяния и не хотел, чтобы кто-то посыпал голову пеплом за грехи предков. Что случилось, то случилось.

Вот только не было бы этого телефонного звонка, раздавшегося однажды в конце лета во второй половине дня, когда надгробие было установлено на могиле. Из трубки донеслись испуганные голоса помощников камнереза: «Хозяин! Мы все заporоли, у всех шести имен выгравировали 1944 год!»

Было нелегко успокоить бедных невежественных парней и объяснить им, что 1944 год «заporоли» вовсе не они.

Иван Квас (Перевод П. Борисова)

ПРИМЕЧАНИЕ

* В названии содержится саркастическая отсылка к стихотворению Шандора Петефи «1848», которое начинается строками: «О звезда сорок восьмого года! Народов ты расцветная звезда!»